

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Вестник БГУ.
Серия 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

3

2024

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Заместитель главного редактора	МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Ответственный секретарь	КОНДРАЛЬ А. А. – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kondral@bsu.by
Бон Т.	Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
Бородкин Л. И.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Волански Ф.	Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
Жанбосинова А. С.	Научно-исследовательский центр Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
Жеребцов И. Л.	Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия.
Линднер Р.	Констанцский университет, Констанц, Германия.
Минасян Э. Г.	Ереванский государственный университет, Ереван, Армения.
Упадуэй А.	Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Дели, Индия.
Фишер Д.	Техасский университет в Браунсвилле, Браунсвилл, США.
Фэн Ш.	Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
Шмигель М.	Университет Матей Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
Яновский О. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Белусов Л. С.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Бабищевич А. Н.	Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
Виддер Э.	Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
Дук Д. В.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Карпов С. П.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Карпюк С. Г.	Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
Коваленя А. А.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Космач В. А.	Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Кошелев В. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лавринович Д. С.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Ларин М. В.	Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
Лозовюк П.	Западно-Чешский университет, Пльзень, Чехия.
Локотко А. И.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Марзалюк И. А.	Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мезга Н. Н.	Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Микнис Р.	Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
Нечухрин А. Н.	Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Новогродский Т. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Пилипенко М. Ф.	Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвийский университет, Рига, Латвия.
Ураков Д. Ж.	Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан.
Ходин С. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	КАХАНОЎСКІ А. Г. – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Намеснік галоўнага рэдактара	МЕНЬКОЎСКІ В. І. – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Адказны сакратар	КОНДРАЛЬ А. А. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі новага і навейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kondral@bsu.by

Бародкін Л. І.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Бон Т.	Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Валанскі Ф.	Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.
Жанбасінава А. С.	Навукова-даследчы цэнтр Еўразійскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Л. М. Гумілёва, Астана, Казахстан.
Жарабцоў І. Л.	Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктывукар, Расія.
Лінднер Р.	Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.
Мінасян Э. Г.	Ерэванскі дзяржаўны ўніверсітэт, Ерэван, Армения.
Упадуэй А.	Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Дэлі, Індыя.
Фішэр Д.	Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, Браўнсвіл, ЗША.
Фэн Ш.	Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагогічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
Шмігель М.	Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
Яноўскі А. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

Белавусаў Л. С.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Вабишчэвіч А. М.	Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э.	Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.
Дук Д. У.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Каваленя А. А.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Карпаў С. П.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г.	Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Космач В. А.	Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Кошалеў У. С.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Лазавюк П.	Заходне-Чэшскі ўніверсітэт, Пльзень, Чэхія.
Лакотка А. І.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Ларын М. В.	Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
Лаўрыновіч Д. С.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Марзалюк І. А.	Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
Мікніс Р.	Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
Мязга М. М.	Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Навагродскі Т. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Нячухрын А. М.	Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
Піліпенка М. Ф.	Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
Уракаў Д. Ж.	Нацыянальны ўніверсітэт Узбекістана імя Мірзо Улугбека, Ташкент, Узбекістан.
Ходзін С. М.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief**   **KAKHANOUSKI A. G.**, doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: kohanovsky@bsu.by
- Deputy editor-in-chief**   **MENKOUSKI V. I.**, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: menkovski@bsu.by
- Executive secretary**   **KONDRAL A. A.**, PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: kondral@bsu.by

- Bohn T.** Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
- Borodkin L. I.** Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Feng Sh.** School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies, East China Normal University, Shanghai, China.
- Fisher D.** University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
- Lindner R.** University of Konstanz, Konstanz, Germany.
- Minasyan E. G.** Yerevan State University, Yerevan, Armenia.
- Šmigel' M.** Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
- Upadhyay A.** Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
- Wolański F.** Institute of History, University of Wrocław, Wrocław, Poland.
- Yanouski A. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Zhanbossinova A. S.** Research Centre of L. N. Gumilyov, Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
- Zherebtsov I. L.** Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Belousov L. S.** Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Duk D. V.** Mogilev State A. Kuleshov University, Magiliow, Belarus.
- Karpov S. P.** Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Karpyuk S. G.** Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Khodzin S. N.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Koshelev V. S.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Kosmach V. A.** Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Viciebsk, Belarus.
- Kovalenya A. A.** National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Larin M. V.** Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
- Lavrínovich D. S.** Mogilev State A. Kuleshov University, Magiliow, Belarus.
- Lokotko A. I.** National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Lozoviuk P.** University of West Bohemia, Plzeň, Czechia.
- Marzaluk I. A.** House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
- Miazga M. M.** Francisk Skorina Gomel State University, Gomiel, Belarus.
- Miknys R.** Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
- Nechukhrin A. N.** Yanka Kupala State University of Grodno, Grodna, Belarus.
- Novogrodsky T. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Pilipenko M. F.** Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Centre for the Belarusian Culture, Language and Literature Research, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Tumans H.** University of Latvia, Riga, Latvia.
- Vabishchevich A. N.** Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
- Widder E.** Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.
- Urakov D. Z.** National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan.

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 94(476)«1985–1991»

МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ БССР В ПЕРИОД СОВЕТСКОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ (1985–1991): КРИЗИС РОСТА

С. А. ЕЛИЗАРОВ¹⁾

¹⁾Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого,
пр. Октября, 48, 246029, г. Гомель, Беларусь

Аннотация. Рассматривается процесс изменения роли Советов народных депутатов БССР в период политики перестройки. Внимание акцентируется на местных Советах народных депутатов (областных, районных и городских) и их исполкомах. Показывается, что в 1985–1987 гг. принятые союзными и республиканскими органами власти и управления меры соответствовали ожиданиям руководства местных Советов народных депутатов и предусматривали постепенное повышение значимости местных органов власти и управления в советской политико-экономической системе. Отмечается, что только в 1988 г. вследствие очередной попытки разграничения властных полномочий между коммунистической партией и органами государственной власти и управления были предприняты первые меры по радикальному изменению роли Советов народных депутатов и их ускоренному превращению в самостоятельные и ответственные местные органы власти и управления. Подчеркивается, что в условиях усиления кризисных явлений в экономике и роста недовольства населения итогами перестройки расширение полномочий Советов народных депутатов привело к распространению местничества, игнорированию государственных интересов и принципа соблюдения исполнительской дисциплины. В результате был разработан проект фактического введения чрезвычайного положения, предполагающий отказ от демократической парадигмы реорганизации системы государственного управления как опасного и разрушительного для общества эксперимента. Радикальная и ускоренная трансформация системы государственной власти и управления в Беларуси в конце 1980-х – начале 1990-х гг. закончилась неудачей.

Образец цитирования:

Елизаров С.А. Местные Советы народных депутатов БССР в период советской перестройки (1985–1991): кризис роста. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2024;3:5–14.
EDN: YZHFNX

For citation:

Elizarov SA. Local Soviets of People's Deputies of the BSSR during the Soviet perestroika (1985–1991): the crisis of growth. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2024;3:5–14. Russian.
EDN: YZHFNX

Автор:

Сергей Александрович Елизаров – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин гуманитарно-экономического факультета.

Author:

Sergey A. Elizarov, doctor of science (history), full professor; professor at the department of social-humanitarian and legal disciplines, faculty of economics and humanities.
sergeyelizarov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7015-3702>

Ключевые слова: БССР; государственное управление; политика перестройки; Советы народных депутатов; местные органы власти и управления.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг. (подпрограмма «История»; тема 12.1.3.11 «Местные органы государственной власти управления Белорусской ССР – Республики Беларусь: организационные, правовые, материально-финансовые и кадровые основы функционирования (1944–2020 гг.)»).

МЯСЦОВЫЯ САВЕТАЫ НАРОДНЫХ ДЭПУТАТАЎ БССР У ПЕРЫЯД САВЕЦКАЙ ПЕРАБУДОВЫ (1985–1991): КРЫЗІС РОСТУ

С. А. ЕЛИЗАРАЎ^{1*}

^{1*} Гомельскі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт імя П. В. Сухога,
пр. Кастрычніка, 48, 246029, г. Гомель, Беларусь

Анотацыя. Разглядаецца працэс змены ролі Саветаў народных дэпутатаў БССР у перыяд палітыкі перабудовы. Увага акцэнтаецца на мясцовых Саветах народных дэпутатаў (абласных, раённых і гарадскіх) і іх выканкамах. Паказваецца, што ў 1985–1987 гг. прынятыя саюзнымі і рэспубліканскімі органамі ўлады і кіравання меры адпавядалі чаканням кіраўніцтва мясцовых Саветаў народных дэпутатаў і прадугледжвалі паступовае павышэнне значнасці мясцовых органаў улады і кіравання ў савецкай палітыка-эканамічнай сістэме. Адзначаецца, што толькі ў 1988 г. у выніку чарговай спробы размежавання ўладных паўнамоцтваў паміж камуністычнай партыяй і органамі дзяржаўнай улады і кіравання былі прыняты першыя меры па радыкальнай змене ролі Саветаў народных дэпутатаў і іх паскоранаму пераўтварэнню ў самастойныя і адказныя мясцовыя органы ўлады і кіравання. Падкрэсліваецца, што ва ўмовах узмацнення крызісных з'яў у эканоміцы і росту незадаволенасці насельніцтва вынікамі перабудовы пашырэнне паўнамоцтваў Саветаў народных дэпутатаў прывяло да развіцця месніцтва, ігнаравання дзяржаўных інтарэсаў і прынцыпу выканальніцкай дысцыпліны. У выніку быў распрацаваны праект фактычнага ўвядзення надзвычайнага становішча, які прадугледжваў адмову ад дэмакратычнай парадыгмы рэарганізацыі сістэмы дзяржаўнага кіравання як небяспечнага і разбуральнага для грамадства эксперыменту. Радыкальная і хуткасная трансфармацыя сістэмы дзяржаўнай улады і кіравання ў Беларусі ў канцы 1980-х – пачатку 1990-х гг. скончылася няўдачай.

Ключавыя словы: БССР; дзяржаўнае кіраванне; палітыка перабудовы; Саветы народных дэпутатаў; мясцовыя органы ўлады і кіравання.

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны ў рамках дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг. (падпраграма «Гісторыя»; тэма 12.1.3.11 «Мясцовыя органы дзяржаўнай улады кіравання Беларускай ССР – Рэспублікі Беларусь: арганізацыйныя, прававыя, матэрыяльна-фінансавыя і кадравыя асновы функцыянавання (1944–2020 гг.)»).

LOCAL SOVIETS OF PEOPLE'S DEPUTIES OF THE BSSR DURING THE SOVIET PERESTROIKA (1985–1991): THE CRISIS OF GROWTH

S. A. ELIZAROV^a

^a Sukhoi State Technical University of Gomel, 48 Kastychnika Avenue, Gomel 246029, Belarus

Abstract. The process of changing the role of the Councils of People's Deputies of the BSSR during the period of perestroika policy is considered. Attention is focused on local Councils of People's Deputies (regional, district and city) and their executive committees. It is shown that in 1985–1987 the measures taken by the union and republican authorities and administration corresponded to the expectations of the leadership of local Soviets of People's Deputies and provided for a gradual increase in the role of local authorities and administration in the Soviet political and economic system. It is noted that only in 1988, as a result of another attempt to delineate powers between the Communist Party and government bodies, the first measures were taken to radically change the role of the Councils of People's Deputies and their accelerated transformation into independent and responsible local authorities and management. It is emphasised that in the context of growing crisis phenomena in the economy, growing dissatisfaction of the population with the results of perestroika, the expansion of powers of the Councils of People's Deputies led to the spread of localism, ignoring state interests and a decline in executive discipline. As a result, a project was developed for the actual introduction of a state of emergency, which involved abandoning the democratic paradigm of reorganising the public administration system as a dangerous and destructive experiment for society. Radical and accelerated transformation of the system of state power and administration in Belarus in the late 1980s – early 1990s ended in failure.

Keywords: BSSR; state administration; perestroika policy; Soviets of People's Deputies; local authorities and administrations.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the state scientific research programme «Society and humanitarian security of the Belarusian state» for 2021–2025 (subprogramme «History»; topic 12.1.3.11 «Local government bodies of the Belarusian SSR – the Republic of Belarus: organisational, legal, material, financial, and personnel basis for functioning (1944–2020)»).

Введение

Распад СССР стал событием глобального значения, приведшим к коренным изменениям миропорядка и оказавшим сильное влияние на жизненные приоритеты многих поколений людей, которые связывали свои надежды с социализмом. Сегодня данная тема привлекает все больше внимания политологов, юристов, социологов, а в последнее время и историков.

В российской историографии причины, характер, темпы и последствия перестройки, а также объективные и субъективные факторы распада СССР оцениваются по-разному¹ [1–5]. Значительный интерес к указанной теме проявляют и китайские исследователи, стремясь извлечь из советского опыта уроки, необходимые для сохранения модели социалистического развития Китая².

В белорусской историографии особенности развития БССР в 1985–1991 гг. получили научный анализ в рамках изучения темы, связанной с перестройкой системы республиканских органов государственной власти и управления³ [2]. Вместе с тем специальные исследования, посвященные официальной доминанте перестроечной реформы советской политической системы, а именно превращению Советов народных депутатов (СНД) в реальный орган на-

родовластия и обеспечению полномочия СНД как основы социалистической государственности и самоуправления, до сих пор не проводились. В связи с этим в настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть цели, задачи, средства и формы реализации этого курса, а также его оформление в нормативных правовых актах, регулировавших деятельность местных СНД (областных, районных, городских, поселковых и сельских) и их исполкомов.

Источниковую базу исследования составляют публикации нормативных правовых актов, а также документы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ) и Государственном архиве Гомельской области. Мемуары белорусских акторов политического процесса в период перестройки (Н. И. Дементей, В. Ф. Кебича, М. В. Мясниковича, С. С. Шушкевича⁴) представляют собой дополнительный материал, необходимый для более детального понимания механизмов разработки и принятия властных решений, составления характеристики государственных деятелей того периода, однако не содержат полезной информации на тему изменения роли Советов народных депутатов в Белорусской ССР в период политики перестройки.

Методология исследования

Анализ проблемы проводится с использованием научных принципов детерминизма, историзма, системности и критичности. Изменения в системе местных СНД как основы функционирования советской политической системы рассматриваются сквозь призму развития советского общества согласно новому партийно-правительственному полити-

ческому курсу на расширение полномочий СНД как важнейшей составляющей перестроечной идеологии и практики. Изучение процессов функционирования местных СНД в БССР проводится в контексте перестроечных нововведений. Данное исследование представляет собой результат авторской интерпретации проблемы.

¹Органы государственной власти в период советской перестройки (1985–1991 гг.) / под ред. Ю. Л. Шульженко. М. : ФГБОУ ВО «ГУУ», 2016. 149 с. ; Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. : в 4 т. Т. 4. 1917–1991 гг. / под ред. И. Н. Данилевского. М. : Росспэн, 2016. 671 с.

²Ли Шэньмин. Над этим размышляют историки. Заметки к 20-летию с момента развала СССР. Пекин : Изд-во лит. об-ществ. наук, 2021. 597 с.

³Касцюк М. П. Беларусь у сацыяльна-эканамічных і грамадска-палітычных працэсах 1946–2006 гг. Мінск : Беларус. навука, 2007. 214 с. ; Ґісторыя Беларусі : у 6 т. Т. 6. Беларусь у 1946–2009 гг. / рэдкал. : М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : Экаперспектыва, 2011. 728 с. ; Ґісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. : у 2 кн. Кн. 2 / А. А. Каваленя [і інш.]. Мінск : Беларус. навука, 2012. 654 с. ; История белорусской государственности : в 5 т. Т. 5. Национальная государственность на переломе эпох (вторая половина XX – начало XXI в.) / редкол. : А. А. Каваленя (гл. ред.) [и др.] ; отв. ред. Н. В. Смехович. Минск : Беларус. наука, 2020. 758 с. ; Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе / М. П. Касцюк [і інш.] ; рэдкал. : А. А. Каваленя [і інш.]. Мінск : Беларус. навука, 2008. 615 с.

⁴Дементей Н. И. Уроки жизни. Минск : БелТА, 2005. 199 с. ; Кебич В. Ф. Испытание властью: из жизни премьер-министра. Минск : Парадокс, 2008. 480 с. ; Мясникович М. В. Так было. + Личное. Минск : Беларус. наука, 2022. 583 с. ; Шушкевич С. С. Моя жизнь, крушение и воскрешение СССР. М. : Росспэн, 2012. 470 с.

Результаты и их обсуждение

Функции местных СНД как органов государственной власти и управления в границах своих административно-территориальных единиц были зафиксированы в соответствующих положениях законодательства БССР, которые в дальнейшем претерпели изменения. С середины 1950-х гг. стал осуществляться сбор предложений от самих органов местной власти и управления по расширению их функций, а также по обеспечению их большим количеством организационных, административных и материально-финансовых ресурсов. Инициатором данной практики выступил союзный центр. Таким образом он намеревался выявить проблемы, которые препятствовали эффективному решению задач, стоящих перед региональными управленческими структурами, а также очертить круг полномочий, с которыми данные структуры могут справиться самостоятельно.

Проведенный автором анализ предложений, поступавших в 1960-х – первой половине 1980-х гг. в союзные и республиканские органы власти и управления от белорусской региональной номенклатуры, свидетельствует о заинтересованности местного партийно-советского руководства, во-первых, в превращении местных СНД в главный орган, отвечающий за комплексное социально-экономическое развитие своих регионов, во-вторых, в расширении влияния местных СНД на деятельность расположенных на их территории предприятий и организаций вышестоящего подчинения, в-третьих, в укреплении материально-финансовой базы местных бюджетов как за счет новых источников дохода, так и за счет передачи в ведение СНД субъектов хозяйствования, обслуживавших преимущественно местное население, но находившихся под руководством вышестоящих органов⁵.

Большинство предложений соответствовали избранному в 1985 г. союзным центром курсу на ускорение социально-экономического развития СССР. Они нашли отражение в постановлении ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 25 июля 1986 г. № 876 «О мерах по дальнейшему повышению роли и усилению ответственности Советов народных депутатов за ускорение социально-экономического развития в свете решений XXVII съезда КПСС»⁶ и постановлении ЦК КПБ, Президиума Верховного Совета БССР и Совета Министров БССР от 10 сентября 1986 г. № 288 «Об организации

выполнения постановления ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему повышению роли и усилению ответственности Советов народных депутатов за ускорение социально-экономического развития в свете решений XXVII съезда КПСС»⁷.

Последний документ возлагал на местные СНД обязанность обеспечить координацию деятельности объединений, предприятий и организаций (независимо от их подчиненности) по повышению технического уровня производства, увеличению объема и улучшению качества выпускаемых изделий. Для этой цели предполагалось создать межотраслевые и межхозяйственные территориально-производственные объединения с включением в их состав предприятий и организаций союзного, республиканского и местного подчинения.

Были расширены возможности местных СНД в вопросе развития находящихся под их руководством регионов на стадии планирования. С 1987 г. исполкомам СНД было разрешено разрабатывать проекты экономического и социального развития своих регионов на год и на пять лет. Для усиления влияния местных органов власти и управления министерствам и ведомствам БССР, Госплану БССР запрещалось принимать проекты планов от объединений, предприятий и организаций без согласования с исполкомами местных СНД. Разногласия между министерствами, ведомствами БССР и исполкомами СНД рассматривались на заседаниях коллегии Госплана БССР с участием заинтересованных сторон.

Названное постановление также предусматривало передачу в местное подчинение предприятий и организаций, продукция которых была связана с удовлетворением потребностей населения соответствующей территории. Местные СНД получили право назначать всем объединениям, предприятиям и организациям задания по дополнительному выпуску пользующихся спросом товаров народного потребления и оставлять в своем распоряжении весь объем товаров, изготовленных по указанным заданиям.

Кроме того, с целью повысить заинтересованность местных СНД в улучшении работы расположенных на их территории объединений, предприятий и организаций Министерству финансов БССР были поставлены задачи обеспечить формирование доходной части

⁵НАРБ. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 65. Л. 59–64 ; Там же. Д. 710. Л. 96–108 ; Там же. Ф. 7. Оп. 5. Д. 683. Л. 131–138 ; Там же. Д. 1249. Л. 112–113 ; Там же. Д. 1250. Л. 1–83 ; Там же. Д. 5265. Л. 103–181 ; Там же. Оп. 10. Д. 65. Л. 212–237.

⁶Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 25 июля 1986 г. № 876 «О мерах по дальнейшему повышению роли и усилению ответственности Советов народных депутатов за ускорение социально-экономического развития в свете решений XXVII съезда КПСС» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 16 т. Т. 16, ч. 2. 1988 / сост.: К. У. Черненко, М. С. Смиртюков ; под общ. ред. К. М. Боголюбова, М. С. Смиртюкова. М. : Политиздат, 1988. С. 386–402.

⁷НАРБ. Ф. 7. Оп. 10. Д. 65. Л. 212–237.

местных бюджетов в большей зависимости от результатов работы хозяйственных субъектов и укрепить местные бюджеты за счет увеличения платежей из прибыли объединений, предприятий и организаций республиканского подчинения.

Содержащиеся в союзном и республиканском постановлениях требования в целом удовлетворяли местную управленческую элиту. Заявленные на XXVII съезде КПСС (25 февраля – 6 марта 1986 г.) меры по демократизации работы СНД звучали все годы советской власти, поэтому были спокойно восприняты местной номенклатурой.

Первые результаты реализации курса на ускорение социально-экономического развития государства, который изначально планировалось претворить в жизнь в рамках существовавшей политико-экономической системы с помощью декларируемых еще с 1970-х гг. средств (ускорения научно-технического прогресса, технической реконструкции народного хозяйства и усовершенствования хозяйственного механизма), не устраивали инициаторов данной идеи. С 1987 г. надежды на позитивные сдвиги в социально-экономической сфере были связаны с новым курсом на перестройку всех сфер жизни советского общества, в первую очередь с развитием производственной демократии. При этом роль СНД в этом процессе рассматривалась лишь в контексте мер по усилению контроля за деятельностью руководящих кадров⁸.

Изменение отношения высшего партийно-советского руководства СССР к роли СНД в советской политической системе зафиксировала XIX Всесоюзная конференция КПСС (28 июня – 1 июля 1988 г.). Основным направлением политической реформы было избрано разграничение функций партийных и государственных органов. Выступая на конференции, М. С. Горбачёв подчеркнул: «От решения этого вопроса зависит, по сути дела, и реконструкция нашей политической системы, и успех перестройки в целом»⁹. Разграничение функций партийных и государственных органов предполагалось осуществить посредством превращения СНД в самостоятельный орган власти и управления, а также путем концентрации усилий партийных организаций на идейно-политической и координационной работе.

Несмотря на внешне радикальную форму, по сути ничего нового сказано не было. Подобные заявления часто присутствовали в выступлениях советских партийных лидеров, но так и не были реализованы. В условиях быстрой политизации общественных настроений и отсутствия у партийных организаций

опыта публичной полемики единственным средством реализации решения XIX Всесоюзной конференции КПСС о сохранении руководящей роли партии в жизни общества при ограничении ее властных полномочий (отказ от командно-приказных методов работы и подмены государственных и хозяйственных органов партийными комитетами, исключение принятия партийных решений, содержащих прямые указания в их адрес) оставался номенклатурный механизм кадровой политики.

В принятой на конференции резолюции «О демократизации советского общества и реформе политической системы» были определены главные нововведения в советском строительстве¹⁰. Базовыми принципами функционирования перестроечных СНД и их исполкомов провозглашались самоуправление, самофинансирование, самообеспечение и согласование региональных интересов с общегосударственными. При формировании исполкомов и назначении руководителей их структурных подразделений вводилась конкуренция: требовалось выдвижение нескольких кандидатур на одно место, а также проведение тайного голосования.

Для обеспечения доминирующей роли представительных органов СНД над их исполкомами в местных СНД, кроме сельских и поселковых, рекомендовалось образовывать постоянно действующие президиумы во главе с председателями. На эти должности было предложено выдвигать первых секретарей соответствующих партийных комитетов. Такой подход позволял легитимировать руководящую роль коммунистической партии в СНД. Еще в апреле 1988 г. на встречах с первыми секретарями ЦК нацкомпартий, обкомов и крайкомов КПСС М. С. Горбачёв неоднократно возвращался к этому предложению: «А у нас все с ног на голову поставлено. Исполкомы над Советами [народных депутатов]. Почему не создать президиум Совета [народных депутатов], который руководил бы Советом [народных депутатов] между его сессиями и которому был бы подчинен исполком? Важно, чтобы партия оставалась лидером. Поэтому во главе такого президиума должен быть секретарь обкома»¹¹.

Данный вопрос вызвал наибольшие сомнения у делегатов конференции. Как это нововведение вписывается в концепцию разграничения функций партийных и государственных органов? Не приведет ли такой механизм выборов председателей президиумов СНД к ущемлению прав беспартийных? Некоторые из делегатов даже высказали предложение о вынесении названных вопросов на всенародный

⁸Материалы Пленума Центрального комитета КПСС. 27–28 января 1987 г. М. : Политиздат, 1987. С. 8.

⁹XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня – 1 июля 1988 г. : стеногр. отчет : в 2 т. Т. 1 / ред.: Л. Н. Барыкина, Б. Б. Неклюков. М. : Политиздат, 1988. С. 85.

¹⁰Там же. Т. 2. С. 135–144.

¹¹В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / сост.: А. Чергняев, А. Вебер, В. Медведев. М. : Горбачёв-фонд, 2008. С. 315, 344.

референдум. В связи с этим среди них было проведено голосование.

Участники конференции высказались за запрет членам исполкомов СНД, руководителям их отделов и управлений, судьям, государственным арбитрам и прокурорам быть депутатами соответствующих СНД, при этом указанный запрет не касался их членства в вышестоящих и нижестоящих СНД. Данный факт стал серьезным шагом к реализации принципа разделения властей на местном уровне и ликвидации отличительного признака традиционной системы СНД, а именно сосредоточения в одном органе представительских, исполнительных и судебных полномочий (когда фактически одни и те же люди принимали решения, исполняли их и следили за их исполнением). Для всех уровней СНД рекомендовалось установить один срок полномочий – пять лет. Также предлагалось ограничить продолжительность нахождения на выборных должностях в СНД (не более двух сроков подряд).

Состоявшийся 4 октября 1988 г. Пленум ЦК КПБ традиционно одобрил решения XIX Всесоюзной конференции КПСС как программной политической позиции партии и руководства для всех партийных организаций республики¹².

Решения конференции, касающиеся роли СНД в политической системе, получили нормативное закрепление в Законе СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-XI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР»¹³. На базе указанного закона был принят Закон БССР от 27 октября 1989 г. № 2917-XI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Белорусской ССР»¹⁴.

В БССР СНД всех уровней были объявлены органами представительной (а не государственной) власти. Для всех СНД был установлен единый срок полномочий – пять лет (вместо двух с половиной лет), были созданы президиумы. Вводилось ограничение времени пребывания на своих постах всех должностных лиц, избираемых или назначаемых СНД (не более двух сроков подряд). Работники исполкомов (за исключением председателей), судьи и государственные арбитры, избранные или назначенные данным СНД, не могли быть их депутатами.

С 1989 г. инициатива в определении конкретных путей, методов и средств повышения роли СНД переходит от партийных органов к органам представи-

тельной и исполнительной власти. Ни на XXVIII съезде КПСС (2–13 июля 1990 г.), ни на XXXI съезде КПБ (28 ноября – 1 декабря 1990 г.) ничего нового по этому вопросу, кроме повторения тезисов, озвученных в 1987–1988 гг., сказано не было. Так, в резолюциях съезда КПБ «Концепция Программы Коммунистической партии Белоруссии», «Об особенностях тактики Коммунистической Белоруссии в современных условиях», «О работе коммунистов в Советах народных депутатов» звучали слова о необходимости «укрепления полного народовластия через Советы народных депутатов», реализации партийной линии «через первичные парторганизации, партийные комитеты, коммунистов, которые работают в Советах народных депутатов», овладения «механизмом выборности» и т. д. О проведении партийной политики через работающих в СНД коммунистов говорили так долго (с первых лет советской власти), что сказанное воспринималось уже как рецидив прошлого, а не как практическое нововведение в рамках перестройки. При этом указывалось, что «отдельные коммунисты-депутаты ставят себя вне зависимости от парторганизаций, считают необязательным выполнение решений партии»¹⁵. Тенденция к нарушению незыблемого принципа партийной дисциплины – принципа безусловного подчинения членов партии решениям партийных органов – постепенно распространялась, превращая недавно всевластные органы руководства КПБ и в центре, и на местах фактически в беспомощный и малозначимый элемент политической системы, стремительно теряющий влияние на практическую деятельность СНД.

Повышение значимости местных территориальных органов власти и управления в решении региональных вопросов было закреплено Законом СССР от 9 апреля 1990 г. № 147-1 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР»¹⁶. На его основе был принят Закон БССР от 20 февраля 1991 г. № 617-XII «О местном самоуправлении и местном хозяйстве в Белорусской ССР»¹⁷.

Система местного самоуправления БССР была представлена местными СНД и органами территориального общественного самоуправления (советами и комитетами микрорайонов и жилищных комплексов, домовыми, уличными, квартальными, поселковыми, сельскими и другими органами). Местные СНД имели право самостоятельно решать любые

¹²Звезда. 1988. 13 кастрычніка. С. 1.

¹³Закон СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-XI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» // Вед. Верхов. Совета СССР. 1988. № 49 (2487). Постановление № 727.

¹⁴Закон БССР от 27 октября 1989 г. № 2917-XI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Белорусской ССР» // Собр. законов Белорус. ССР, указов Президиума Верхов. Совета Белорус. ССР, постановлений Совета Министров Белорус. ССР. 1989. № 31. Постановление № 315.

¹⁵Звезда. 1990. 7 снежня. С. 2–3 ; Там же. 9 снежня. С. 3.

¹⁶Закон СССР от 9 апреля 1990 г. № 147-1 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» // Вед. Съезда народ. депутатов СССР и Верхов. Совета СССР. 1990. № 16. Ст. 267.

¹⁷Закон БССР от 20 февраля 1991 г. № 617-XII «О местном самоуправлении и местном хозяйстве в Белорусской ССР» // Вед. Верхов. Совета Белорус. ССР. 1991. № 11. Ст. 122.

вопросы, отнесенные к их ведению, а также определять порядок своей деятельности. Устанавливать какие-либо изъятия или ограничения прав местных СНД мог только закон.

Закон БССР содержал довольно противоречивые нормы, которые позволяли по-разному трактовать роль СНД в системе власти и управления, а также границы их самостоятельности. Местные СНД провозглашались и представительными органами государственной власти, и основным звеном в системе локального самоуправления. СНД, как органы местного самоуправления, могли самостоятельно решать любые вопросы в рамках своей компетенции, но при этом они были обязаны выполнять законы и постановления, принятые высшими органами государственной власти республики. Исполкомы СНД, являясь исполнительными и распорядительными органами, сохраняли подчинение и образуемому его СНД, и вышестоящему исполкому. В таких условиях проблема соблюдения принципа сочетания местных и общегосударственных интересов обострилась.

Отношения местных СНД и руководителей предприятий, учреждений и организаций вышестоящего подчинения формировались в основном так же, как и до перестройки. Местные СНД могли лишь вносить «мотивированное предложение в соответствующие органы об освобождении от должностей руководителей других (не подчиненных непосредственно местному СНД. – С. Е.) организаций, находящихся на их территории»¹⁸. Вместе с тем в случае невыполнения решений СНД и его органов организациями, расположенными на подведомственной территории, СНД или уполномоченные им органы могли применять к этим организациям экономические санкции.

В условиях товарного дефицита закон запрещал местным СНД самостоятельно вводить ограничения на вывоз и ввоз товаров. Товарооборот между территориями должен был осуществляться только на условиях открытости рынков. Республика пережила кризис. Объявленные в июне 1987 г. задачи по реализации радикальной экономической реформы на практике не были выполнены. Результаты функционирования народно-хозяйственного комплекса БССР за 1990 г. свидетельствовали о значительном снижении темпов экономического роста, сокращении масштабов общественного производства, на-

рушении устойчивости функционирования народного хозяйства вследствие срывов поставок сырья, материалов и комплектующих изделий из других регионов страны, а также из-за рубежа. Наблюдался кризис денежно-финансовой системы, широкий размах получили обменные операции между предприятиями и регионами¹⁹.

Государственный комитет БССР по статистике провел анализ мнений населения о ходе перестройки, в результате которого был выявлен низкий уровень удовлетворенности белорусов состоянием дел в социально-культурной сфере. Улучшение снабжения продовольственными и промышленными товарами отметили только 0,6 и 1,9 % опрошенных соответственно. На ухудшение снабжения продовольственными и промышленными товарами указали 65,1 и 71,1 % респондентов соответственно. По мнению половины опрошенных, на прежнем уровне развития остались медицинское и бытовое обслуживание, жилищно-коммунальные услуги, работа общественного транспорта. Деятельностью местных органов власти оказались удовлетворены лишь 9,6 % колхозников, 5,8 % специалистов, 4,6 % рабочих и 2,6 % служащих. Большинство опрошенных в качестве приоритетных направлений деятельности местных органов власти и управления отмечали медицинское и бытовое обслуживание, обеспечение населения промышленными и продовольственными услугами, налаживание работы жилищно-коммунального хозяйства²⁰.

В таких условиях местные СНД все чаще выходили за рамки определенных законом компетенций, игнорировали требования законодательства БССР, решения республиканских органов власти и управления. Такие меры они обосновывали важностью первоочередного обеспечения товарами и услугами своих избирателей, а также неспособностью республиканских властей оказать необходимую помощь. В частности, некоторые местные СНД вне своих компетенций распределяли дефицитные фондируемые ресурсы, решали вопросы об отнесении объектов к коммунальной собственности и о реализации талонной системы в торговле, устанавливали налоговые льготы для кооперативов и т. д.²¹ Председатель Совета Министров БССР В. Ф. Кебич, выступая на XXXI съезде КПБ, отмечал: «Советы всех ступеней,

¹⁸Закон БССР от 20 февраля 1991 г. № 617-ХІІ ...

¹⁹НАРБ. Ф. 7. Оп. 10. Д. 2572. Л. 52.

²⁰Там же. Ф. 30. Оп. 13. Д. 916. Л. 23–27, 60, 75.

²¹Постановление Президиума Верховного Совета БССР от 21 июля 1988 г. № 2323-ХІ «О нарушении исполкомами некоторых местных Советов народных депутатов законодательства при удержании жилой площади у предприятий и организаций» // Собр. законов Белорус. ССР, указов Президиума Верхов. Совета Белорус. ССР, постановлений Совета Министров Белорус. ССР. 1988. № 21. Постановление № 341 ; Постановление Совета Министров БССР от 22 февраля 1991 г. № 65 «О повышении ответственности за выполнение в 1991 г. государственного заказа на поставку сельскохозяйственной продукции, продовольствия и товаров народного потребления» // Собр. постановлений Совета Министров Белорус. ССР. 1991. № 7–8. Постановление № 59 ; Постановление Совета Министров ССР от 15 апреля 1991 г. № 139 «Об отмене решений Брестского, Витебского и Минского облисполкомов о распределении концентрированных кормов, выделенных из государственных ресурсов на 1991 год» // Там же. № 13–14. Постановление № 127 ; НАРБ. Ф. 7. Оп. 12. Д. 360. Л. 121, 123.

начиная с сельского, увязли в словесных спорах... С законами верховной власти не считаются, идет некое тотальное непослушание, которое граничит чуть ли не с анархией»²².

Пытаясь остановить деструктивные тенденции, Совет Министров БССР разработал программу конкретных мероприятий на 1991–1992 гг.²³, реализовать которую предполагалось в форме закона о перераспределении полномочий между высшими государственными органами республики. Данный закон мог значительно расширить полномочия Президиума Верховного Совета БССР, Совета Министров БССР и его председателя. Проект закона о перераспределении полномочий между высшими государственными органами Белорусской ССР для обеспечения стабилизации при переходе к рыночной экономике был включен в повестку дня IV сессии Верховного Совета БССР 12-го созыва²⁴. Обсуждение проекта проходило 26–27 июня 1991 г. Представлявший проект первый заместитель председателя Совета Министров БССР М. В. Мясникович заявил, что Президиум Верховного Совета БССР во главе с председателем и Совет Министров БССР во главе с председателем практически лишены возможности эффективно осуществлять управление социально-экономической системой и воздействовать на нарушителей дисциплины: «Не получив от вас добро на предоставление названных в представленном проекте полномочий, реального укрепления исполнительной власти не будет, а будет ее бессилие»²⁵.

Развернулась острая дискуссия. Одни депутаты обвиняли инициаторов проекта в стремлении вернуться к административным методам руководства и установить диктатуру. Другие депутаты указывали на необходимость перераспределения властных полномочий в условиях кризиса в республике. При этом большинство присутствующих негативно отреагировали на идею о расширении полномочий Президиума Верховного Совета БССР и высказали опасение по поводу отстранения народных депутатов от участия в политических процессах.

В результате депутаты отклонили часть проекта, касавшуюся расширения полномочий Президиума Верховного Совета БССР, но поддержали предложения об усилении полномочий Совета Министров БССР и его председателя в усеченном виде (в отношении вопросов регулирования процессов социально-экономического развития).

На IV сессии Верховного Совета БССР был принят Закон БССР от 27 июня 1991 г. № 936-XII «О предоставлении Совету Министров Белорусской ССР дополнительных полномочий в 1991–1992 гг.»²⁶. Его действие, как и планировалось, распространялось на предприятия, учреждения и организации независимо от их подчиненности и условий хозяйствования. Среди прочего Совет Министров БССР получал право устанавливать имущественную ответственность предприятий, учреждений и организаций, а также их руководителей за отказ или уклонение от заключения хозяйственных договоров на поставку продукции, товаров и производство работ в соответствии с госзаказом для потребителей республики²⁷. Председатель Совета Министров БССР был наделен правом налагать дисциплинарные взыскания на руководящих работников государственных предприятий, учреждений и организаций вплоть до лишения их должности, отстранять от исполнения обязанностей должностных лиц исполнительных органов местных СНД в случае нарушения ими законодательства БССР и неисполнения решений высших органов государственной власти и управления республики.

В июле 1991 г. по поручению Совета Министров БССР Министерство юстиции БССР представило проект закона о системе и механизме деятельности органов исполнительной власти в Белорусской ССР, подготовленный в прежнем перестроечном стиле²⁸. В очередной раз демократические принципы были определены в качестве основы функционирования органов исполнительной власти, был декларируется принцип вертикальной подчиненности органов управления местного уровня республиканским органам управления при сочетании «с широким развитием горизонтальных связей, договорных отношений между соответствующими органами на местном (региональном) и республиканском уровне»²⁹. Согласно проекту систему исполнительной власти должен был возглавить президент БССР. В документе указывалось, что все управленческие структуры республики обязаны выполнять законы БССР, указы президента БССР и постановления Совета Министров БССР, а также должны согласовывать вопросы республиканского значения, затрагивающие интересы административно-территориальных единиц, с председателями соответствующих местных СНД.

²² XXXI з'езд Камуністычнай партыі Беларусі. Выступленне В. Ф. Кебіча // Звезда. 1990. 2 снеж. С. 2.

²³ НАРБ. Ф. 7. Оп. 10. Д. 2813. Л. 83–87.

²⁴ Народная газета. 1991. 25 мая. С. 1.

²⁵ НАРБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 2954. Л. 188, 192.

²⁶ Закон БССР от 27 июня 1991 г. № 936-XII «О предоставлении Совету Министров Белорусской ССР дополнительных полномочий в 1991–1992 гг.» // Вед. Верхов. Совета Белорус. ССР. 1991. № 24. Ст. 328.

²⁷ Там же.

²⁸ Гос. арх. Гомел. обл. Ф. 1174. Оп. 8. Д. 2465. Л. 60–70.

²⁹ Там же.

Летом 1991 г. были формализованы два варианта дальнейшего реформирования системы органов власти и управления – чрезвычайный и перестроечный. В конце 1980-х гг. на места пришли новые работники

управления, процесс становления которых пришелся на периоды застоя и перестройки, что привело к колебаниям от идей возврата централизованной системы к идеям перестройки в их радикальном виде.

Заключение

Во второй половине 1980-х гг. на смену вялотекущему процессу корректировки функций и структуры местных органов государственной власти и управления пришел быстрый и радикальный процесс изменения самого отношения к их роли в политической системе модернизируемого советского общества. Возможность решить накопившиеся социальные проблемы, а также повысить эффективность функционирования аппарата государственной власти и управления инициаторы советской перестройки видели в безмерном созидательном потенциале населения. Они считали, что необходимо освободить его от бюрократических препятствий, направить в нужное русло – и успех гарантирован. Для первых руководителей Советской России, в том числе для В. И. Ленина, также были характерны подобные иллюзии, но они довольно быстро рассеялись.

В 1986 г. были законодательно закреплены многие предложения местной элиты по расширению ее возможностей в вопросе влияния на социально-экономическое развитие своих территорий. Данные предложения предусматривали постепенный демонтаж советской централизованной системы управления, начавшийся еще в 1950-х гг. Наиболее активная и самостоятельная (в рамках возможного в системе советской вертикали власти) часть местной номенклатуры осознавала необходимость корректировки существовавшей советской системы управления и была готова к умеренной перестройке. Однако она не была готова к радикальным нововведениям. Местная элита составила номенклатурную основу поддержки горбачевской перестройки на ее первом этапе, пока та носила авторитарный и контролируемый характер и не выходила за рамки курса на ускорение социально-экономического развития страны.

Начавшаяся в 1987 г. экономическая реформа, ориентированная на демократизацию производства, фактически отменяла возможность реализации указанного курса развития государства. В 1988 г. делегаты XIX Всесоюзной конференции КПСС, стремясь перейти от производственной демократии к политической, разрешить в очередной раз проблему разграничения функций партийных и государ-

ственных органов, а также ослабить влияние консервативной части партийного аппарата, ключевым направлением перестройки советской политической системы определили превращение местных СНД в самостоятельные органы власти и управления. Только с этого момента решение проблемы коренной реорганизации деятельности СНД вышло за рамки традиционных официальных заявлений. За короткий период времени была создана правовая база функционирования новых СНД. Речь идет прежде всего о Законе БССР от 27 октября 1989 г. № 2917-XI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Белорусской ССР» и о Законе БССР от 20 февраля 1991 г. № 617-XII «О местном самоуправлении и местном хозяйстве в Белорусской ССР». Значительно расширилась самостоятельность местных СНД, что в условиях усиления кризисных явлений в экономике и роста недовольства населения итогами перестройки часто приводило к произвольному толкованию некоторых нормативных правовых актов (например, положения о том, что местные СНД вправе решать любые вопросы, отнесенные к их ведению) и развитию местничества. В результате был разработан проект, ограничивающий самостоятельность СНД и использующий уже испытанные на практике административные механизмы достижения баланса территориальных и общегосударственных интересов. События августа 1991 г. кардинально изменили ситуацию, и проблема определения характера, направлений, средств и методов реформирования системы местных СНД на время утратила свою актуальность.

Вертикаль советской политической системы в целом и местные СНД в частности не смогли преодолеть трудности переходного периода. Проблемы, с которыми столкнулось общество на этапе перестройки, были лишь проявлением типичных модернизационных процессов. Любые общественные трансформации в мировой истории всегда сопровождались кризисами роста и имели разные последствия. Даже в случаях, когда общество не способно было преодолеть такие кризисы, оно становилось другим и находило новые пути и механизмы своей модернизации.

Библиографические ссылки

1. Безбородов А, Елисеева Н, Шестаков В. *Перестройка и крах СССР. 1985–1993*. Санкт-Петербург: Норма; 2011. 216 с.
2. Василевич ГА. *Белорусское государство на рубеже веков*. Минск: Право и экономика; 2006. 455 с.
3. Пихоя РГ. *Советский Союз: история власти. 1945–1991*. Москва: Директ-медиа; 2019. 656 с.

4. Согрин ВВ. *Политическая история современной России: 1985–2001. От Горбачева до Путина*. Москва: Весь мир; 2001. 260 с.
5. Шубин АВ. *Золотая осень, или Период застоя. СССР в 1975–1985 гг.* Москва: Вече; 2008. 368 с.

References

1. Bezborodov A, Eliseeva N, Shestakov V. *Perestroika i krakh SSSR. 1985–1993* [Perestroika and the collapse of the USSR. 1985–1993]. Saint Petersburg: Norma; 2010. 216 p. Russian.
2. Vasilevich GA. *Belorusskoe gosudarstvo na rubezhe vekov* [The Belarusian state at the turn of the century]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2006. 455 p. Russian.
3. Pikhoya RG. *Sovetskii Soyuz: istoriya vlasti. 1945–1991* [The Soviet Union: the history of power. 1945–1991]. Moscow: Direkt-media; 2019. 656 p. Russian.
4. Sogrin VV. *Politicheskaya istoriya sovremennoi Rossii: 1985–2001. Ot Gorbacheva do Putina* [Political history of modern Russia: 1985–2001. From Gorbachev to Putin]. Moscow: Ves' mir; 2001. 260 p. Russian.
5. Shubin AV. *Zolotaya osen', ili Period zastoya. SSSR v 1975–1985 gg.* [Golden autumn, or Period of stagnation. The USSR in 1975–1985]. Moscow: Veche; 2008. 368 p. Russian.

Получена 03.11.2023 / исправлена 11.05.2024 / принята 28.06.2024.
Received 03.11.2023 / revised 11.05.2024 / accepted 28.06.2024.

УДК 94(476)

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТА СЯГО ГАВРИИЛА СЛУЦКОГО В НАРРАТИВАХ РУБЕЖА XIX–XX ВВ.

В. И. КОРОНЕВСКИЙ¹⁾

¹⁾Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская набережная, 7–9, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Рассматривается политико-символический аспект культа святого Гавриила Слуцкого в конце XIX – начале XX в. На основании анализа комплекса источников, имеющих разное происхождение (публицистика, агиография, гимнография), репрезентируются три нарративные традиции восприятия фигуры мученика: гродненская, минская и условно выделяемая антиеврейская, к которой чаще всего обращаются исследователи культа святого. Изучаются генезис каждой из традиций и их взаимосвязь. Обосновывается точка зрения, согласно которой в указанный период на землях Гродненской и Минской епархий Гавриил воспринимался как святой, утверждающий принадлежность населения данных территорий к православной церкви. Отмечается, что гродненская и минская нарративные традиции не конкурировали между собой и дополняли друг друга. Они почти не пересекались с антиеврейским нарративом, который конструировался отдельными радикально настроенными публицистами из других регионов Российской империи.

Ключевые слова: Гавриил Слуцкий; Гродненская епархия; Минская епархия; православие; католицизм; Российская империя; антисемитизм; святость.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Святые и герои: от христианизации к национализму. Символ, образ, память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)» (№ гос. регистрации 21-48-04402).

АДЛЮСТРАВАННЕ КУЛЬТУ СЯГО ГАЎРЫЛА СЛУЦКАГА Ў НАРАТЫВАХ МЯЖЫ XIX–XX СТСТ.

В. І. КАРАНЕЎСКИ^{1*}

¹⁾Санкт-Пецярбургскі дзяржаўны ўніверсітэт,
Універсітэцкая набярэжная, 7–9, 199034, г. Санкт-Пецярбург, Расія

Анотацыя. Разглядаецца палітыка-сімвалічны аспект культа святога Гаўрыіла Слуцкага ў канцы XIX – пачатку XX ст. На падставе аналізу комплексу крыніц, якія маюць рознае паходжанне (публіцыстыка, агіяграфія, гімнаграфія), рэпрэзентуюцца тры наратыўныя традыцыі ўспрымання фігуры мучаніка: гродзенская, мінская і ўмоўна вылучаная антыяўрэйская, да якой часцей за ўсё звяртаюцца даследчыкі культа святога. Вывучаюцца генезіс кожнай з традыцый і іх узаемасувязь. Абгрунтаваецца пункт гледжання, згодна з якім у названы перыяд на землях Гродзенскай і Мінскай епархій Гаўрыіл успрымаўся як мясцовы святы, які сцвярджаў прыналежнасць насельніцтва гэтых тэрыторый да праваслаўнай царквы. Гродзенская і мінская наратыўныя традыцыі не канкурыравалі паміж сабой і дапаўнялі адна адну. Яны амаль не перасякаліся з антыяўрэйскім наратывам, які канструяваўся асобнымі радыкальна настроенымі публіцыстамі з іншых рэгіёнаў Расійскай імперыі.

Образец цитирования:

Короневский В.И. Отражение культа святого Гавриила Слуцкого в нарративах рубежа XIX–XX вв. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2024;3:15–24.
EDN: IBVECW

For citation:

Koronevskii V. I. The cult of Saint Gabriel of Slutsk and its reflection in the narratives of the turn of the 19th–20th centuries. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2024; 3:15–24. Russian.
EDN: IBVECW

Автор:

Виктор Ильич Короневский – лаборант-исследователь
Института истории.

Author:

Viktor I. Koronevskii, laboratory researcher at the Institute
of History.
iliich2000@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5910-6799>

Ключавыя словы: Гаўрыіл Слуцкі; Гродзенская епархія; Мінская епархія; прайваслаўе; каталіцызм; Расійская імперыя; антысемітызм; святасць.

Падзяка. Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Расійскага навуковага фонду ў рамках праекта «Святыя і героі: ад хрысціянізацыі да нацыяналізму. Сімвал, вобраз, памяць (Паўночна-Заходняя Расія, краіны Балты і Паўночнай Еўропы)» (№ дзярж. рэгістрацыі 21-48-04402).

THE CULT OF SAINT GABRIEL OF SLUTSK AND ITS REFLECTION IN THE NARRATIVES OF THE TURN OF THE 19th – 20th CENTURIES

V. I. KORONEVSKII^a

^a*Saint Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg 199034, Russia*

Abstract. The article considers the political and symbolic aspect of the cult of Saint Gabriel of Slutsk in the late 19th – early 20th century. On the basis of analysing the collections of sources which have different origins (journalism, hagiography, hymnography), three narrative traditions of the perception of the martyr figure are distinguished. Those are Grodna, Minsk, and conditionally distinguished anti-Jewish, to which the researchers of the cult of the saint most often pay attention. The genesis of the three traditions and their relation to each other is studied. The author substantiates the point of view, according to which dioceses Gabriel was perceived as a local saint in the lands of Minsk and Grodna during the mentioned period. The fact affirms the belonging of the population of this territory to the Orthodox Church. It is noted that the Grodna and Minsk narrative traditions did not compete with each other and mutually complemented each other. They almost did not intersect with the anti-Jewish narrative, which was constructed by individual radical publicists from other regions of the Russian Empire.

Keywords: Saint Gabriel of Slutsk; Grodna diocese; Minsk diocese; Orthodoxy; Catholicism; Russian Empire; antisemitism; sanctity.

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the project «Saints and heroes: from Christianisation to nationalism. Symbol, image, memory (Northwestern Russia, the Baltic States and Northern Europe)» (state registration No. 21-48-04402).

Введение

Мученик Гавриил Слуцкий (Белостокский, Заблудовский) – один из наиболее известных белорусских святых, почитаемых православной церковью. Согласно традиционной версии жизнеописания Гавриила он родился в 1684 г. в д. Зверки недалеко от г. Заблудова (Подляское воеводство) в православной семье. В 1690 г., когда мальчику было шесть лет, он якобы был похищен евреем Шутко, увезен в Белосток и умерщвлен путем испускания крови, которую иудеи будто бы использовали для приготовления мацы¹.

В XX в. оформилась традиция восприятия Гавриила как своеобразного антисемитского святого. Многие авторы, как создатели советских антирелигиозных брошюр², так и авторитетные исследователи православия в Российской империи [1; 2], обращаются к теме культа Гавриила лишь в контексте истории антисемитизма, в частности кровавого навета на евреев на территории Восточной Европы. Хотя имеют место и исключения: существуют достаточно

подробные научные работы, посвященные тем или иным аспектам культа святого [3; 4, р. 108–120; 5]. В историографии есть и радикальная точка зрения, согласно которой почитание Гавриила является примером «изобретенной традиции», формирование которой было связано с популярностью антиеврейских настроений в Российской империи в начале XX в. [1, с. 181]. Однако, насколько позволяют судить источники, ассоциирование культа мученика исключительно с юдофобскими предрассудками не имеет под собой достаточных оснований. Традиция почитания Гавриила Слуцкого является намного более многогранным феноменом. В настоящей статье предпринята попытка проследить генезис разных традиций обращения к святому как к символу, имеющему религиозно-политическое значение, а также определить, как эти традиции были взаимосвязаны в конце XIX – начале XX в., когда культ достиг вершины своей популярности.

¹Харкевич Я., Черепица В. Н. Гавриил // Православ. энцикл. Т. 10. М. : Церков.-науч. центр «Православная энциклопедия», 2005. С. 200.

²Святой отрок Гавриил: средневековая Бейлисиада / под ред. И. А. Шпицберга. М. : Атеист, 1923. 16 с. ; Чарвякоў В. Ф. Слуцкія муміі. Мінск : Дзярж. выд.-ва Беларусі, 1932. 72 с.

Почитание святого Гавриила в 1720–1870 гг.

Истоки традиции почитания мученика относятся к первой половине XVIII в. Спустя 30 лет после предполагаемой даты кончины Гавриила, в 1720 г., его останки были обнаружены нетленными, и тогда в д. Зверки началось их местное почитание. В данном отношении культ Гавриила, по-видимому, не был уникальным для своего времени и соответствовал тенденциям, существовавшим в Восточной Европе во второй половине XVII – XVIII в. Как показывают современные исследования, именно на указанный период приходится подавляющее большинство зафиксированных случаев кровавого навета на евреев на территории Речи Посполитой: миф о ритуальных убийствах, прежде распространенный в Западной Европе, обрел популярность на землях Восточной Европы [6, р. 121]. Появление последних «наветных» культов на землях бывшего Великого княжества Литовского исследователи фиксируют уже в XIX в. [7, р. 41, 43].

Переломный момент в истории культа Гавриила, выделивший его из числа прочих почитаемых на локальном уровне жертв мнимых ритуальных убийств, наступил в середине столетия. В 1746 г. останки мученика были доставлены в г. Заблудов. В 1755 г. они были перенесены в г. Слуцк в Слуцкий Свято-Троицкий монастырь – один из центров православия в Речи Посполитой в XVIII в. Инициатором перенесения реликвии стал архимандрит обители Михаил (Козачинский). Он составил стихотворную эпитафию, в которой от лица Гавриила излагалась история его мученичества. В тексте эпитафии внимание уделялось не только предполагаемому злодеянию евреев, но и преданности родителей Гавриила «греко-российской вере» и принадлежности к православию самого отрока³.

В 1762 г. Досифей (Галяховский), новый архимандрит Слуцкого Свято-Троицкого монастыря и наместник Киевской митрополии, один из преемников скончавшегося в 1755 г. Михаила (Козачинского), составил тропарь и кондак мученику. По свидетельству Досифея (Галяховского), это было сделано в соответствии с волей самого Гавриила, который явился к архимандриту во сне и назвал себя «Хозяином сия Слуцкия Архимандрии»⁴.

Таким образом, в 1750–60-х гг. усилиями местного православного духовенства культ заблудовского святого был перенесен на слуцкую почву. Сложное

положение православия в Речи Посполитой в середине XVIII в. и актуализация вопроса о праве местного православного братства и рода Радзивиллов, владевших Слуцким княжеством, оказывать определяющее влияние на избрание архимандритов Слуцкого Свято-Троицкого монастыря [8; 9] побуждали последних искать способы подчеркнуть высокий статус обители. В лице святого Гавриила, мученика за православную веру, чудесным образом указавшего на свою связь с архимандрией, слуцкий монастырь обрел столь нужного ему небесного покровителя, факт наличия которого подтверждал особое положение обители.

Сведений о почитании мученика в последней трети XVIII – первой трети XIX в. сохранилось не так много, однако на основании их анализа можно утверждать, что культ Гавриила в г. Слуцке не угасал. Известно, что отдельный список тропаря и кондака был создан в 1796 г.⁵ В качестве главной святыни Слуцкого Свято-Троицкого монастыря мощи Гавриила упоминаются в работе епископа Амвросия (Орнатского)⁶.

Распространено мнение о том, что в 1820 г. Гавриил был причислен православной церковью к лику святых. Однако источники не подтвердили истинность данного мнения, поэтому оно было отвергнуто современными исследователями⁷. Несмотря на отсутствие официальной канонизации Гавриила Слуцкого Синодом, его имя неизменно упоминалось во всех крупных перечнях святых России, начиная с издания «Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых»⁸. Большинство подобных текстов содержали не только упоминание о Гаврииле, но и его житие, представляющее собой пересказ эпитафии, которая была написана Михаилом (Козачинским). Вероятно, именно благодаря этим трудам фигура Гавриила Слуцкого стала известна в среде образованного общества, что и обусловило появление упоминаний о святом в более поздней литературе, посвященной ритуальным убийствам.

Первая попытка инструментализации культа Гавриила в целях доказательства наличия в иудейской среде обычая использовать кровь христианских младенцев для приготовления мацы была предпринята еще за шесть лет до выхода словаря Д. А. Эристова,

³Нац. ист. арх. Беларуси (НИАБ). Ф. 1297. Оп. 1. Д. 5108. Л. 13 об. – 14. (Тексты документов и материалов приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.)

⁴НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 40358. Л. 10 об.

⁵Там же. Л. 12 об.

⁶Амвросий (Орнатский). История российской иерархии. М. : Синод. тип., 1815. С. 148–149.

⁷Антоний (Доронин). Гавриил Белостокский в Слуцке // Слуцкая епархия : сайт. URL: <https://sluck-eparchiya.by/2022/03/30/gavriil-belostokskij-v-sluczke/> (дата обращения: 10.05.2023).

⁸Эристов Д. А. Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1862. С. 60 ; Филарет (Гумилевский). Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Чернигов : Тип. Ильин. монастыря, 1865. С. 517–519 ; Русская святыня. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1873. С. 106 ; Леонид (Кавелин). Святая Русь, или Сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще и местно чтимых. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1891. С. 206 ; Верный месяцеслов всех русских святых, чтимых молебнами и торжественными литургиями обще и местно чтимых. М. : Синод. тип., 1903. С. 14.

а именно в 1830 г., и была связана с Велижским делом. В 1823 г. евреи г. Велижа Витебской губернии были обвинены в ритуальном убийстве мальчика Федора. Началось многолетнее следствие. Спустя семь лет обвинительная сторона так и не смогла найти доказательств виновности подозреваемых. Тем не менее проведению дальнейшего расследования покровительствовали некоторые высокопоставленные сановники, включая витебского, могилёвского и смоленского генерал-губернатора Н. Н. Хованского [10, с. 142]. Стремясь доказать, что евреи совершают ритуальные убийства христиан, он обратился к Минскому архиепископу Анатолию (Максимовичу) с просьбой предоставить сведения о Гаврииле. В ответ генерал-губернатор получил копии эпитафии, тропаря и кондака, однако попытка найти подтверждение изложенной в них версии гибели мученика в актах Заблудовского магистрата оказалась безрезультатной⁹. Фактором, который смог бы склонить чашу весов в пользу обвинителей велижских евреев, пример Гавриила не стал. События 1830 г., по-видимому, не повлияли на последующее развитие культа святого, оставшись частной инициативой Н. Н. Хованского, который попытался использовать образ Гавриила в контексте актуального на тот момент судебного разбирательства.

В антиеврейской литературе Гавриил впервые фигурирует в 1844 г. Его имя упоминается в брошюре

«Розыскание о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их», вопрос авторства которой до сих пор является дискуссионным. Брошюра была написана по распоряжению министра внутренних дел Российской империи Л. А. Перовского. Первоначально она не была распространена среди населения и осталась неизвестной образованному обществу. Работа содержала рассуждения об употреблении христианской крови членами «изуверской секты» хасидов. Большая часть текста посвящалась недавно завершившемуся Велижскому делу, однако в брошюре была и предыстория, включавшая длинный список предполагаемых жертв ритуальных убийств. В их число входил и Гавриил, которого, однако, автор никак не выделял из числа других умерщвленных, посвятив ему лишь один небольшой абзац¹⁰.

В следующий раз в подобной литературе имя Гавриила Слуцкого будет упомянуто уже в конце 1870-х гг. В 1878 г. указанная брошюра была опубликована в журнале «Гражданин». С текстом впервые ознакомилась широкая публика. Двумя годами ранее вышла книга И. И. Лютостанского «Об употреблении евреями (талмудистскими сектаторами) христианской крови для религиозных целей», переизданная в 1880 г. Ее автор также представил перечень жертв мнимых еврейских ритуальных убийств, в который включил и Гавриила¹¹.

Гродненский нарратив о святом Гаврииле (конец 1870-х гг. – начало XX в.)

Последняя четверть XIX в. ознаменовалась для культа мученика не только тем, что его имя было упомянуто на страницах антисемитских произведений. В рамках тенденции к росту внимания, уделяемого развитию культов локальных святых, в конце 1870-х гг. были предприняты первые попытки популяризации фигуры Гавриила на территории Гродненской губернии и, соответственно, Литовской епархии, в составе которых находились д. Зверки и г. Заблудов. В 1879 г., спустя год после первой публикации жития мученика в издании «Литовские епархиальные ведомости»¹², в Минскую духовную консисторию поступило ходатайство от крестьян Заблудовской волости о перенесении мощей святого в г. Заблудов, в котором они пребывали в 1746–1755 гг.¹³ Установить, где зародилась идея возвращения реликвии – в среде самих крестьян или местного духовенства, на данный мо-

мент затруднительно. Так или иначе консистория отказалась удовлетворить этот запрос, сославшись на нежелательность изменения сложившегося порядка и перемещения реликвии, более 100 лет находившейся в г. Слуцке¹⁴.

В 1890-х гг. популяризаторами культа мученика стали представители православного духовенства Литовской епархии, в первую очередь ее викарий Иосиф (Соколов), в 1891–1897 гг. являвшийся епископом Брестским. В 1893 г. литовское епархиальное начальство издало указ о необходимости иметь икону белостокского мученика в каждом православном храме¹⁵. В 1894 г. по предложению заблудовского священника Петра (Четыркина) во имя Гавриила в д. Зверки была возведена часовня¹⁶. В 1895 г. Иосиф (Соколов) инициировал строительство церкви в честь мученика в м. Друскеники. На церемонии

⁹НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 5108. Л. 7 – 19 об.

¹⁰Розыскание о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их. СПб. : В. А. Перовский, 1844. С. 68–69.

¹¹Лютостанский И. И. Об употреблении евреями (талмудистскими сектаторами) христианской крови для религиозных целей. Т. 2. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1880. С. 16, 33–34.

¹²Страдание Гавриила младенца // Лит. епарх. вед. 1878. № 52. С. 438. (До образования Гродненской епархии в 1900 г. территория Гродненщины, включая Брест и Подлясье, входила в состав Литовской епархии.)

¹³НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 40358. Л. 8–9.

¹⁴Там же. Л. 10 – 13 об.

¹⁵Иосиф (Соколов). Святой преподобно-мученик Афанасий, игумен Брестский. Подробное историческое о нем повествование с изображением его. Воронеж : Тип. В. И. Исаева, 1899. С. 173.

¹⁶Освящение часовни во имя св. Гавриила Заблудовского // Лит. епарх. вед. 1894. № 22. С. 193–194.

освящения храма прихожанам раздавали жития святого Гавриила Слуцкого и святого Афанасия Брестского, а также иконы с изображением двух мучеников вместе¹⁷. Тогда же в городе была открыта церковно-школа, освященная во имя великомученика Пантелеймона. В ней имелись иконы виленских мучеников Иоанна, Антония и Евстафия, Афанасия и Гавриила¹⁸. В 1899 г., когда Иосиф (Соколов) уже стал епископом Воронежским, из-под его пера вышла книга об Афанасии Брестском и Гаврииле Белостокском – двух святых, принявших мученическую смерть в XVII в.¹⁹

В 1900 г. из состава Литовской епархии выделена Гродненская епархия. Ее духовенство продолжило прикладывать усилия к развитию культа святого отрока. В 1908 г. епископу Гродненскому Михаилу (Ермакову) и его викарию епископу Белостокскому Владимиру (Тихоницкому) удалось договориться с архиепископом Минским Михаилом (Темнорусовым) о перенесении на Гродненщину частицы хранящихся в г. Слуцке мощей святого Гавриила, а также деревянной раки, в которой его останки были доставлены в Слуцкий Свято-Троицкий монастырь при Михаиле (Козачинском). В мае – июне 1908 г. состоялась церемония, в ходе которой реликвию доставили из Слуцкого Свято-Троицкого монастыря в Супрасльский монастырь, по пути сделав остановки в Жировичском монастыре и соборе Святого Николая в г. Белостоке²⁰.

В конце XIX – начале XX в. православное духовенство и публицисты Гродненщины добились успеха не только в насыщении территории епархии святынями, связанными с Гавриилом Белостокским. Местные авторы, опубликовавшие серию статей и брошюр по случаю перенесения частицы его мощей в Супрасльский монастырь в 1908 г., сумели оригинально вписать имя святого в историю региона. В качестве примера рассмотрим изложенное в популярной форме житие Гавриила, изданное тиражом в 10 тыс. экземпляров, которое раздавали участвовавшим в церемонии богомольцам²¹.

Автор текста отмечает, что Гавриил родился в семье, члены которой «свято хранили православную веру, наследованную ими от благочестивых их предков и в святом благочестии воспитывали детей своих»²², хотя в то время «православный русский народ наильно склонялся под власть унии с католичеством, под власть римского папы», а «самые названия “русский” и “православный” считались как бы преступлением»²³, причем особенно тяжело «простому русскому народу» приходилось из-за всевластия панов. Из числа людей, подобных святому и его семье, как пишет публицист, в то время вышло немало мучеников за веру, умерщвленных католиками, «например святой Афанасий Брестский»²⁴. Гибель Гавриила органично вписывается в общий нарратив о страданиях народа в эпоху Речи Посполитой. По мнению автора текста, отрок, как и другие православные русские люди, претерпел муки за свою веру и народность²⁵.

Согласно тексту жития, после того как нетленные мощи святого некоторое время пребывали в г. Заблудове, где «усилилось уже влияние католичества и унии»²⁶, решено было перенести их в безопасное место, куда «ни один иезуит не смел проникнуть для проповеди»²⁷, а именно «передать братской Слуцкой земле для благоговейного хранения»²⁸. Тем не менее святой не оставил свой родной край без заступничества: «...молитвами св. мученика Гавриила на его родине не переставал теплиться, хотя и малый уже, свет православия», благодаря ему «враги православия не смогли окончательно уничтожить здесь православной веры»²⁹. В начале же XX в., когда, по мнению автора, «в свободном нашем русском отечестве, под защитой и покровительством прирожденных православных русских царей, растет и укрепляется вера православная»³⁰, ситуация изменилась: «Богу угодно было дать нам радость и утешение видеть возвращение на родину, в Белостокскую область, мученика младенца Гавриила в частице святого его тела»³¹.

¹⁷Устройство церкви во имя св. Гавриила Заблудовского на кладбище в м. Друскеники // Лит. епарх. вед. 1895. № 32. С. 300–302.

¹⁸А. Б. Постройка и освящение церкви-школы в м. Друскеники // Там же. № 31. С. 298–300.

¹⁹Иосиф (Соколов). Святой преподобно-мученик Афанасий ... С. 158–173.

²⁰Перенесение частицы святых мощей и деревянного гробика св. мученика младенца Гавриила Заблудовского из г. Слуцка в Супрасльский Благовещенский монастырь 28 мая – 15 июня 1908 года. Гродно : Гродн. епарх. училищ. совет, 1908. С. 7–50.

²¹Там же. С. 51–56. См. также: *Феодор (Вечорко)*. Торжественный крестный ход из г. Слуцка в Уречье, Бобруйского уезда, с ракою и частицею мощей св. мученика младенца Гавриила // Брат. листок. 1908. № 31. С. 1–3 ; Святой мученик младенец Гавриил // Там же. № 33–34. С. 5–6 ; Святой мученик Гавриил, уроженец деревни Зверков, Заблудовского прихода, замученный в г. Белостоке, местно чтимый святой Гродненской епархии // Супрасл. брат. листок. 1911. № 23–24. С. 4–5.

²²Перенесение частицы святых мощей ... С. 51–52.

²³Там же. С. 52.

²⁴Там же.

²⁵Там же. С. 51–53.

²⁶Там же. С. 54.

²⁷Там же.

²⁸Там же. С. 56.

²⁹Там же.

³⁰Там же. С. 52.

³¹Там же. С. 56.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. духовенство Литовской епархии, а затем и Гродненской епархии тесно связывало личность святого и его гибель с историей православия и русской народности³² на территории Гродненщины и восточных землях бывшей Речи Посполитой. Важность фигуры Гавриила была обусловлена двумя факторами. Во-первых, его судьба вписывалась в общий нарратив о мучениях православных русских людей под властью поляков-

католиков. Белостокский мученик выступал олицетворением этих страданий. Во-вторых, святому приписывалась определяющая роль в том, что православие в условиях многолетнего господства католицизма и унии все-таки сохранилось и впоследствии возродилось. Гавриил был не только объектом почитания местных православных, но и небесным покровителем их преданности своей вере и народности.

Минский нарратив о святом Гаврииле (1890-е гг. – начало XX в.)

На рубеже XIX–XX вв. имя Гавриила чаще фигурировало в текстах, создававшихся православным духовенством и интеллигенцией Минской епархии. Первоначально местные авторы не посвящали свои работы святому, а включали упоминания о нем в статьи и книги об истории г. Слуцка. Статус этого города как православного центра, не попавшего под влияние католицизма в эпоху Речи Посполитой, в конце XIX в. начинают активно подчеркивать местные публицисты. Одним из ключевых текстов складывавшегося нарратива об оплоте православия стал труд Ф. Ф. Серно-Соловьевича «Древнерусский город Слуцк и его святыни» (1896), в основу которого легла менее известная работа автора «Слуцкая старина»³³, опубликованная в журнале «Русский паломник» в 1891 г.

Публицист предпринимает попытку показать исконную принадлежность населения белорусского края, в первую очередь г. Слуцка, к православной вере и русской народности, а также подчеркнуть особую значимость Слуцкого Свято-Троицкого монастыря. По его мнению, г. Слуцк «во все время смут крепко держал знамя православия от начала своего основания до настоящего времени». Более того, автор говорит о том, что «ни один иезуит не смел сюда показаться и между населением ни один из православных случан не изменил вере своих предков, не перешел в унию или католицизм»³⁴. Пребывание в городе почитаемых святынь, включая мощи Гавриила, которые Ф. Ф. Серно-Соловьевич называет главной реликвией местного монастыря, также служат подтверждением особой значимости г. Слуцка как центра православной веры³⁵. Аналогичный посыл присутствует и в других произведениях того времени³⁶.

Пик внимания к фигуре святого на территории Минской епархии пришелся на 1914 г., когда популяризацией культа Гавриила занялся энергичный епи-

скоп Митрофан (Краснопольский), двумя годами ранее сменивший на местной кафедре Михаила (Темнорусова). Архиерейский документ «Окружное послание к минской пастве», который должен был быть опубликован в приложении к изданию «Минские епархиальные ведомости» 1 января 1914 г. и зачитан во всех церквях на Сретение (2 февраля), датируется 29 декабря 1913 г.³⁷ Послание было посвящено трем местным святым, почитаемым в Минской епархии: Кириллу Туровскому, Лаврентию Туровскому и Гавриилу Слуцкому. Епископ писал, что благодаря указанным святым православная вера сияла «от Турова на юге до Изяславля на севере, т. е. на всем протяжении нашего края»³⁸. Однако, как и представители гродненского духовенства, он утверждал, что светлые времена для церкви на Минщине сменились темными после «лютых гонений, воздвигнутых на веру православную, исконными врагами ее, ляхами», а «под давлением унии стали забываться среди местного населения имена прежних тружеников на ниве Христовой»³⁹.

Окружное послание минской пастве содержало и ряд идей, призванных исправить ситуацию. Во-первых, предлагалось поместить во всех церквях и домах Минской епархии иконы святых Кирилла, Лаврентия и Гавриила: «...взирая на такую икону, верующие прочтут на ней всю прошлую историю нашей православной церкви, которая создалась учением, подвигами и страданиями святых и отсюда научатся благоговейно чтить прошлое своей родины и свято хранить заветы своей исконной, старожитной, православной веры, в которой спасались угодники и за которую страдали, пролили кровь мученики»⁴⁰. Во-вторых, рекомендовалось начать сбор денег на строительство в г. Турове каменного храма в честь Кирилла Туровского и Лаврентия Ту-

³²Здесь и далее понятие «русская народность» интерпретируется авторами цитируемых источников в соответствии с распространенной тогда концепцией триединой русской нации, состоящей из великороссов, малороссов и белорусов.

³³Первая часть работы была опубликована под названием «Слуцкая старина».

³⁴Серно-Соловьевич Ф. Ф. Слуцкая старина // Рус. паломник. 1891. № 7. С. 107.

³⁵Серно-Соловьевич Ф. Ф. Слуцкая старина // Там же. № 27. С. 418–419.

³⁶Город Слуцк как оплот православия // Брат. листок. 1908. № 14. С. 3.

³⁷НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37635. Л. 1.

³⁸Там же. Л. 4 об.

³⁹Там же.

⁴⁰Там же. Л. 5–5 об.

ровского⁴¹. В-третьих, отмечалось, что священникам следует не только ознакомить прихожан с житиями указанных святых, но и чаще использовать их имена при наречении и неукоснительно поминать во время всех отпустов и литейных молитв: «...да молитвами угодников церкви Минския святых Кирилла, Лаврентия и мученика Гавриила милость будет к нам Господь и сохранит люди своя в православии и единомыслии»⁴².

С 1 апреля 1914 г. изображение Гавриила Слуцкого вместе с изображениями епископов Кирилла Туровского, Лаврентия Туровского и Минской иконой Богоматери стали размещать на первой странице неофициального отдела издания «Минские епархиальные ведомости»⁴³. Но главное мероприятие, направленное на популяризацию святого, было организовано 18–20 апреля по инициативе епископа Митрофана и Минского епархиального братства во имя Святителя Николая: ко дню памяти мученика был приурочен крестный ход из г. Минска в г. Слуцк, к мощам отрока в Слуцком Свято-Троицком монастыре.

В публикациях, посвященных апрельскому торжеству, православные публицисты Минской епархии продолжали развивать идеи, которые были высказаны в окружном послании. Так, в официальном объявлении о грядущей церемонии, изданном братчиками по благословлению архиерея, утверждалось, что во времена Речи Посполитой «жестокое преследования, которым подвергались православные со стороны католиков и униатов, в значительной степени вытравивши из сознания местного православного населения память о местных святынях», причем «ла-

тинство преднамеренно отвлекало внимание местного населения от тех именно святынь, на которых лежит печать исконного православия»⁴⁴. Теперь же, как сообщалось, «лихолетье» миновало, а потому следует «воскресить в сердцах православного народа» память о местных святынях⁴⁵.

Из числа текстов о Гаврииле, созданных местными авторами⁴⁶ в 1914 г., наиболее репрезентативной является серия статей Я. Нивича, опубликованная в газете «Северо-Западная жизнь», на тот момент издававшейся в г. Минске. В отличие от гродненских нарративов работы Я. Нивича представляют собой не столько попытку сформировать цельный взгляд на место мученика в местной истории, сколько обоснование значимости его почитания православным населением г. Слуцка, Минщины и всего белорусского края. В-первых, автор заимствует у своих единомышленников из Гродненской епархии идею о Гаврииле как символе страдания местного населения в эпоху польского владычества: «...поклониться слуцким святыням – значит поклониться страданиям, которые претерпело здесь православие, распинавшееся и распинаемое совокупными силами польщизны и католицизма»⁴⁷. Во-вторых, по мнению публициста, во время слуцких торжеств народ, отправившись в крестный ход к мощам мученика, совершил религиозный подвиг, продемонстрировал свою верность православию и русской народности, а также непобедимость истинной веры, которая выстояла перед многовековым натиском⁴⁸. Пафос торжествующих статей Я. Нивича отражает емкая фраза: «Наш народ – великая православная громада... Иезуитам его не сломать»⁴⁹.

Актуализация антиеврейского нарратива о святом Гаврииле (начало XX в.)

Как для гродненских, так и для минских борцов за веру и народность на рубеже столетий антиеврейская составляющая культа Гавриила Белостокского не играла значимой роли. Однако в начале XX в. она все-таки была актуализирована в результате усилий отдельных представителей крайне правой интеллигенции и духовенства из других регионов Российской империи. Многочисленные тексты о святом, изданные к началу XX в., были известны не только внутри Гродненской и Минской епархий, но и за их пределами. Специфика обстоятельств кончины святого и рост антиеврейских настроений в право-

радикальной среде привели к росту популярности мученика в регионах, удаленных от традиционных центров его почитания.

Среди созданных в данный период произведений о святом Гаврииле первым текстом, который не соответствовал ни гродненскому, ни минскому дискурсу, стала служба мученику. Она была написана архиепископом Волынским Антонием (Храповицким) и издана в типографии Свято-Успенской Почаевской лавры в 1908 г. по случаю перенесения частицы мощей Гавриила в Супрасльский монастырь. В отличие от гродненских авторов, в ходе тех же торжеств

⁴¹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37635. Л. 5.

⁴² Там же. Л. 5 об.

⁴³ Минские епархиальные ведомости. 1914. № 7.

⁴⁴ С благословения его преосвященства, преосвященнейшего Митрофана, епископа Минского и Туровского // Мин. епарх. вед. 1914. № 6. С. 96.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См. также: *Язвицкий И.* Поучение // Там же. С. 98–101; *Полешук.* Прославление памяти мученика Гавриила Слуцкого // Лит. Русь. № 704. С. 3–4.

⁴⁷ *Нивич Я.* Народный праздник // Северо-Запад. жизнь. 1914. № 87. С. 1–2.

⁴⁸ *Нивич Я.* В гостях у св. Гавриила // Там же. № 99. С. 3.

⁴⁹ *Нивич Я.* Впечатление // Там же. № 91. С. 3.

акцентировавших внимание на значимости Гавриила для истории местного православия, автор службы подчеркивал «злобу» и «изуверство» предполагаемых мучителей отрока⁵⁰. По мнению Н. Киценко, которая занималась изучением мировоззрения Антония (Храповицкого), архиепископа не следует считать носителем ярко выраженных антисемитских взглядов⁵¹. Тем не менее стоит согласиться с тезисом, который исследователь представила в другой статье: написанная архиепископом Волынским служба «клеявила евреев как исторического врага» [1, с. 186].

В 1911–1913 гг. прогремело дело о произошедшем в г. Киеве убийстве 13-летнего мальчика Андрея Ющинского, в котором был обвинен еврей Мендель Бейлис. Оно стало дополнительным импульсом, который побудил носителей радикальных антиеврейских взглядов обратить внимание на фигуру Гавриила. Так, отдельный раздел белостокскому мученику в своем очередном «ученом богословско-юридическом исследовании» посвятил И. И. Лютостанский, издававший подобного рода литературу еще в 1870-х гг.⁵² Большое внимание святому уделили члены киевского монархического общества «Двуглавый орел» и лично его секретарь, а потом и председатель В. С. Голубев, являвшийся одним из главных сторонников осуждения М. Бейлиса. Подобно И. И. Лютостанскому и автору брошюры «Розыскание о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их» киевские сторонники крайне правых взглядов в 1911–1913 гг. предприняли попытку вписать судьбу Гавриила в историю ритуальных убийств христианских детей евреями, представив случай М. Бейлиса лишь одним из многих преступлений такого рода. На страницах

издаваемой членами общества «Двуглавый орел» одноименной газеты были опубликованы статьи о Гаврииле⁵³, также общество провело торжественное собрание, «посвященное памяти св. мученика Гавриила младенца и всех умученных от жидов»⁵⁴.

Более того, был поднят вопрос о канонизации А. Ющинского. Утверждая, что мальчик умерщвлен за христианскую веру, В. С. Голубев в брошюре «Отрок-мученик (замученный жидами ученик Киево-Софийского духовного училища Андрей Ющинский)» призвал православный русский народ молиться о его скорейшем причислении к лику святых. В качестве исторического прецедента подобной канонизации он назвал именно «замученного иудеями младенца Гавриила»⁵⁵. Спустя год на страницах газеты «Двуглавый орел» и вовсе появилась своеобразная молитва белостокскому святому, которая содержала адресованную ему просьбу поспособствовать скорейшему прославлению «нового мученика Киевского Андрея»⁵⁶.

Но надеждам членов общества не суждено было сбыться: идея о канонизации А. Ющинского осталась маргинальной даже среди носителей правых взглядов. Показательно, что во время посвященных Гавриилу слущких торжеств 1914 г. минские православные издания, отметившись несколькими антиеврейскими выпадами⁵⁷, все же продолжали придерживаться традиционного нарратива о защите православия и русской народности от польско-католического влияния. Делу М. Бейлиса они уделяли не слишком много внимания, а одобрять инициативы В. С. Голубева и его единомышленников не считали нужным.

Заключение

На рубеже XIX–XX вв. культ Гавриила Слуцкого оказался востребован представителями трех разных групп православного духовенства и интеллигенции. На Гродненщине, где прошла земная жизнь святого, местные деятели превратили его в символ страданий православного народа под католическим гнетом и представили в качестве небесного заступ-

ника, молитвами которого «греко-российская вера» на территории региона сумела выжить, несмотря на козни неприятеля.

В свою очередь, для Минской епархии, на территории которой локальная традиция почитания «хозяина Слуцкой архимандрии» непрерывно существовала с середины XVIII в., Гавриил изначально

⁵⁰ Антоний (Храповицкий). Служба святому мученику Гавриилу младенцу, в лето Господне 1690-е от иудей умученному в Белостоце граде // Осанна. Собрание богослужебных текстов православной церкви : сайт. URL: http://osanna.russportal.ru/index.php?id=liturg_book.menaion_sept_aug.april_m2002/ (дата обращения: 16.05.2023).

⁵¹ Kizenko N. Metropolitan Antonii (Khrapovitskii) and the «Jewish question» // Rocor Studies. Historical studies of the Russian Church abroad : site. URL: <https://www.rocorstudies.org/2022/11/28/metropolitan-antonii-khrapovitskii-and-the-jewish-question/> (date of access: 16.05.2023).

⁵² Лютостанский И. И. Жиды и ритуальные убийства христианских младенцев: ученое богословско-юридическое исследование. СПб. : Л. К. Попова, 1911. С. 29–30.

⁵³ Св. мученик Гавриил, жидами замученный // Двуглав. орел. 1912. № 63. С. 2–3.

⁵⁴ Торжественное собрание, посвященное памяти св. мученика Гавриила младенца и всех умученных от жидов // Там же. № 70. С. 2–3.

⁵⁵ Голубев В. С. Отрок-мученик (замученный жидами ученик Киево-Софийского духовного училища Андрей Ющинский). Киев : Тип. «Русская печатня», 1911. С. 6, 24.

⁵⁶ Вечная память умученному от жидов отроку Андрею Ющинскому // Двуглав. орел. 1912. № 78. С. 1.

⁵⁷ Отрок, замученный евреями св. Гавриил Слуцкий // Мин. слово. 1912. № 1542. С. 2–3 ; Отрок, замученный евреями св. Гавриил Слуцкий // Там же. № 11. С. 337–349.

являлся одним из олицетворений святости Слуцкого Свято-Троицкого монастыря и особого положения г. Слуцка как оплота православия. Однако на рубеже столетий акценты были расставлены иначе: мученик оказался востребован как символ стойкости местного населения, не поддавшегося на «католический соблазн», а популяризация его культура стала залогом возрождения прежде угнетенного православия.

Гродненский и минский нарративы имели различия: второй явно уступал первому в системности и не содержал столь ярко выраженного мотива страдания. Но все же они были очень похожи. В обоих случаях инициативная группа духовенства и интеллигенции поместила Гавриила в локальный сонм праведников, в одном случае поставив его в ряд с Афанасием Брестским, а в другом случае – с Кириллом Туровским и Лаврентием Туровским. Таким способом местные деятели пытались показать, что их земля, будь то Гродненщина или Минщина, с давних времен озарена светом православной святости и орошена кровью православных мучеников. В обоих регионах выстраивавшийся вокруг Гавриила нарратив был направлен против поляков-католиков, контролировавших эти территории при жизни святого. Евреям же, которые, согласно агиографической традиции, были убийцами Гавриила, публицисты уделяли мало внимания: роль антагонистов уже была занята польской шляхтой и католическим духовенством, а главной целью популяризаторов культура мученика была легитимация православного характера региона.

После отклонения ходатайства 1879 г. о перенесении мощей Гавриила из г. Слуцка в г. Зблудов ни гродненское, ни минское духовенство не стремились присвоить культ мученика и отвергнуть дискурс, формировавшийся интеллектуалами из соседнего региона. Почитатели святого в обеих епархиях не столько конкурировали, сколько сотрудничали, перепечатывая друг у друга статьи и заимствуя кон-

цепты. Так, гродненцы писали о «братской Слуцкой земле» как «оплоте православия»⁵⁸, а некоторые минские авторы восприняли идею о Гаврииле как символе страданий западнорусского народа. Ситуация, при которой один и тот же праведник стал локальным святым сразу для двух епархий, ни у кого не вызвала возражений. На Гродненщине мученик почитался как Гавриил Белостокский, а на Минщине – как Гавриил Слуцкий.

В то же время существовал и нарратив об «отроке, жидами умученном». Еще со времен Велижского дела антисемитская составляющая культура святого, присутствовавшая в посвященной ему агиографической традиции, ситуативно инструментализировалась сторонниками реальности ритуальных убийств. История гибели мученика встраивалась в череду приписываемых евреям преступлений, играя роль аргумента в пользу виновности велижских иудеев, М. Бейлиса и других жертв кровавого навета или даже выполняя функцию довода в пользу необходимости канонизации А. Ющинского.

Несмотря на то что указанные нарративы достигли вершины своего развития одновременно, в начале XX в., имеющиеся данные не позволяют говорить о тесной связи гродненского и минского дискурсов, с одной стороны, и антиеврейского дискурса, с другой стороны. Внимание местных авторов привлекал вопрос не столько об убийцах Гавриила, сколько об укреплении позиций православия. В свою очередь, киевские и петербургские радикалы вроде В. С. Голубева и И. И. Лютостанского не интересовались традицией почитания святого, сложившейся в исторических центрах его культа. Гродненский, минский и антиеврейский взгляды на культ святого могли непродолжительное время сосуществовать в одном информационном пространстве, например во время крупных празднеств 1908 и 1914 гг., однако в целом антиеврейский нарратив бытовал обособленно от гродненского и минского нарративов, которые дополняли друг друга, развивая схожие идеи.

Библиографические ссылки

1. Киценко Н. Кровавый навет и литургия в православии в Российской империи: до и после дела Бейлиса. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Философия и конфликтология*. 2020;36(1):179–195. DOI: 10.21638/spbu17.2020.115.
2. Панченко АА. К исследованию «еврейской темы» в истории русской словесности: сюжет о ритуальном убийстве. *Новое литературное обозрение*. 2010;4:79–113.
3. Kuryłowicz A. Kult świętego męczennika Młodzieńca Gabriela. *Elpis*. 1999;1:213–241. DOI: 10.15290/elpis.1999.01.13.
4. Sosna G. *Święte miejsca i cudowne ikony Prawosławne sanktuaria na Białostoczczyźnie*. Białystok: Wydawnictwo Orthdruk; 2001. 401 s.
5. Кравецкий АГ. Язык вражды и церковнославянская книжность. К истории редактирования богослужебных книг в России (XIX–XX вв.). *Славяноведение*. 2023;2:31–46. DOI: 10.31857/S0869544X0025350–8.
6. Węgrzynek H. Blood libel accusations in Old Poland (mid-16th – mid-17th centuries). In: *World Union of Jewish Studies. Proceedings of the 12th World congress of Jewish studies; 1997 July 29 – August 5; Jerusalem, Israel*. Jerusalem: World Union of Jewish Studies; 1997. p. 121–127.

⁵⁸Перенесение частицы святых мощей ... С. 56.

7. Staliunas D. *Enemies for a day: antisemitism and anti-Jewish violence in Lithuania under the Tsars*. New York: CEU Press; 2015. 283 p.
8. Кочегаров КА. Киевская митрополия, князь Иероним Радзивилл и назначение Слуцким архимандритом Давида Нащинского в 1755 г. *Исторический вестник*. 2020;33:110–137.
9. Кочегаров КА. Назначение Михаила Козачинского Слуцким архимандритом. 1748–1749 гг. *Roczniki Humanistyczne*. 2022;70(2):69–87. DOI: 10.18290/rh2272.5.
10. Аврутин Е. *Велижское дело. Ритуальное убийство в одном русском городе*. Глебовская АВ, переводчик; Знаешева ИВ, редактор. Санкт-Петербург: БиблиоРоссика; 2020. 239 с.

References

1. Kizenko N. Blood accusation and Orthodox liturgy in the Russian Empire before and after the Beilis Case. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 2020;36(1):179–195. Russian. DOI: 10.21638/spbu17.2020.115.
2. Panchenko AA. [On the study of the «Jewish theme» in the history of Russian literature: the plot of a ritual murder]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2010;4:79–113. Russian.
3. Kuryłowicz A. Kult świętego męczennika Młodzieńca Gabriela. *Elpis*. 1999;1:213–241. DOI: 10.15290/elpis.1999.01.13.
4. Sosna G. *Święte miejsca i cudowne ikony. Prawosławne sanktuaria na Białostocczyźnie*. Białystok: Wydawnictwo Orthdruk; 2001. 401 s.
5. Kravetskii AG. Hate speech and church Slavonic literature. History of the editing of liturgical books. *Slavic Studies*. 2023;2:31–46. Russian. DOI: 10.31857/S0869544X0025350–8.
6. Węgrzynek H. Blood libel accusations in Old Poland (mid-16th – mid-17th centuries). In: *World Union of Jewish Studies. Proceedings of the 12th World congress of Jewish studies; 1997 July 29 – August 5; Jerusalem, Israel*. Jerusalem: World Union of Jewish Studies; 1997. p. 121–127.
7. Staliunas D. *Enemies for a day: antisemitism and anti-Jewish violence in Lithuania under the Tsars*. New York: CEU Press; 2015. 283 p.
8. Kochegarov KA. The Kievan metropolia, prince Jeronime Radzivill, and the nominatin of David Nischinsky as the archimandrite of Slutzk in 1755. *Istoricheskii vestnik*. 2020;33:110–137. Russian.
9. Kochegarov KA. Mikhail Kozachinski and his appointment as an archimandrite of the Slutzk holy trinity monastery. 1748–1749. *Roczniki Humanistyczne*. 2022;70(2):69–87. Russian. DOI: 10.18290/rh2272.5.
10. Avrutin E. *Velizhskoe delo. Ritual'noe ubiistvo v odnom russkom gorode* [The Velizh affair. The ritual murder in a Russian town]. Glebovskaya AV, translator; Znayesheva IV, editor. Saint Petersburg: BiblioRossika; 2020. 239 p. Russian.

Получена 08.10.2023 / исправлена 23.05.2024 / принята 29.05.2024.
Received 08.10.2023 / revised 23.05.2024 / accepted 29.05.2024.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94(470+476+477)«15/17»

СТАРОДУБЩИНА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ПОГРАНИЧНОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI – XVIII в.)

Е. В. ХРОЛЕНOK¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуется территория Стародубщины – региона, расположенного на белорусско-российско-украинском пограничье. На примере данного региона рассматриваются теоретико-методологические проблемы, относящиеся к изучению истории пограничного пространства. Обосновывается необходимость применения в исследовании социально-психологического подхода, а также практик новой локальной и социальной истории (через придание концепту «пограничье» характеристик, связанных с субъектом истории). Подчеркивается необходимость изучения пограничного пространства с учетом географических и временных факторов. Обозначаются географические рамки региона в период раннего Нового времени, когда Стародубщина находилась под влиянием разных центров притяжения. При этом отправной точкой каждого этапа в истории Стародубщины предлагается считать трансформации, затронувшие все сферы жизни пограничного общества. Для локализации исследуемого региона в рамках второй половины XVI в. вводится историко-географический термин «Стародубская Северщина». Особое внимание уделяется связи региона с землями Беларуси. Разрабатываются теоретические и методологические подходы к проведению исторического

Образец цитирования:

Хроленок ЕВ. Стародубщина: теоретико-методологический аспект изучения пограничного региона в период раннего Нового времени (вторая половина XVI – XVIII в.). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2024;3:25–32.
EDN: EUOFJN

For citation:

Khrolenok EV. Starodubshchina: theoretical and methodological aspect of studying the border region in the early Modern period (second half of the 16th – 18th centuries). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2024;3: 25–32. Russian.
EDN: EUOFJN

Автор:

Евгений Валерьевич Хроленок – кандидат исторических наук; докторант кафедры истории России исторического факультета.

Author:

Evgeniy V. Khrolenok, PhD (history); doctoral student at the department of Russian history, faculty of history.
khrol83@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8059-5774>

исследования пограничных регионов. Актуальность статьи обусловлена активизацией современных интеграционных процессов.

Ключевые слова: Стародубщина; методология истории; исторические трансформации; пограничный регион; локальные общества; миграционные процессы.

**СТАРАДУБШЧЫНА:
ТЭАРЭТЫЧНА-МЕТАДАЛАГІЧНЫ АСПЕКТ
ВЫВУЧЭННЯ ПАМЕЖНАГА РЭГІЁНА
Ў ПЕРЫЯД РАННЯГА НОВАГА ЧАСУ
(ДРУГАЯ ПАЛОВА XVI – XVIII ст.)**

Я. В. ХРАЛЯНОК^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Анотацыя. Даследуецца тэрыторыя Старадубшчыны – рэгіёна, размешчанага на беларуска-расійска-ўкраінскім памежжы. На прыкладзе дадзенага рэгіёна разглядаюцца тэарэтычна-метадалагічныя праблемы, якія адносяцца да вывучэння гісторыі памежнай прасторы. Абгрунтоўваецца прымяненне ў даследаванні сацыяльна-псіхалагічнага падыходу, а таксама практык новай лакальнай і сацыяльнай гісторыі (праз наданне канцэпту «памежжа» характарыстык, звязаных з суб'ектам гісторыі). Падкрэсліваецца неабходнасць вывучэння памежнай прасторы з улікам геаграфічных і часавых фактараў. Абазначаюцца геаграфічныя рамкі рэгіёна ў перыяд ранняга Новага часу, калі Старадубшчына знаходзілася пад уплывам розных цэнтраў прыцягнення. Пры гэтым адпраўной кропкай кожнага этапу ў гісторыі Старадубшчыны прапануецца лічыць трансфармацыі, якія закранулі ўсе сферы жыцця пагранічнага грамадства. Для лакалізацыі рэгіёна ў рамках другой паловы XVI ст. уведзена гісторыка-геаграфічны тэрмін «Стародубская Севершчына». Асабліва ўвага надаецца сувязі рэгіёна з землямі Беларусі. Распрацоўваюцца тэарэтычныя і метадалагічныя падыходы да правядзення гістарычнага даследавання пагранічных рэгіёнаў. Актуальнасць артыкула абумоўлена актывізацыяй сучасных інтэграцыйных працэсаў.

Ключавыя словы: Старадубшчына; метадалогія гісторыі; гістарычныя трансфармацыі; памежны рэгіён; лакальныя супольнасці; міграцыйныя працэсы.

**STARODUBSHCHINA:
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT
OF STUDYING THE BORDER REGION
IN THE EARLY MODERN PERIOD
(SECOND HALF OF THE 16th – 18th CENTURIES)**

E. V. KHROLENOK^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. The territory of Starodubshchina, a region located in the Belarusian-Russian-Ukrainian border area, is being investigated. Using the example of this region, theoretical and methodological problems related to the study of the history of the border area are considered. The necessity of applying a socio-psychological approach in the study, as well as the practices of a new local and social history (by giving the concept of «borderland» characteristics associated with the subject of history), is substantiated. The necessity of studying the boundary space, taking into account geographical and temporal factors, is emphasised. The geographical scope of the region was indicated during the early Modern period, when Starodubshchina was under the influence of different centres of gravity. At the same time, it is proposed to consider transformations affecting all spheres of life of the border society as the point of report of each of the stages of the stage in the history of the region. To localise the studied region in the second half of the 16th century, the historical and geographical term «Starodubskaya Severshchyna» is introduced. Special attention is paid to the connection of the region with the lands of Belarus. Theoretical and methodological approaches to conducting historical research on border regions are being developed. The relevance of the article is due to the activation of modern integration processes.

Keywords: Starodubshchina; methodology of history; historical transformations; border region; local societies; migration processes.

Введение

Одним из наиболее важных направлений советской историографии выступал поиск новых подходов к изучению истории. Своеобразный методологический плюрализм обусловил необходимость адаптации западноевропейских и американских исследовательских практик к отечественной историографии. В значительной мере эта тенденция повлияла на проведение региональных исследований, среди которых выделяются работы, посвященные локальным пространствам на границе нескольких государств. Использование междисциплинарных методов позволило значительно повысить уровень подобных исследований.

В настоящее время пограничные регионы все чаще становятся объектом исторического изучения. Начало же таких исследований было положено в конце XIX в. Ф. Ратцелем¹. Его идеи получили развитие в трудах Ф. Тернера [1] и К. Хаусхофера [2].

В 1893 г. Ф. Тернер ввел в научный оборот термин «фронтир». Ученый понимал под ним границу между освоенными и неосвоенными землями. С помощью фронтирной теории Ф. Тернер объяснял формирование культурного феномена американской нации, связывая ее развитие с воображаемой границей, сдвигающейся на запад североамериканского материка по мере освоения территорий [1, с. 7, 14]. Фронтирная теория применялась при исследовании истории США, Австралии, Канады и даже при освоении Сибири Российским государством.

В российской историографии своеобразной альтернативой понятию «фронтир» стало понятие «колонизация», введенное В. О. Ключевским. Он считал колонизацию важнейшим фактором исторического развития Российского государства². При этом если Ф. Тернер представлял фронтирный фактор как положительную предпосылку становления национальных черт американцев, связанную с необходимостью покорения автохтонного населения, то российские историки конца XIX в., как справедливо отмечает В. И. Маслак, наоборот, видели отрицательные черты в столкновениях с представителями народов, находившихся по другую сторону воображаемой границы [3, с. 297].

В советской историографии концепт «фронтир» оказался невостребованным. Интерес к нему появился лишь в конце XX в. С помощью фронтирной теории российские и украинские историки проводили исследования, связанные с освоением Сибири и Дикого поля. Несмотря на гибкость понятия, его применение в отношении белорусских и сопредельных с ними регионов представляется не совсем верным. Разные подходы к концептуализации фронта указывают на его обязательные признаки: отсутствие четких государственных границ, наличие на сопредельной

территории автохтонного населения, находящегося на ином уровне цивилизационного развития, колониальный статус осваиваемой территории.

Близким, но не тождественным фронтиру понятием является пограничье. Важность его изучения впервые подчеркнул К. Хаусхофер [2, с. 28]. Сегодня пограничье можно охарактеризовать как локальное пространство, население которого является субъектом национальной истории двух и более государств, а политические, экономические и культурные отношения в таком обществе определяются наличием границы.

Примером подобного локального пространства выступает Стародубщина – уникальный регион, находящийся на белорусско-российско-украинском пограничье. История края неразрывно связана с историей Беларуси, России и Украины. Так, г. Стародуб вошел в состав Великого княжества Литовского (ВКЛ) в третьей четверти XIV в., став центром одноименного княжества. С указанного времени можно говорить о начале колонизации региона предками современных белорусов. При этом до начала XVI в. Стародубское княжество находилось вдалеке от границ государства, а его территория была еще слабозаселенной. Новый этап в истории региона наступил в 1503 г., когда Стародубщина была включена в состав российских земель. С этого момента край становится пограничьем.

На протяжении XVI – первой половины XVII в. за контроль над регионом шла борьба между ВКЛ и Российским государством. С середины XVII в. к этому противостоянию присоединилась Гетманщина. Последняя являлась автономией в составе Российского государства, но на данном этапе еще старалась проводить самостоятельную политику. Каждая из противоборствующих сторон прикладывала усилия для колонизации региона. Территория Стародубщины стала контактной зоной, где шли процессы особого культурного и социального взаимодействия. Сегодня местное население выступает субъектом сразу трех национальных историй.

Территория исторической Стародубщины, состоящая из четырех северных уездов Черниговской губернии, 1 января 1919 г. была включена в ССРБ как часть Могилёвской губернии. Тогда она была заселена преимущественно белорусами. Стародубщина находилась в составе Могилёвской губернии, а затем и созданной на ее основе Гомельской губернии и после переподчинения РСФСР. Следовательно, на тот момент связь г. Стародуба с г. Гомелем признавалась большей, чем с г. Брянском. Данные выводы основывались на трудах историков, этнографов и филологов того времени. Однако с упразднением в 1926 г. Гомельской губернии, когда ее большая

¹Ратцель Ф. Народоведение. СПб. : Просвещение, 1904. XVIII, 764 с.

²Ключевский В. О. Лекции по русской истории. Ч. 1. СПб. : Тип. В. О. Киршбаума, 1902. 389, III с.

часть была передана в состав БССР, а Стародубщина включена в Брянскую губернию РСФСР, можно говорить о появлении так называемой фантомной границы. Последняя разделяла разное в культурном и этническом аспектах население Брянской области. Таким образом, история Стародубщины неразрывно связана с историей белорусской государственности, поэтому ее изучение представляется необходимым.

В отечественной историографии есть работы, раскрывающие положение Стародубщины во времена,

предшествующие исследуемому периоду. Среди них необходимо выделить монографии В. Н. Темушева [4] и А. А. Метельского [5]. Данные работы посвящены Гомельской и Мстиславской землям соответственно. Эволюция сословной структуры Стародубского полка проанализирована в работе Е. В. Хроленка³. При этом комплексные исследования, охватывающие весь период существования Стародубщины в качестве пограничного пространства, до сих пор не проводились.

Методология исследования

Определение объекта исследования является одной из методологических проблем при изучении пограничья. Актуальным нам представляется подход, предложенный С. В. Коч [6, с. 462–463]. Его применение позволяет определить в качестве объекта анализа саму территорию Стародубщины как пространство особого культурного, экономического и политического взаимодействия, имеющее несколько центров притяжения (ВКЛ, Российское государство и Гетманщину). При этом каждый из них формировал свои сферы влияния, которые при наложении создали уникальные черты данного пограничного региона. Принадлежность же Стародубщины к тому или иному государству на разных исторических этапах была обусловлена успехами освоения данной территории.

Определение в качестве объекта исследования территории пограничного региона подразумевает и обозначение его места в системе государства. Взаимоотношения между центром притяжения и локальным пространством следует рассматривать через их встраивание в систему центр-периферийных отношений. При этом пограничье нельзя охарактеризовать как периферию. Сложность обусловлена тем, что обязательным обстоятельством, которое необходимо учитывать в исследовании пограничья, выступает возможность не только изменения центра притяжения на разных исторических этапах, но и наличия нескольких таких центров одновременно. Кроме того, особенность пограничных территорий состоит в том, что они могут выступать центром региона, обладающего собственной идентичностью.

Нельзя не согласиться с мнением И. Р. Чикаловой о том, что объектом исследований должен быть

не только феномен пограничья, но и человек, проживающий в этой местности [7, с. 174–175]. В таком случае наряду с методологией изучения пограничья необходимо задействовать достижения новой локальной и социальной истории. Субъектами исторических процессов будут выступать индивид и локальные сообщества, а методом анализа станет история «снизу вверх». Изучение последней, как отмечают С. И. Маловичко и Т. А. Булыгина, предполагает анализ особенностей социокультурных обществ через историю отдельных личностей с одновременным изучением изменений структуры и форм локального пространства [8, с. 10]. Таким образом, построение исследования в соответствии с практиками современной исторической науки позволяет рассмотреть пограничный регион как единую систему, основанную на взаимоотношениях индивидов, поведение которых определяется наличием границы. Данные взаимоотношения являются всепроникающими, т. е. затрагивают все сферы жизни локального общества. Следовательно, изучение истории региона должно носить тотальный характер и предполагать рассмотрение всех активностей локального социума в целом и человека, проживающего в пограничье, в частности в конкретный период XVI–XVIII вв. При этом региональная история не может быть проанализирована в отрыве от национальной истории, но она должна выступать ее неотъемлемой составляющей. Феноменом же пограничных регионов является то, что их локальная история представляет собой важнейшую часть национальной истории всех государств-соседей (в случае Стародубщины – Беларуси, России и Украины).

Результаты и их обсуждение

После 1503 г. территория Стародубщины не вошла в состав ВКЛ (за исключением 1618–1654 гг.). Однако, как уже было отмечено, в 1919 г. регион был включен в состав ССРБ как территория с преобладающим белорусским населением. Без сомнения, в основе такого решения лежали тезисы из работ

Е. Ф. Карского⁴, М. Н. Косич⁵, а также других известных ученых. М. Н. Косич сама являлась уроженкой Стародубщины. В работе «Литвины-белорусы Черниговской губернии. Их быт и песни» она отмечает, что территория «хоть и причисляется к Малороссии, но в настоящее время во всех ее северных уездах живут

³Хроленок Е. В. Эволюция сословной структуры Стародубского полка (середина XVII – XVIII в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Минск : БГУ, 2022. 24 с.

⁴Этнографическая карта белорусского племени / сост. Е. Ф. Карский. Петроград : Рос. акад. наук, 1917. С. 16.

⁵Косич М. Н. Литвины-белорусы Черниговской губернии. Их быт и песни. СПб. : Тип. кн. В. П. Мещерского, 1902. 128, 23 с.

так называемые литвины и говорят по-белорусски»⁶. Интересный взгляд на этническую составляющую Стародубщины был высказан при описании населения Суражского уезда в материалах для оценки земельных угодий, собранных статистическим отделом при Черниговской губернской земской управе: «...только козаки, как коренные жители, представляли из себя чистый тип малоруссов, сохранившийся отчасти и доныне. Преобладающий тип суражского крестьянина все-таки тип белорусский»⁷ (здесь и далее текст приводится с сохранением языковых особенностей оригинала). Таким образом, автохтонным населением здесь названы украинцы, а колонистами – белорусы. Развивая данный тезис, можно представить, что мало-заселенная Стародубщина, где в 1654 г. проживали исключительно казаки, за последующие два столетия была колонизирована белорусскими крестьянами. В таком случае и включение региона в состав ССРБ кажется абсолютно логичным итогом. Однако подобный подход выглядит весьма упрощенным.

Очевидно, что этнический состав региона напрямую зависел от самовосприятия местного населения. В связи с этим полагаем, что для эффективного исторического исследования Стародубщины необходимо применить социально-психологический подход, позволяющий учесть самоидентификацию жителей региона и отождествление ими государственной и этнической принадлежности населения данной территории на разных исторических этапах. В соответствии с указанным подходом анализ архивных документов дает возможность проследить эволюцию отношения местного населения к центральной власти и региональным элитам, которое изменялось в зависимости не только от государственной принадлежности локального пространства, но и от трансформации центр-периферийных взаимоотношений. Таким образом, при использовании социально-психологического подхода ключевыми категориями выступают хронология и пространство, которые позволяют определить границы территории в восприятии местными жителями в разные исторические периоды, оценить степень самостоятельности г. Стародуба как регионального центра во взаимоотношениях с центральными властями, а также проследить процессы генезиса, эволюции и размывания местной специфики в результате таких взаимоотношений.

Представляется, что хронологические рамки исследования должны охватывать период со второй половины XVI до XVIII в., который и является периодом существования Стародубщины в качестве пограничного региона с присущими только ему чертами. При этом на протяжении всего исследуемого времени на Стародубщине произошел ряд трансформаций как социального, так и военного и административ-

ного характера. Данные трансформации выступают точками отсчета каждого нового исторического этапа в истории региона. К властным и военно-административным отношениям можно применить определение, предложенное А. Г. Кохановским в отношении термина «социальные трансформации»: наиболее глубокий тип изменений в обществе, которые затрагивают все его стороны и связи [9, с. 3]. В соответствии с данным подходом можно выделить три исторических этапа в рамках исследуемого периода.

Первый этап начинается в середине XVI в., когда устанавливаются границы между ВКЛ и Российским государством в регионе и происходит оформление Стародубского уезда. Этот период характеризуется зарождением служилых корпораций и утверждением в их числе казаков, появление которых было обусловлено включением в 1575 г. города в систему окраинных укреплений Российского государства. Однако уже в 1618 г. происходит первая крупная трансформация в регионе, связанная с возвращением Стародубщины в состав ВКЛ, где г. Стародуб становится центром одноименного повета Смоленского воеводства. Так, уже на этом этапе проявляются разное отношение жителей региона к происходящим событиям и отождествление себя и своей земли с тем или иным государством. Так, Деулинское перемирие 1618 г. и Поляновский мир 1634 г. разделили детей боярских, из которых одна часть покинула регион, а другая часть вошла в состав стародубской шляхты. Использование же новой администрацией казаков для охраны северских замков и вовсе привело к столкновению разнонаправленных казачьих формирований во время смоленской войны 1632–1634 гг.

Начало второго этапа в 1654 г. обусловлено следующими крупными изменениями в жизни региона, выразившимися в установлении на Стародубщине казачьего управления и образовании на ее территории Стародубского полка – военно-административной единицы в составе Гетманщины. Из малочисленной служилой корпорации казачество превращается в основную движущую силу региона. В связи с этим данный период характеризуется практически полным уничтожением существовавшего ранее уклада жизни, построением нового общества, новой военной и административной системы. Особенности указанного этапа следует признать высокую милитаризацию общества, социальную мобильность, становление и дальнейшее возвышение новых локальных элит. В этот же период формируется восприятие жителями Стародубщины своей истории. Так, к началу XVIII в. принадлежность региона в прошлом к разным государствам они описывают следующим образом: «...лядской за боярской державой», а ранее «от ста лет и больш прежде боярской за лядской

⁶Косич М. Н. Литвины-белорусы ... С. 1.

⁷Материалы для оценки земельных угодий, собранные экспедиционным способом статистическим отделом при Черниговской губернской земской управе : в 15 т. Т. 9. Суражский уезд. Чернигов : Чернигов. зем. тип., 1883. С. 7.

еще державы»⁸. На данном этапе основным центром притяжения Стародубщины становится Гетманщина, которая в сознании жителей региона противопоставляется г. Вильно и г. Москве. При этом местную специфику все еще дополняет связь региона с ВКЛ: распространенным среди старшины является польский язык, платежным средством по-прежнему служат литовские гроши, единицы меры площади земельных наделов также тождественны единицам, используемым в ВКЛ.

Третий этап начался в 1764 г. Его выделение обусловлено глубокими реформами, проведенными российским правительством. В это время произошло окончательное упразднение института гетманства на Левобережной Украине. Вслед за передачей управления Малороссийской коллегии и учреждением Малороссийского генерал-губернаторства отношение центральной власти к решению региональных вопросов коренным образом изменилось. Административное деление, военная и сословная организация на Стародубщине были ориентированы на путь унификации согласно общероссийским нормам. Проведенные на территории Левобережной Украины в 1780–90-х гг. реформы: отмена полкового деления и учреждение губерний, упразднение казачьего войска и введение рекрутской повинности, распространение крепостного права – совпали с важными геополитическими событиями в Восточной Европе. Разделы Речи Посполитой и покорение Российским государством Крымского ханства привели к утрате Стародубщиной статуса пограничного региона.

Край, являясь частью Черниговской губернии, еще долго сохранял свою специфику. Так, близость к неспокойной территории царства Польского и войны со странами Западной Европы вынуждали российское правительство неоднократно прибегать к помощи казачьих войск, собранных в регионе по сословному принципу, вплоть до 1864 г. Само же социальное положение стародубских казаков неоднократно подвергалось пересмотру и окончательно было оформлено только в 1835 г., с принятием новой редакции устава об управлении малороссийскими казаками. Начавшийся еще в 1760-х гг. процесс интеграции казачьей старшины в российское дворянство завершился лишь к 1839 г., равно как и использование Статута ВКЛ в качестве основного источника права было отменено только в 1843 г. Малороссийское генерал-губернаторство было окончательно упразднено в 1856 г. Следовательно, говорить о полном исчезновении специфических черт пограничного региона можно лишь с началом реформ императора Александра II (вторая половина XIX в.).

Таким образом, если ограничивать исследование хронологическими рамками со второй половины XVI до XVIII в., предшествующие события необходимо рассматривать как предпосылки для форми-

рования особого пространства, а события первой половины XIX в. – как последствия его существования.

Географические же рамки исследования находятся в непосредственной связи с его объектом. Так, если мы определяем регион в качестве пространства особого взаимодействия, то именно такой территорией он и должен ограничиваться. При этом понятие «Стародубщина» может употребляться применительно к землям Стародубского, Мглинского, Новозыбковского и Суражского уездов. Данные территории находились в административном подчинении г. Стародуба еще с XVI в. и были выведены из состава Черниговской губернии в 1919 г., а затем присоединены сначала к Могилевской, затем к Гомельской, а позже к Брянской губернии. Таким образом, исследование в указанных географических рамках является наиболее актуальным в отношении и белорусской истории.

Однако устанавливать географические пределы регионального исследования в соответствии с административными границами представляется неверным. Необходимо исходить прежде всего из общих культурных, социальных и экономических моделей, позволяющих рассмотреть регион как единый организм без учета искусственно созданных барьеров.

В то время на обозначенных нами исторических этапах границы региона, центром которого являлся г. Стародуб, были разными. Для определения географических пределов изучаемого локального пространства на первоначальном этапе следует ввести историко-географическое понятие «Стародубская Северщина». Данная необходимость обусловлена отсутствием в историографии утвердившегося обозначения исследуемой территории в данный период. Так, Стародубское княжество просуществовало до 1518 г. Затем его земли были разделены на уезды. Таким способом Российское государство изменило систему центр-периферийных отношений с регионом, превратив столицу княжества в обычный уездный город. С этого времени Стародубщина представляет собой лишь территорию в границах одноименного уезда. Однако сам г. Стародуб продолжает оставаться локальным центром, распространяя свое влияние на земли всего упраздненного княжества. В то же время для обозначения этой обширной территории не подходит и более широкое понятие «Северщина», поскольку оно употребляется по отношению также к областям, центрами которых являлись города Чернигов, Переяславль, Путивль и другие населенные пункты, развивавшиеся по совершенно иному пути.

В первой половине XVI в. Стародубская Северщина представляла собой значительную по размеру территорию между р. Десной и р. Сож. В 1537 г. Гомель был возвращен в состав ВКЛ. С этого времени Стародубскую Северщину следует рассматривать уже как трансграничный регион – относительно целостную природную и социальную систему, состоящую

⁸Центр. гос. ист. арх. Украины в г. Киеве. Ф. 208. Оп. 1. Д. 26. Л. 1 об.

из двух взаимосвязанных приграничных территорий и являющуюся сферой интересов соседних государств. В данных условиях граница между ВКЛ и Российским государством в результате военных конфликтов подвергалась постоянному пересмотру. Окончательным оформлением разделения можно считать Вечный мир 1686 г. С этого момента следует говорить о существовании двух пограничных регионов – Стародубщины и Гомельщины, пути развития которых уже были различными. Кроме того, необходимо учитывать, что на начальном этапе исследования г. Стародуб выступает центром одноименного уезда в составе Российского государства, а затем повета ВКЛ. В его административном подчинении, помимо исторических территорий, в разное время находились города Трубчевск, Лоев и Любеч с волостями, а также часть Чечерской волости. С образованием Стародубского полка власть местных полковников распространилась на города Погар и Новгород-Северский. С конца XVIII в., а именно с 1782 г., г. Стародуб оставался лишь административным центром одноименного уезда, но, как уже отмечалось, рассматривать происходившие в данный период события невозможно в отрыве от остальных территорий исторической Стародубщины.

Кроме того, в исследовании истории пограничья необходимо учитывать последствия такого явления, как миграция населения. Граница не только выступает разделяющим фактором, но и оказывает значительное влияние на происходящие в пограничье процессы. Культурный, языковой и технологический обмен способствует возникновению в пограничных регионах специфических социальных групп, властных структур, направлений экономической деятельности, диалектов. Ярким проявлением такой тен-

денции может служить образование на территории Стародубского полка таких сословных микрогрупп, как пороховники и рудники. Их представители, в абсолютном большинстве потомки выходцев с территории современной Беларуси, были носителями специфических знаний и умений (производство пороха и добыча руды). В то же время переселение на Стародубщину старообрядцев с территории Великороссии способствовало развитию торговли. Раскольники, не имея возможности в полном объеме заниматься земледелием ввиду ограниченного количества плодородных почв, внесли весомый вклад в становление г. Стародуба как крупного торгового центра.

Разделение в 1686 г. Стародубской Северщины на два пограничных региона не остановило миграционные процессы между ее частями, продолжавшиеся до конца XVIII в. При этом переселялись не только наименее защищенные слои населения (крестьяне и мещане), но и казаки, панцирные бояре и даже шляхта. Причинами миграции были военные конфликты, стихийные бедствия, неурожаи, притеснения крупных землевладельцев и т. д. Так, заселение северо-западной части Стародубщины, без сомнения, связано с событиями, происходившими в 1730–40-х гг. в Кричевском старостве. При этом необходимо подчеркнуть, что если вопросы бегства белорусских крестьян на территорию Стародубщины еще отмечены историками, то вопрос обратной миграции упоминается лишь эпизодически. Наш взгляд, данный факт – серьезное упущение, равно как и то, что влияние белорусских мигрантов на процессы, происходящие в Стародубщине, является общеизвестным, тогда как степень вовлеченности стародубцев в функционирование социальных систем сопредельных белорусских регионов еще предстоит выяснить.

Заключение

При рассмотрении основных методологических проблем, которые возникают при исследовании того или иного пограничного региона, удалось выяснить, что особое внимание необходимо уделить объекту изучения. Установление хронологических рамок и географических пределов в соответствии с объектом анализа позволит реконструировать историю такого региона с учетом влияния, которое оказывали на пограничное пространство центры притяжения в разные периоды времени. Кроме того, исследование пограничной территории важно проводить с опорой на практики новой социальной и локальной истории, так как основным субъектом региональной истории выступает население соответствующего локального пространства, включающее в себя специфические

сословные группы и общности, поведение которых определяется наличием границы. Таким образом, рассмотрение факторов, повлиявших на процессы в таком регионе, как Стародубщина, позволяет иначе взглянуть на перспективу изучения пограничья. Особенно она становится ясна в свете современной глобализации. С распадом СССР Стародубщина вновь обрела статус пограничного региона. Ее части оказались в составе России, Беларуси и Украины. Если долгое время события, происходившие на пограничье, являлись поводом для взаимных претензий и обид, то сегодня можно рассматривать их как фактор, способствующий усилению интеграционных процессов, а сам пограничный регион – как территорию культурного перехода от одного близкородственного народа к другому.

Библиографические ссылки

1. Тернер Ф. *Фронтир в американской истории*. Петренко АИ, переводчик; Согрин ВВ, редактор. Москва: Весь мир; 2009. 303 с.
2. Хаусхофер К. *О геополитике. Работы разных лет*. Усачев ИГ, переводчик. Москва: Мысль; 2001. 426 с.

3. Маслак ВІ. Опцыя степнага фронтира Еўропы в савременном русскайскім і украінскім казакаведзенні. *Російскі гуманітарны журнал*. 2014;3(4):297–306. DOI: 10.15643/libartus-2014.4.8.
4. Темушев ВН. *Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в.: территориальные трансформации в пограничном регионе*. Москва: Квадрига; 2009. 192 с.
5. Мяцельскі АА. *Мсціслаўскае княства і ваяводства ў XII–XVIII стст*. Мінск: Беларуская навука; 2014. 664 с.
6. Коч СВ. Методологічныя праблемы лакальна-рэгіянальных і прыгранічных даследаванняў. *Держава і право. Юрыдычны і палітычны навуки*. 2013;61:460–467.
7. Чикалова ІР. Концепты «франтэр» – «граніца» – «паграніч’е» в ісследавальскім арсенале учэных-гуманітарнаў. В: Яноўская ВВ, укладальнік; Даніловіч ВВ, рэдактар. *Метадалогія даследавання гісторыі Беларусі: праблемы, дасягненні, перспектывы*. Мінск: Беларуская навука; 2018. с. 171–180.
8. Маловічко СІ, Булыгіна ТА. Современная историческая наука и изучение локальной истории. *Новая локальная история*. 2003;1:6–22.
9. Кахановіскі АГ. *Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.)*. Мінск: БДУ; 2013. 335 с.

References

1. Turner F. *Frontir v amerikanskoj istorii* [The frontier in American history]. Petrenko AI, translator; Sogrin VV, editor. Moscow: Ves’ mir; 2009. 303 p. Russian.
2. Haushofer K. *O geopolitike. Raboty raznykh let* [About geopolitics. Works from different years]. Usachev IG, translator. Moscow: Mysl’; 2001. 426 p. Russian.
3. Maslak VI. Option of the European steppe frontier in modern Russian and Ukrainian cossacks studies. *Liberal Arts in Russia*. 2014;3(4):297–306. Russian. DOI: 10.15643/libartus-2014.4.8.
4. Temushev VN. *Gomel’skaya zemlya v kontse XV – pervoi polovine XVI v.: territorial’nye transformatsii v pogranichnom regione* [Gomiel land at the end of the 15th – first half of the 16th century: territorial transformations in the border region]. Moscow: Kvadriga; 2009; 192 p. Russian.
5. Mjaceł’ski AA. *Mscislawskae knjastva i vajavodstva w XII–XVIII stst.* [Mstislav principality and voivodship in the 12th–18th centuries]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2014. 664 p. Belarusian.
6. Koch SV. The methodological problems of local-regional and borderland research. *Derzhava i pravo. Jurydychni i politychni nauky*. 2013;61:460–467. Russian.
7. Chikalova IR. [The concepts «frontier» – «border» – «borderland» in the research arsenal of humanities scientists]. In: Janowska VV, compiler; Danilovich VV, editor. *Metadalogija dasledavannja gistoryi Belarusi: prablemy, dasjagnenni, perspektivy* [Methodology of research on the history of Belarus: problems, achievements, prospects]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2018. p. 171–180. Russian.
8. Malovichko SI, Bulygina TA. [Modern historical science and the study of local history]. *Novaya lokal’naya istoriya*. 2003; 1:6–22. Russian.
9. Kakhanouski AG. *Satsyyal’naya transformatsyya belaruskaga gramadstva (1861–1914 gg.)* [Social transformation of Belarusian society (1861–1914)]. Minsk: Belarusian State University; 2013. 335 p. Belarusian.

Получена 28.02.2024 / исправлена 28.06.2024 / принята 02.07.2024.
Received 28.02.2024 / revised 28.06.2024 / accepted 02.07.2024.

УДК 913

НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПО ПОДГОТОВКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО АТЛАСА СССР В 1960-х – НАЧАЛЕ 1980-х гг.

Т. К. ХОЛМАТОВ^{1), 2)}

¹⁾Российский государственный гуманитарный университет, пл. Миусская, 6, 125047, г. Москва, Россия

²⁾Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 20, 101000, г. Москва, Россия

Аннотация. На основе делопроизводственных материалов из Архива РАН и Научного архива Института российской истории РАН реконструируется научно-организационная деятельность советских исследователей в ходе подготовки исторического атласа СССР в 1960-х – начале 1980-х гг. Отмечается, что для реализации данного проекта в Институте истории АН СССР была создана группа исторической географии СССР. Пристальное внимание уделяется препятствиям, с которыми столкнулись специалисты во время работы над проектом. Основные проблемы были связаны с нехваткой кадров и сложностями в координации научной деятельности. Делается вывод о том, что с учетом масштаба и трудоемкости работы нехватка кадров, прежде всего картографов и специалистов по исторической географии отдельных регионов СССР, вынуждала исследователей обращаться к коллегам не только из других институтов АН СССР и центральных научно-образовательных учреждений, но и из академий наук союзных республик. В позднесоветские годы сроки создания атласа неоднократно переносились, в результате проект так и не был реализован. Несмотря на это, проведенная работа сыграла большую роль в развитии историко-географических исследований в СССР.

Ключевые слова: советская историческая наука; исторический атлас; историческая картография; историческая география; коллективный труд; Институт истории АН СССР; В. К. Яцунский.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 20-78-10095-П, проект «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920–1970-е гг.)»).

НАВУКОВА-АРГАНІЗАЦЫЙНАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ САВЕЦКІХ ДАСЛЕДЧЫКАЎ ПА ПАДРЫХТОЎЦЫ ГІСТАРЫЧНАГА АТЛАСА СССР У 1960-я – ПАЧАТКУ 1980-х гг.

Т. К. ХАЛМАТАЎ^{1*, 2*}

^{1*}Расійскі дзяржаўны гуманітарны ўніверсітэт, пл. Міуская, 6, 125047, г. Масква, Расія

^{2*}Нацыянальны даследчы ўніверсітэт «Вышэйшая школа эканомікі»,
вул. Мясніцкая, 20, 101000, г. Масква, Расія

Анотацыя. На аснове справаводных матэрыялаў з Архіва РАН і Навуковага архіва Інстытута расійскай гісторыі РАН рэканструюецца навукова-арганізацыйная дзейнасць савецкіх даследчыкаў у ходзе падрыхтоўкі гістарычнага

Образец цитирования:

Холматов ТК. Научно-организационная деятельность советских исследователей по подготовке исторического атласа СССР в 1960-х – начале 1980-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2024; 3:33–40.
EDN: OQJVZZ

For citation:

Kholmatov TK. Scientific and organisational activity of Soviet researchers for the preparation of the historical atlas of the USSR in the 1960s – early 1980s. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2024;3:33–40. Russian.
EDN: OQJVZZ

Автор:

Темурмалик Комилджонович Холматов – кандидат исторических наук; научный сотрудник Центра истории российской науки и научно-технического развития¹⁾, старший преподаватель школы исторических наук факультета гуманитарных наук²⁾.

Author:

Temurmalik K. Kholmatov, PhD (history); researcher at the Centre for the History of Russian Science and Scientific and Technological Development^a and senior lecturer at the school of history, faculty of humanities^b.
timur.kholmatoff@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2975-1647>

атласа СССР у 1960-я – пачатку 1980-х гг. Адзначаецца, што для рэалізацыі гэтага праекта ў Інстытуце гісторыі АН СССР была створана група гістарычнай геаграфіі СССР. Пільная ўвага надаецца перашкодам, з якімі сутыкнуліся спецыялісты ў час працы над праектам. Асноўныя праблемы былі звязаны з недахопам кадраў і складанасцямі ў каардынацыі навуковай дзейнасці. Робіцца выснова аб тым, што з улікам маштабу і працаёмкасці праекта недахоп кадраў, перш за ўсё картографіі і спецыялістаў па гістарычнай геаграфіі асобных рэгіёнаў СССР, прымушаў даследчыкаў звяртацца да калег не толькі з іншых інстытутаў АН СССР і цэнтральных навукова-адукацыйных устаноў, але і з акадэміяў навук саюзных рэспублік. У познесавецкія гады тэрміны стварэння атласа неаднаразова пераносіліся, у выніку праект так і не быў рэалізаваны. Нягледзячы на гэта, праведзеная праца адыграла вялікую ролю ў развіцці гісторыка-геаграфічных даследаванняў у СССР.

Ключавыя словы: савецкая гістарычная навука; гістарычны атлас; гістарычная картаграфія; гістарычная геаграфія; калектыўная праца; Інстытут гісторыі АН СССР; В. К. Яцунскі.

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны пры фінансавай падтрымцы Расійскага навуковага фонду (грант № 20-78-10095-П, праект «Савецкая навука як індустрыя: кадры, інфраструктура, арганізацыйна-кіраўніцкія практыкі (1920–1970-я гг.)»).

SCIENTIFIC AND ORGANISATIONAL ACTIVITY OF SOVIET RESEARCHERS FOR THE PREPARATION OF THE HISTORICAL ATLAS OF THE USSR IN THE 1960s – EARLY 1980s

T. K. KHOLMATOV^{a, b}

^aRussian State University for the Humanities,
6 Miusskaya Square, Moscow 125047, Russia

^bNational Research University «Higher School of Economics»,
20 Myasnitskaya Street, Moscow 101000, Russia

Abstract. Based on office materials from the Archive of the Russian Academy of Sciences and the Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, the scientific and organisational activities of Soviet researchers during the preparation of the historical atlas of the USSR in the 1960s and early 1980s are reconstructed. It is noted that a historical geography group of the USSR was created at the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR to implement this project. Close attention is paid to the obstacles faced by specialists in the process of working on the project. The main problems were related to the shortage of personnel and difficulties in coordinating scientific activities. It is concluded that, given the scale and complexity of the work, the shortage of personnel, primarily cartographers and specialists in historical geography of certain regions of the USSR, forced researchers to turn to colleagues not only from other institutes of the Academy of Sciences of the USSR and central scientific and educational institutions, but also from the academies of sciences of the union republics. In the late Soviet years, the deadlines for the creation of the atlas were repeatedly postponed, as a result, the project was never implemented. Despite this, the work carried out played a major role in the development of historical and geographical research in the USSR.

Keywords: Soviet historical science; historical atlas; historical cartography; historical geography; collective research; Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR; V. K. Yatsunskii.

Acknowledgements. The article was prepared with financial support of the Russian Science Foundation (grant No. 20-78-10095-P, project «Soviet science as an industry: personnel, infrastructure, organisational and management practices (1920–1970s)»).

Введение

В советскую эпоху одной из основных форм презентации результатов исследовательской деятельности историков выступали коллективные труды. Изучение процесса их создания представляет несомненную ценность для понимания институциональной специфики советской исторической науки, в частности особенностей координации работы исследовательских коллективов и поиска эффективных моделей научной деятельности. Важные шаги в этом направлении сделаны в последние годы (с конца 2010-х гг.). В ряде работ рассмотрены научно-организационные аспекты подготовки коллективных трудов советских историков

и препятствия, с которыми столкнулись ученые [1–9]. При этом большинство исследований посвящены анализу проектов, разработанных в 1930–60-х гг. Изучение того, как создавались коллективные труды по истории в последующие десятилетия, позволит расширить представление о механизмах функционирования советской исторической науки. Целью настоящей статьи выступает реконструкция научно-организационной деятельности специалистов Института истории АН СССР (с 1968 г. Институт истории СССР АН СССР) в ходе создания исторического атласа СССР в 1960-х – начале 1980-х гг.

Теме создания исторических атласов СССР в историографии уделяется недостаточно внимания. Как правило, данный вопрос рассматривается обобщенно, как одна из вех развития отечественной исторической картографии [10; 11, с. 285–288; 12, с. 93–94]. В имеющихся исследованиях внимание сконцентрировано на исторических атласах, работа над которыми завершилась успешно. Изучить обстоятельства ведения нереализованных проектов является важ-

ным не только для представления об актуализации этих трудов в конкретный период советской эпохи, но и для понимания преград, с которыми столкнулись исследователи. В историографии рассматривались особенности подготовки исторического атласа СССР сотрудниками Института истории АН СССР в конце 1930-х – начале 1940-х гг. [8]. В настоящей статье реконструируется работа ученых над схожим по замыслу проектом в позднесоветские годы.

Методология исследования

В статье проанализированы вопросы, связанные с исследовательскими планами специалистов Института истории АН СССР, занимавшихся подготовкой исторического атласа СССР. Внимание уделено также описанию условий, в которых разрабатывался академический проект, в частности кадровому составу и материально-техническому обеспечению исследовательской группы. С помощью институционального подхода изучены механизмы деятельности акаде-

мических учреждений и специфика производства научного знания в рамках указанного проекта.

Для достижения поставленной цели были привлечены делопроизводственные источники из Архива РАН (далее – АРАН) и Научного архива Института российской истории РАН (далее – НА ИРИ РАН), а именно отчеты о деятельности научных подразделений, планы исследовательских коллективов, протоколы и стенограммы заседаний.

Результаты и их обсуждение

К началу 1960-х гг. советская историческая наука получила устойчивое институциональное оформление, что обеспечило благоприятные условия для издания крупных коллективных трудов. К созданию многих из них специалисты приступили еще в конце 1930-х – начале 1940-х гг. Так, под эгидой Института истории АН СССР в 1950-х гг. готовились к печати тома изданий «Всемирная история» [6], «История Москвы»¹, «Очерки истории СССР» [7, с. 150–152], «Очерки истории исторической науки в СССР» [9] и т. д. Указанные фундаментальные труды должны были стать олицетворением советской исторической науки и наглядно показать достижения отечественных исследователей. Наиболее привлекательным было создание исторического атласа, который позволил бы перевести историческое знание в визуальный формат. Вместе с тем такой проект был способен продемонстрировать достижения советской исторической картографии, особенно на фоне значительных успехов зарубежных специалистов в этой области [13; 14].

Работа по созданию исторического атласа СССР велась с начала 1960-х гг. по инициативе В. К. Яцунского (1893–1966), одного из крупнейших советских специалистов по исторической географии. Он неоднократно подчеркивал научное значение подобных трудов (например, в рецензиях 1940–60-х гг. на историко-картографические и историко-географические работы американских и польских ученых) и отмечал целесообразность использования зарубежного опыта при подготовке исторического атласа СССР [13, с. 145; 14, с. 210].

Реализовать проект по созданию исторического атласа СССР, по мнению В. К. Яцунского, возможно было в рамках систематической разработки трудов на историко-географическую тему в советских научно-исследовательских учреждениях. Эту мысль он изложил в заключительной части статьи «Предмет и задачи исторической географии» [15, с. 29]. К данной проблеме он возвращался и в последующие годы. Например, в письме известному специалисту в области истории России XVII в. А. А. Новосельскому (1891–1967) от 4 сентября 1955 г. В. К. Яцунский высказывает мысль о необходимости создания в Институте истории АН СССР подразделения для проведения систематических историко-географических и смежных исследований, в том числе для работы над историческим атласом СССР². Такое подразделение появилось в институте в конце 1962 г. Была создана группа исторической географии СССР, одним из основных направлений работы которой являлась подготовка исторического атласа СССР. До середины 1960-х гг. группу возглавлял В. К. Яцунский.

Предварительный план проекта исторического атласа СССР был представлен В. К. Яцунским 23 мая 1963 г. на заседании ученого совета Института истории АН СССР. Как видно из стенограммы заседания, обсуждение было сконцентрировано не на содержании будущего атласа, а на препятствиях, которые могут появляться в ходе реализации проекта. Речь шла прежде всего о кадровой проблеме³. Ее лаконично сформулировал А. Н. Насонов (1898–1965), известный специалист по истории русского летописания: «Судя

¹НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1045, 1149; АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 255; Там же. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 270.

²АРАН. Ф. 1714. Оп. 1. Д. 210. Л. 1 – 1 об.

³Там же. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 865. Л. 6–7, 9, 12–14, 16, 18–19.

по тому, что дирекция предложила этот вопрос, из этого можно заключить, что она понимает необходимость этого атласа, но насколько она понимает сложность и характер всей этой работы? И вот мне представляется, что здесь мы упираемся в кадры. Если вы получите эти 15 или 20 человек, то сможете начать работу, а если вы их не получите, то очутитесь в очень трудном положении. Мне представляется, что это надо иметь в виду с самого начала. Эту проблему по своей сложности можно сравнить с полным собранием русской летописи или писем и бумаг Петра I»⁴. Кадровая проблема была основной на протяжении всей работы над проектом, особенно в 1960-х гг.

До конца 1965 г. в группе работало от 6 до 8 сотрудников (см. таблицу). С учетом масштаба проекта и трудоемкости процесса создания исторических карт по численности такой состав можно назвать скромным. Основная деятельность сотрудников была направлена на подготовительные работы: составление подробного плана атласа, сбор материалов для написания историко-картографических обзоров и создания исторических карт, а также исследование отдельных проблем исторической географии СССР. Нередко эти работы являлись продолжением индивидуальных трудов, начатых еще до создания группы. Например, М. В. Витов (1923–1968) продолжал изучение социального состава Русского Севера, собирал историко-географические материалы по Заонежью XVI–XVII вв., В. М. Кабузан (1932–2008) занимался исследованием истории населения России

XVIII–XIX вв. и подготовкой историко-картографических материалов по данному периоду⁵.

Как отмечено в отчетах, существенным препятствием в подготовке атласа было отсутствие картографов, которые могли составить исторические карты по авторским эскизам⁶. В отчете за 1966 г. речь шла о нехватке ученых, специализирующихся на истории IX–XII вв., эпохе капитализма (в 1965 г. не стало А. Н. Насонова, в 1966 г. – В. К. Яцунского⁷) и истории XV–XVI вв.⁸ Потребность в специалистах по исторической географии и исторической картографии разных профилей, в том числе научно-технического, отмечалась в отчетах и последующих лет⁹.

В первой половине 1960-х гг. в качестве одного из условий успешной реализации проекта рассматривалось международное сотрудничество. Ключевую роль в установлении научных контактов группы играл В. К. Яцунский, который вел переписку с зарубежными (преимущественно из Центральной Европы) специалистами по исторической географии и исторической картографии. Получение опыта иностранных исследователей, которые были причастны к подготовке аналогичных проектов в своих странах, представлялось перспективным как минимум с точки зрения методики составления карт (особенно с учетом нехватки специалистов-картографов). С этой целью были предприняты попытки организовать командировку сотрудников группы в Польшу и Чехословакию, которые так и не увенчались успехом¹⁰. Вероятно, после смерти В. К. Яцунского подобные инициативы прекратились.

Кадровый состав группы исторической географии СССР в 1962–1966 гг.

The staff of the historical geography group of the USSR in 1962–1966

Период	Количество научных сотрудников	Количество научно-технических сотрудников	Всего
Конец 1962 г.	5	1	6
Середина 1963 г.	7	1	8
Конец 1964 г.	7	1	8
Конец 1965 г.	6	2	8
Конец 1966 г.	8	6	14

Группа приблизилась к оптимальной для успешного выполнения проекта численности лишь к концу 1966 г. Как видно из последующих отчетов, даже этого количества сотрудников явно не хватало с учетом объема работы, которая предполагала составление обзоров опубликованных исторических карт,

сбор сведений из архивов и библиотек, статистический анализ данных, создание эскизов, а также редактирование карт. Уже в отчете от 21 апреля 1966 г. подчеркивалось, что необходимо преобразовать группу исторической географии СССР в сектор численностью до 36 человек¹¹.

⁴ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 865. Л. 13.

⁵ Там же. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 278. Л. 1 – 3 об., 8–9; НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2092. Л. 9–12; Там же. Д. 2208. Л. 2–9.

⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2208. Л. 10; Там же. Д. 2313. Л. 13; Там же. Д. 2414. Л. 9.

⁷ После смерти В. К. Яцунского группу возглавлял Л. Г. Бескровный (1905–1980).

⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2414. Л. 8–9.

⁹ АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 31. Л. 10; Там же. Д. 230. Л. 6.

¹⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2414. Л. 10.

¹¹ Там же. Д. 2313. Л. 3.

По-видимому, ощутимые проблемы (по меньшей мере в первые годы деятельности группы) были связаны с недостаточным финансированием подготовительных работ. В отчетах неоднократно отмечалась нехватка ассигнования для сбора и копирования материалов из архивов¹². Так, в отчете за 1964 г. на эти расходы было запрошено 10 тыс. руб.¹³ В дальнейшем требовалось значительно увеличить финансирование для составления эскизов карт и оплаты работы сотрудников, не входящих в штат. К апрелю 1966 г. на эти цели требовалось уже 50 тыс. руб.¹⁴ В 1960-х гг. среди препятствий в работе над проектом неоднократно упоминалось также отсутствие помещения для составления и хранения карт¹⁵.

Ряд карт должны были быть составлены сотрудниками других подразделений Института истории АН СССР, а также Института этнографии АН СССР и Института археологии АН СССР¹⁶. С первых лет работы над атласом планировалось привлечь к ней исследователей из союзных республик. Так, в упомянутой выше стенограмме заседания ученого совета Института истории АН СССР от 23 мая 1963 г. отмечено, что для создания атласа следует задействовать специалистов из закавказских, среднеазиатских и прибалтийских республик¹⁷. Важный шаг в этом отношении был сделан в январе 1966 г., когда состоялось совещание сотрудников группы исторической географии СССР с историками республиканских академий наук и уточнена степень их участия в проекте. В отчете зафиксировано, что руководство академий наук ряда республик согласилось выделить кадры для составления отдельных карт (институты истории академий наук Казахстана, Туркмении и Киргизии могли прислать лишь стажеров)¹⁸. Таким образом, в работу над историческими картами для атласа было вовлечено большое количество исследователей (помимо авторов – составителей карт, в проекте участвовали консультанты, редакторы и рецензенты), что вызывало определенные организационные трудности.

В 1968 г. был учрежден научный совет по исторической географии и картографии¹⁹, одна из основных задач которого заключалась в координации работы по созданию исторического атласа СССР. В его состав

вошли не только сотрудники различных институтов АН СССР, Главного управления геодезии и картографии при Совете министров СССР, столичных научно-образовательных учреждений, но и работники академий наук союзных республик. В 1978 г. в научный совет входили такие историки, как С. Т. Еремян (1908–1992; доктор исторических наук, академик АН Армянской ССР), П. Г. Козловский (1911–1996; доктор исторических наук, научный сотрудник АН Белорусской ССР), Г. Ф. Дахшлейгер (1919–1983; доктор исторических наук, член-корреспондент АН Казахской ССР), А. М. Мухтаров (1924–2007; доктор исторических наук, член-корреспондент АН Таджикской ССР), В. М. Плоских (род. в 1937 г.; кандидат исторических наук, научный сотрудник АН Киргизской ССР), М. А. Ючас (1926–2019; доктор исторических наук, научный сотрудник АН Литовской ССР) и др.²⁰ Скорее всего, координация процесса осуществлялась преимущественно с помощью переписки и созыва научных сессий и пленарных совещаний²¹.

Одним из ключевых направлений деятельности научного совета была организация историко-географических исследований в СССР. Их результаты были использованы для создания исторических карт. В отчетах группы исторической географии СССР неоднократно отмечено, что исследования по исторической географии в СССР не востребованы, публикаций в этой области немного²². Судя по отчетам научного совета за 1970–80-е гг., постепенное восполнение этого пробела осуществлялось путем подготовки сборников работ и организации научных мероприятий на тему исторической географии²³. Данные меры должны были также подчеркнуть востребованность учета пространственного фактора в исторических исследованиях и привлечь внимание к историко-географическим проблемам.

С конца 1960-х гг. работа над историческим атласом СССР шла более продуктивно. Ключевое значение в данном случае имело преобразование группы исторической географии СССР в сектор исторической географии СССР в 1968 г. Институциональные изменения позволили увеличить количество сотрудников, вовлеченных в создание атласа, что принесло

¹² АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 278. Л. 3–4; НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2313. Л. 3; Там же. Д. 2414. Л. 2.

¹³ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2208. Л. 10.

¹⁴ Там же. Д. 2313. Л. 3.

¹⁵ Там же. Д. 2208. Л. 10; Там же. Д. 2313. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 2; Там же. Д. 2414. Л. 2.

¹⁷ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 865. Л. 7–8.

¹⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2414. Л. 1–2.

¹⁹ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 964. Л. 27. (В 1984 г. научный совет по исторической географии и картографии был преобразован в научный совет по исторической демографии и исторической географии, который возглавил член-корреспондент АН СССР Ю. А. Поляков (1921–2012).)

²⁰ АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 703. Л. 85–89. (Указаны степени и звания, которые были присвоены историкам к 1978 г.)

²¹ АРАН. Ф. 457. Оп. 4. Д. 85а. Л. 42. (Как видно из отчета научного совета за 1970–1974 гг., для ускоренной работы над атласом были запланированы командировки членов совета в институты союзных республик, а также создание в этих учреждениях секторов исторической географии. Достоверных сведений о степени реализации этих планов выявить не удалось.)

²² НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2313. Л. 3; Там же. Д. 2414. Л. 10.

²³ АРАН. Ф. 457. Оп. 4. Д. 21. Л. 189–190; Там же. Д. 34. Л. 143–151; Там же. Д. 42. Л. 129–130; Там же. Д. 46. Л. 90; Там же. Д. 50. Л. 168–169; Там же. Д. 71. Л. 50–54; Там же. Д. 85а. Л. 41–47.

ощутимые результаты. Например, к 1972 г. был составлен макет атласа и завершилась работа над серией карт²⁴. Наблюдались также позитивные сдвиги в организации совместной деятельности с Главным управлением геодезии и картографии при Совете министров СССР, на которое были возложены производственные вопросы по подготовке атласа. Согласно отчету за 1970 г. разработки авторских эскизов следовало завершить в 1972 г., а к 1976 г. была запланирована итоговая тиражная печать²⁵. Однако к указанному времени работа окончена не была. В 1970–80-х гг. сроки издания атласа также неоднократно переносились.

Несмотря на очевидные успехи, имеющийся кадровый состав не мог обеспечить выполнение всего объема работ. К началу 1970-х гг. численность сектора исторической географии СССР составляла более 20 человек, однако сотрудников все так же не хватало. В отчете за 1970 г. отмечено, что для успешной реализации проекта требуется увеличить кадровый состав сектора по меньшей мере на 30 человек²⁶. По данным отчета подразделения за 1971–1980 гг., в течение десятилетия состав существенно не изменился²⁷. Проблема кадрового голода была зафиксирована в отчетной документации научного совета²⁸.

При создании исторического атласа возникали и технологические трудности. По словам К. А. Аверьянова, в те годы основными этапами составления исторических карт «...являлись подготовка картографической основы, создание составительского макета и только потом издательского оригинала карты, что приводило к большим финансовым затратам. С другой стороны, спецификой исторических карт является сложность их составления. Помимо знания конкретного исторического материала, который кладется в основу той или иной карты, ее автору необходимо учитывать массу других, на первый взгляд мелких, вещей, о которых историк иногда просто не задумывается. Это касается государственных и административных границ, названий географических объектов, их локализации, географии путей сообщения и т. п. Неспециалисту может показаться, что эти вещи имеют лишь косвенное отношение к теме карты, но без них ее просто нельзя вычертить» [11, с. 287–288].

В начале 1970-х гг. специалистам сектора исторической географии СССР приходилось уделять значительное внимание также подготовке атласа все-

мирной истории²⁹. Работа над указанным проектом была организована таким же образом, как и работа по созданию исторического атласа СССР. Координацией деятельности занимался научный совет, к участию в проекте был привлечен широкий круг специалистов из академий наук союзных республик и других научно-исследовательских центров³⁰. Схожими были и проблемы, возникающие в ходе реализации проекта. Например, в материалах бюро Отделения истории АН СССР за 1970 г. об участии институтов в работе по созданию атласа всемирной истории подчеркивалось, что институты истории академий наук Азербайджана, Армении, Грузии и Узбекистана не выполнили взятые на себя обязательства³¹. Сотрудники Института славяноведения и балканистики АН СССР, Института всеобщей истории АН СССР и Института истории СССР АН СССР, для которых работа над атласом не была первоочередной задачей³², также нередко тормозили процесс.

Следует учитывать и существенное увеличение объема запланированного издания. В 1967 г. был опубликован материал В. К. Яцунского, в котором были изложены основные принципы подготовки исторического атласа СССР, а также представлен ориентировочный план его создания [16]. Согласно плану в первый том атласа (охватывавший период с древнейших времен до 1917 г.) должны были войти 263 карты: 45 карт по древнейшему времени, 56 карт по эпохе развития феодализма в Восточной Европе, 40 карт по эпохе позднего феодализма, 38 карт по периоду разложения феодализма и формирования капиталистического уклада, 84 карты по эпохе капитализма (см. рисунок). Карты атласа должны были охватить регионы СССР от Прибалтики до Дальнего Востока. В дальнейшем план претерпел существенные изменения. Через десять лет в небольшом материале Л. Г. Бескровного и Я. Е. Водарского (1928–2007) отмечалось, что первый том будет состоять уже примерно из 800 карт с пояснениями и что он запланирован к печати в 1980 г. [17, с. 199]. Вскоре указанное количество исторических карт было сокращено. Согласно плану Я. Е. Водарского, представленному в 1981 г., первый том издания должен был иметь уже около 600 исторических карт³³. Значительная часть из них к тому времени уже была сделана (из 223 листов, которые отведены на исторические карты, были подготовлены 134 листа, т. е. было выполнено 60 % объема запланированной работы)³⁴.

²⁴ АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 454. Л. 3.

²⁵ Там же. Д. 232. Л. 28.

²⁶ Там же. Д. 230. Л. 6.

²⁷ Там же. Д. 1435. Л. 87. (В отчетный период в секторе работали 20 историков и 5 картографов.)

²⁸ АРАН. Ф. 457. Оп. 4. Д. 42. Л. 129.

²⁹ Там же. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 230. Л. 2–6.

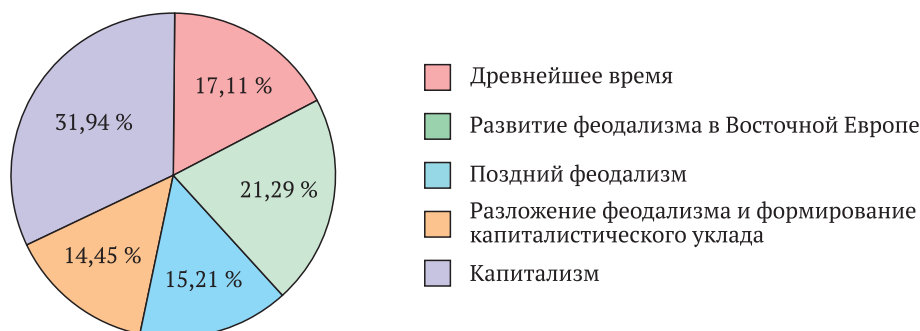
³⁰ Там же. Ф. 457. Оп. 4. Д. 21. Л. 189; Там же. Д. 25. Л. 152; Там же. Д. 34. Л. 150.

³¹ Там же. Оп. 1. Д. 577. Л. 44–45.

³² Там же.

³³ Я. Е. Водарский возглавил сектор после смерти Л. Г. Бескровного в 1980 г.

³⁴ АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 1435. Л. 87.

Распределение карт первого тома исторического атласа СССР по периодам
Distribution of the maps of the first volume of the USSR historical by periods

Отчеты сектора исторической географии СССР в начале 1980-х гг. демонстрируют, что работа над атласом все так же занимала одно из центральных мест в деятельности подразделения³⁵. Преграды в реализации проекта оставались те же. Стенограмма заседания ученого совета Института истории СССР АН СССР от 22 января 1981 г. свидетельствует о том, что главными темами обсуждения были кадровые проблемы и сложности в координации работы. Зафиксированы, например, следующие слова В. И. Буганова (1928–1996): «Я думаю, что ученый совет имеет все основания поблагодарить сектор за эту работу и поздравить с теми результатами, которые он имеет. Но, конечно, трудности были и есть, вероятно, их будет еще немало. Они связаны с тем, что работа очень объемная и многоплановая, необходимость связи со многими учреждениями, которые не всегда выполняют свои обещания, отсутствие кадров картографов – все это известно. Картографов в секторе очень мало, а тех картографов, которые имеются, буквально по пальцам

можно пересчитать. Но они проделали колоссальную работу. <...> Имеются и другие трудности. Что касается контактов с соседними секторами, то, вероятно, сектору (сектору исторической географии СССР. – Т. Х.) не всегда шли навстречу, иногда ограничивались снисходительным, беглым консультированием. Думаю, сектора должны в будущем обращать большее внимание на эту работу, а не просто давать консультации, отсылки к тому или иному изданию. Речь идет о предоставлении материала, на котором работают те или иные сотрудники по своим плановым заданиям. Это можно и нужно делать. И некоторые товарищи щедро делились своим материалом, так что и другие товарищи могли бы делать то же самое»³⁶.

Указанные проблемы в полной мере не были решены и в последующие годы, из-за чего издание коллективного труда многократно откладывалось. В итоге исторический атлас СССР не был подготовлен и к концу 1980-х гг., хотя к этому времени работа над первым томом была практически завершена [11, с. 287].

Заключение

Несмотря на то что проект по созданию исторического атласа СССР так и не был реализован, проведенная работа сыграла большую роль в развитии историко-географических исследований в СССР. Позднесоветский проект подготовки исторического атласа СССР имел научное целеполагание. Результаты проведенных историко-географических исследований В. К. Яцунского, Л. Г. Бескровного, М. В. Витова,

М. Я. Волкова (1924–1997), Я. Е. Водарского, Б. В. Тихонова (1929–?), В. М. Кабузана, Э. Г. Истоминой (1934–2023), А. К. Зайцева (1939–2009), В. А. Кучкина (род. в 1933 г.) и других сотрудников подразделения в дальнейшем были опубликованы. Особенно следует отметить работу по изучению исторической географии Древней Руси, а также населения и промышленности России XVII–XIX вв.

Библиографические ссылки

1. Белозорович ВА. Научно-организационная деятельность историков по подготовке пятитомного издания «История Беларуси ССР». *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2021;1:90–98. DOI: 10.33581/2520-6338-2021-1-90-98.
2. Карпюк СГ, Крих СБ. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: поиски управленческой модели. *Вестник древней истории*. 2018;4:1011–1031. DOI: 10.31857/S032103910002917-1.
3. Карпюк СГ, Крих СБ. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: плоды усилий. *Вестник древней истории*. 2019;1:136–151. DOI: 10.31857/S032103910004510-4.
4. Кириллова МН. Древность в академическом проекте «Истории СССР» (1938–1941). *Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры*. 2021;9:345–356.

³⁵ АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 1574. Л. 1, 3, 10 ; Там же. Д. 1603. Л. 1, 4, 6, 7.

³⁶ Там же. Д. 1435. Л. 55–56.

5. Кушц ТВ. Нарушая конвенцию: участие М. Я. Сюзюмова в подготовке «Истории Византии». *Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки*. 2022;2:155–166. DOI: 10.15826/izv2.2022.24.2.031.
6. Метель ОВ. Между организационными сложностями и концептуальными противоречиями: подготовка «Всемирной истории» советскими исследователями конца 1940-х – начала 1960-х гг. *Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки*. 2022;2:140–154. DOI: 10.15826/izv2.2022.24.2.030.
7. Тихонов ВВ. «С русским размахом и американской деловитостью»: коллективные и индивидуальные формы организации исследований в Институте истории АН СССР. *Российская история*. 2021;5:144–154. DOI: 10.31857/S086956870016624-7.
8. Холматов ТК. Коллективные проекты создания исторического атласа СССР в конце 1930-х – начале 1940-х гг. *Гуманитарный акцент*. 2022;4:74–82.
9. Halperin ChJ. An artifact of Soviet historiograph. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2021;1:205–218. DOI: 10.21638/spbu19.2021.113.
10. Гольденберг ЛА. Развитие отечественной исторической картографии. *Вопросы истории*. 1974;7:33–48.
11. Аверьянов КА. Историческая картография России XIX – начала XXI в. (опыт создания исторических атласов). *Труды Института российской истории РАН*. 2017;14:283–295.
12. Баталов РН, Радченко ЛК. Пути развития исторической картографии. *Вестник СГУТ (Сибирского государственного университета геосистем и технологий)*. 2022;5:90–109. DOI: 10.33764/2411-1759-2022-27-5-90-109.
13. Яцунский ВК. Новые работы по исторической картографии США. *Вопросы истории*. 1946;4:143–145.
14. Яцунский ВК. Новые работы по исторической географии Польши. *Вопросы истории*. 1960;2:208–210.
15. Яцунский ВК. Предмет и задачи исторической географии. *Историк-марксист*. 1941;5:3–29.
16. Яцунский ВК. Исторический атлас СССР. *История СССР*. 1967;1:219–228.
17. Бескровный ЛГ, Водарский ЯЕ. Важнейшая задача – создание академического атласа истории СССР. *История СССР*. 1977;2:199–202.

References

1. Belazarovich VA. Scientific and organisational activity of historians for the preparation of the five-volume work «Histories of the Belarusian SSR». *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021;1:90–98. Russian. DOI: 10.33581/2520-6338-2021-1-90-98.
2. Karpjuk SG, Krikh SB. Work on «The world history» before World War II: searching for a management model. *Journal of Ancient History*. 2018;4:1011–1031. Russian. DOI: 10.31857/S032103910002917-1.
3. Karpjuk SG, Krikh SB. Work on «The world history» before World War II: fruits of efforts. *Journal of Ancient History*. 2019;1:136–151. Russian. DOI: 10.31857/S032103910004510-4.
4. Kirillova MN. Antiquity in the academic project «The history of the USSR» (1938–1941). *Scripta Antiqua. Studies in Ancient History, Philology, Art and Material Culture*. 2021;9:345–356. Russian.
5. Kushch TV. Violating the convention: M. Ja. Sjuzumov's participation in the preparation of the «History of Byzantium». *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2, Humanities and Arts*. 2022;2:155–166. Russian. DOI: 10.15826/izv2.2022.24.2.031.
6. Metel' OV. [Between organisational difficulties and conceptual contradictions: the preparation of «The world history» by Soviet researchers of the late 1940s – early 1960s]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2, Humanities and Arts*. 2022;2:140–154. Russian. DOI: 10.15826/izv2.2022.24.2.030.
7. Tikhonov VV. «With a Russian scope and American efficiency»: collective and individual forms of research organisation at the Institute of History of the USSR, Soviet Academy of Sciences. *Russian History*. 2021;5:144–154. Russian. DOI: 10.31857/S086956870016624-7.
8. Kholmatov TK. Collective projects of historical atlas of the Soviet Union in the late 1930s – early 1940s. *Gumanitarnyi aktsent*. 2022;4:74–82. Russian.
9. Halperin ChJ. An artifact of Soviet historiograph. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2021;1:205–218. DOI: 10.21638/spbu19.2021.113.
10. Gol'denberg LA. [The development of Russian historical cartography]. *Voprosy istorii*. 1974;7:33–48. Russian.
11. Averyanov KA. Historical cartography of Russia of the XIX – beginning of the XXI century (review of historical atlases). *Tруды Института российской истории РАН*. 2017;14:283–295. Russian.
12. Batalov RN, Radchenko LK. Ways of development of historical cartography. *Vestnik of the Siberian State University of Geosystems and Technologies (SSUGT)*. 2022;5:90–109. Russian. DOI: 10.33764/2411-1759-2022-27-5-90-109.
13. Yatsunskii VK. [New researches on the historical cartography of USA]. *Voprosy istorii*. 1946;4:143–145. Russian.
14. Yatsunskii VK. [New researches on the historical geography of Poland]. *Voprosy istorii*. 1960;2:208–210. Russian.
15. Yatsunskii VK. [The subject and tasks of historical geography]. *Istoriya SSSR*. 1941;5:3–29. Russian.
16. Yatsunskii VK. [Historical atlas of the USSR]. *Istoriya SSSR*. 1967;1:219–228. Russian.
17. Beskrovnyi LG, Vodarskii YaE. [The most important task is to create an academic atlas of the history of the USSR]. *Istoriya SSSR*. 1977;2:199–202. Russian.

Получена 30.04.2024 / исправлена 24.05.2024 / принята 29.05.2024.
Received 30.04.2024 / revised 24.05.2024 / accepted 29.05.2024.

УДК 479.25«1920»:[070.1::355.4]

ОСВЕЩЕНИЕ ТУРЕЦКО-АРМЯНСКОЙ ВОЙНЫ 1920 Г. В АРМЯНСКОЙ ПРЕССЕ

Э. Г. МИНАСЯН¹⁾, В. И. МЕНЬКОВСКИЙ²⁾, М. Р. ГАБРИЕЛЯН¹⁾,
А. Х. МХОЯН¹⁾, Т. А. ГАНАЛАНЯН¹⁾

¹⁾Ереванский государственный университет, ул. А. Манукяна, 1, 0025, г. Ереван, Армения

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуется освещение турецко-армянской войны 1920 г. в армянской прессе. На основе анализа публикаций в газетах «Арадж» (Ереван), «Мшак» (Тифлис), «Арев» (Александрия) и «Айреник» (Бостон) за август 1920 г. – февраль 1921 г. изучается позиция армянских общественно-политических кругов по поводу продолжающегося военного конфликта между Турцией и Арменией, а также динамика развития их взаимоотношений. Отмечается, что армянская политическая элита переоценила собственные силы и недооценила возможности кемалистской Турции, что значительно повлияло на политические решения. Поддержка Турции Советской Россией и бездействие западных союзников Армении также широко обсуждались в армянской прессе того времени. Подчеркивается мысль о том, что, с одной стороны, оппозиционная пресса обвиняла в сложившейся ситуации правительство Республики Армения, а с другой стороны, периодика Армянской революционной федерации «Дашнакцутюн» пыталась показать, что решающим фактором окончания противостояния являются внешние силы и что поражение Армении в войне фактически неизбежно. С большим опозданием получала информацию пресса армянской диаспоры, что приводило к распространению устаревших и часто вымышленных сведений. Одним из наиболее ярких примеров в данном контексте является сообщение об отвоевании армянами г. Карса. Делается вывод о том, что как правительство Республики Армения, так и оппозиционные силы не основывали свои политические расчеты на адекватной оценке региональной и международной ситуации и прогнозировали события, принимая желаемое за действительное. Именно по этой причине катастрофические последствия войны имели эффект холодного душа для армянского общества.

Образец цитирования:

Минасян ЭГ, Меньковский ВИ, Габриелян МР, Мхоян АХ, Ганалаян ТА. Освещение турецко-армянской войны 1920 г. в армянской прессе. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2024;3:41–48 (на англ.). EDN: NNTB MU

For citation:

Minasyan EG, Menkouski VI, Gabrielyan MR, Mkhoyan HKh, Ghanalanyan TH. Reporting of the 1920 Turkish-Armenian War in the Armenian press. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2024;3:41–48. EDN: NNTB MU

Авторы:

Эдик Гарегинович Минасян – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории Армении факультета истории.

Вячеслав Иванович Меньковский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета.

Мхитар Размикевич Габриелян – кандидат исторических наук, доцент; декан факультета истории.

Айк Хачатурович Мхоян – кандидат исторических наук, доцент; заместитель декана факультета истории.

Тигран Айкович Ганалаян – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Армении факультета истории.

Authors:

Edik G. Minasyan, doctor of science (history), full professor; head of the department of history of Armenia, faculty of history.

eminasyan@ysu.am

<https://orcid.org/0000-0003-3206-6103>

Viachaslau I. Menkouski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history.

menkovski@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0003-3417-4589>

Mkhitar R. Gabrielyan, PhD (history), docent; dean of the faculty of history.

m.gabrielyan@ysu.am

<https://orcid.org/0009-0005-2698-6052>

Hayk Kh. Mkhoyan, PhD (history), docent; deputy dean of the faculty of history.

mxoyanhayk@ysu.am

<https://orcid.org/0000-0001-7242-277X>

Tigran H. Ghanalanyan, PhD (history), docent; associate professor at the department of history of Armenia, faculty of history.

tghanalanyan@ysu.am

<https://orcid.org/0009-0009-4231-9216>

Ключевые слова: Севрский договор; Первая Республика Армения; Турция; Советская Россия; турецко-российские отношения; движение кемалистов.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по высшему образованию и науке Республики Армения в рамках научного проекта 21Т-6А269 «Отражение турецко-армянской войны 1920 г. в армянской прессе 1920–1940 гг.» и государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» Республики Беларусь в рамках научно-исследовательской работы «Советское прошлое в концепции современной исторической политики Республики Беларусь» (№ гос. регистрации 1.06.14).

АСВЯТЛЕННЕ ТУРЭЦКА-АРМЯНСКАЙ ВАЙНЫ 1920 Г. У АРМЯНСКАЙ ПРЭСЕ

Э. Г. МИНАСЯН^{1*}, В. І. МЕНЬКОЎСКИ^{2*}, М. Р. ГАБРЫЕЛЯН^{1*},
А. Х. МХАЯН^{1*}, Т. А. ГАНАЛАНЯН^{1*}

^{1*} Ерэванскі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. А. Манукяна, 1, 0025, г. Ерэван, Армения

^{2*} Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анотацыя. Даследуецца асвятленне турэцка-армянскай вайны 1920 г. у армянскай прэсе. На аснове аналізу публікацый у газетах «Арадж» (Ерэван), «Мшак» (Тыфліс), «Арэў» (Александрыя) і «Айрэнік» (Бостан) за жнівень 1920 г. – люты 1921 г. вывучаецца пазіцыя армянскіх грамадска-палітычных колаў наконт ваеннага канфлікту паміж Турцыяй і Арменияй, а таксама дынаміка развіцця іх узаемаадносін. Адзначаецца, што армянская палітычная эліта пераацаніла ўласныя сілы і недаацаніла магчымасці кемалісцкай Турцыі, што значна паўплывала на палітычныя рашэнні. Падтрымка Турцыі Савецкай Расіяй і бяздзейнасць заходніх саюзнікаў Арменіі таксама шырока абмяркоўваліся ў армянскай прэсе таго часу. Падкрэсліваецца думка аб тым, што, з аднаго боку, апазіцыйная прэса абвінавачвала ў існуючай сітуацыі ўрад Рэспублікі Армения, а з другога боку, перыёдыка Армянскай рэвалюцыйнай федэрацыі «Дашнакцэцун» спрабавала паказаць, што вырашальным фактарам заканчэння супрацьстаяння з'яўляюцца знешнія сілы і што паражэнне Арменіі ў вайне фактычна непазбежна. З вялікім спазненнем атрымлівала інфармацыю прэса армянскай дыяспары, што прыводзіла да распаўсюджвання састарэлых і часта выдуманых звестак. Адным з найбольш яркіх прыкладаў у дадзеным кантэксце з'яўляецца паведамленне аб тым, што армяне адваявалі г. Карс. Робіцца выснова аб тым, што як урад Рэспублікі Армения, так і апазіцыйныя сілы не засноўвалі свае палітычныя разлікі на адэкватнай ацэнцы рэгіянальнай і міжнароднай сітуацыі і прагназавалі падзеі, прымаючы жаданае за сапраўднае. Менавіта па гэтай прычыне катастрофічныя наступствы вайны мелі эфект халоднага душа для армянскага грамадства.

Ключавыя словы: Сеўрскі дагавор; Першая Рэспубліка Армения; Турцыя; Савецкая Расія; турэцка-расійскія адносіны; рух кемалістаў.

Падзяка. Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Камітэта па вышэйшай адукацыі і навуцы Рэспублікі Армения ў рамках навуковага праекта 21Т-6А269 «Адлюстраванне турэцка-армянскай вайны 1920 г. у армянскай прэсе 1920–1940 гг.» і дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» Рэспублікі Беларусь у рамках навукова-даследчай работы «Савецкае мінулае ў кантэксце сучаснай гістарычнай палітыкі Рэспублікі Беларусь» (№ дзярж. рэгістрацыі 1.06.14).

REPORTING OF THE 1920 TURKISH-ARMENIAN WAR IN THE ARMENIAN PRESS

E. G. MINASYAN^a, V. I. MENKOUSKI^b, M. R. GABRIELIAN^a,
H. Kh. MKHOYAN^a, T. H. GHANALANYAN^a

^a Yerevan State University, 1 A. Manukyan Street, Yerevan 0025, Armenia

^b Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: E. G. Minasyan (eminasyan@ysu.am)

Abstract. The article studies the reporting of the events of 1920 Turkish-Armenian War in Armenian press. The corresponding analysis of the «Yaraj» (Yerevan), «Mshak» (Tiflis), «Arev» (Alexandria) and «Hayrenik» (Boston) newspaper publications for August 1920 – February 1921 allows us to find out position of Armenian socio-political circles regarding possible developments of relations and ongoing military conflict between Turkey and Armenia. It shows that Armenian political elites overestimated their own capacities and underestimated the ones of the Kemalist Turkey, and it greatly influenced the former political decisions. The support of Turkey by Soviet Russia and the inactivity of Western allies of Armenia was also widely discussed in that time Armenian press. On the one hand, the opposition press blamed the government of the Republic of Armenia for that situation, on the other hand, the periodicals of the Armenian revolutionary federation «Dashnaktsutyun» tried to show that external factors had played their decisive role, and that the defeat in the war had been inevitable. The Ar-

menian diaspora press mostly received information with a major delay: outdated and often untrue news circulated for a long time. One of the most memorable examples was the news about the recapture of the city of Kars by the Armenians. The study of the Armenian press before the war shows that both the government of the Republic of Armenia and the main opposition forces did not found their political calculations on adequate assessments of the regional and international situation and thus made their attempts to predict the events, and they accepted their desires instead of reality. It was for this reason that the disastrous consequences of the war had an effect of a cold shower for the Armenian community.

Keywords: Treaty of Sevres; First Republic of Armenia; Turkey; Soviet Russia; Turkish-Russian relations; Kemalist movement.

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Committee on Higher Education and Science of the Republic of Armenia within the framework of the scientific project 21T-6A269 «The reflection of the Turkish-Armenian War of 1920 in the Armenian press of 1920–1940» and the state scientific research programme «Society and humanitarian security of the Belarusian State» of the Republic of Belarus within the framework of the research project «The Soviet past in the concept of modern historical policy of the Republic of Belarus» (state registration No. 1.06.14).

Introduction

Turkish-Armenian relations obtained fundamental significance during the entire period of existence of the first republic of Armenia (28 May 1918 – December 1920). It was the Ottoman Empire, that became the first state to recognise Armenia's independence with the Batumi Treaty of 4 June 1918. However, both the provisions of the treaty and the previous development of Turkish-Armenian relations, including the Armenian genocide [1], could not contribute to the formation of equal and sovereign relations between the two states. Added to that, it was a fact that starting from that time until the Armistice of Mudros on 30 October 1918 Turkey became the dominant state in the region. Taking advantage of the situation in Russia, it set out to create a balance of forces in the South Caucasus that fundamentally contradicted the aspirations of the Republic of Armenia for the sovereignty and sustainability of the state. However, as Russia, the former main centre of power in the region, was absent, the Armenian leadership had no other option but to recognise its own country as the leader of the region and had to accept that situation and the entire reality.

The situation changed a lot after the Armistice of Mudros. The Ottoman Empire was defeated and forced to withdraw its troops from the Turkish-Russian borders as of 1914. As for other great powers, Great Britain occupied the dominant position in the region. That was a period when the world's most important political agenda was being shaped at the 1919 Paris peace conference. The hopes of Armenians were directly related to that peace conference. That was reflected in the fact that they sent two delegations to participate in that conference instead of one. One of them represented the Republic of Armenia under the leadership of A. Aharonyan, and the other was headed by a prominent Egyptian-Armenian figure, P. N. Pasha (his father, N. Nubaryan, had been the first Prime Minister of Egypt), who spoke on behalf of Western Armenians.

Hundreds of thousands of Armenians, within the armies of the Russian Empire, participated in the war against the Ottoman Empire. In addition, about 10 thsd volunteers joined them. Armenians diaspora formed a volunteer legion within the French army, known as Eastern and then

as Armenian. Both the Armenian political circles and the Entente states considered the Armenians as allies who had suffered enormous losses during the I World War, so they should receive compensation, and the peace conference should meet their requests. It was obvious that there should be an independent Armenian state in the new world, which should include the Armenian vilayets (provinces) that had been parts of the Ottoman Empire, to which Russian Armenia should also join (perhaps Cilicia would also be included in that state).

Regarding the later events, those expectations did not allow Armenian politicians to correctly assess the decisive changes that took place in the region, and they became of fatal importance for the Republic of Armenia. In particular, the Milli movement led by M. K. Ataturk was extremely important, as it was doing everything to prevent the partition of Turkey as much as possible and exclude the transfer of the Western Armenian provinces to the Republic of Armenia. Besides, close cooperation between M. K. Ataturk and the Bolshevik leadership of Russia was soon established, which had also been directed against Armenia. In September 1920 200 kilograms of gold, sent as aid from Russia, arrived in Erzurum. On 20 September 1920 M. K. Ataturk signed the order to attack Armenia. The attack began on 28 September 1920 [2, p. 75–76].

At the same time, none of the Western allies of Armenia took any practical steps to support the liberation of Western Armenia, the disarmament of Turkish troops there, or the organisation of the repatriation of Armenians. Despite hundreds, perhaps thousands, of corresponding documents circulated in the diplomatic offices of the Entente states, that issue remained unresolved.

Armenia accepted the Treaty of Sevres as the only option for demarcation of the Turkish-Armenian border, and Ataturk's government did not recognise it absolutely. The war became inevitable. Being convinced that the Western countries would not provide any practical assistance to Armenia and receiving a green light from Russia, Turkish troops invaded Armenia at the end of September 1920¹.

¹The topic of the Turkish-Armenian War is discussed in detail in the reports [3–7]. Turkish historians consider the issue mainly within the framework of the war for independence led by M. K. Ataturk [8].

Research methodology

The authors followed the principles of historicity, impartiality, and comprehensiveness. The study used the historical-comparative method, as well as the content analysis of newspaper articles. It was possible to achieve the objectives of the research through the above-mentioned methodology and the involvement of factual materials.

Within the framework of this article, we attempted to analyse not the very military operations and the course and consequences of the war, but their reflection in the Armenian press of that historical period. Its discussions allow a more complete understanding of the spirit of the time the expectations of society and political circles, the way of thinking, and the assessment of those events. It is interesting to evaluate the sources of information, and misinformation, as well as the focus on various actors.

Some of the most important Armenian newspapers of the time, like «Yaraj» (Yerevan), «Mshak» (Tiflis), «Arev» (Alexandria), and «Hayrenik» (Boston), published in the period of August 1920 to February 1921, have also been studied by us. All the materials were subject to content analysis.

«Yaraj» is a daily Yerevan newspaper was published in 1919–1920. It was the press organ of the Bureau of the Armenian Revolutionary Federation «Dashnaktsutyun» (hereinafter – ARF «Dashnaktsutyun»). Its editors were V. Na-

vasardyan, S. Vratsyan, and A. Chilingaryan (R. Darbinyan) [9, p. 34]. «Mshak» (Tiflis) was one of the most important periodicals of the late 19th and 20th centuries in the Eastern Armenian milieu, so its role in social and political life became quite significant. Although Tiflis was located outside the Republic of Armenia, the newspaper's information formed largely local rather than foreign discourse.

Egypt and the USA hosted some of the most important communities of the Armenian diaspora, witnessing huge fundamental transformations as a result of the Armenian genocide which led to the forming of a new system. The Armenian community in Egypt was one of the main centres of the diaspora in the 1920–30s. At the same time, Boston² was one of the centres of the Armenian community in the USA as well as home to one of the largest Armenian communities abroad, and the «Hayrenik» daily had become one of the most influential Armenian periodicals for decades.

From a political point of view, «Yaraj» and «Hayrenik» were the ruling ARF «Dashnaktsutyun» dailies in the Republic of Armenia, «Mshak» was neutral, and «Arev» expressed the views of the Ramkavar (Democratic Liberal) Party, the biggest force opposing the ARF «Dashnaktsutyun» in the Armenian milieu at the time, with the actual leader in the person of the latter, P. N. Nubar.

The eve of the war

The excitement caused by the Treaty of Sevres dazzled the eyes of Armenian politicians observing the events that were taking place in the region. It was reflected in the criticism in the Armenian press of the limited size of the territories to be ceased to Armenia according to the treaty. For example, the first article in «Arev» on 13 August 1920, notifying about the Treaty of Sevres, said that unlike Greeks, Armenians should not be too enthusiastic: first, because they paid a very high price for what they had received. Then, an important part of it went to Armenia just by agreement, and Armenians would need new sacrifices to finally take over those territories. There was a hope that the Greeks would go deeper into Anatolia, towards Ankara and Sivas. It also noted that the great dream of centuries had come true: countless victims were not in vain. Now the question of Cilicia remained the only one³.

On the other side of the ocean, the news of the signing of the long-awaited treaty reached the pages of Boston's «Hayrenik» two days later. They cited A. Aharonyan, the head of the Armenia delegation, who had signed the treaty: «For the sake of the Republic of Armenia, I signed the peace treaty with Turkey, which established the independence of the United Armenia. In this decisive

hour, which opens a new era of freedom and progress for the Armenian nation, we recall with emotion the memory of all those who fell for the sake of the Motherland»⁴ (hereinafter our translation. – *E. M., V. M., M. G., H. M., T. Gh.*).

That time, the trend to overestimate the strength of the Armenian army and underestimate the Turkish forces was evident. Back on 5 August 1920 «Hayrenik» published an excerpt from Al. Khatisyan's interview, given by him to the newspaper «Chakatamart» (Constantinople): «One cannot remain neutral, having seen our army. For two whole years, it was half-naked and half-hungry. All of them are full of love for the motherland and of their belief in victory. And tomorrow you will see what the Armenian army is worth»⁵. H. Kajaznuni, the first Prime Minister of the Republic of Armenia, spoke in the same spirit during a meeting with about 400 representatives of the Armenian community in New York on 8 August 1920: «Fight! Endless fight! We are the victorious ones; in this war, victorious is the one who fights for a long time. We will fight until our final victory. I have already sacrificed my two young children; there is the third one; he is also serving in the Armenian army now; he must march and fight, as that is everyone's duty»⁶.

²Los Angeles became the most important centre for American Armenians only in the second half of the 20th century.

³The signing of the Turkish Pact // *Arev*. 1920. 13 Aug. P. 1 (in Armen.).

⁴Aharonyan signs the Armenian-Turkish treaty on behalf of the Republic of Armenia // *Hayrenik*. 1920. 15 Aug. P. 1 (in Armen.).

⁵Armenia and its neighbours. The motherland needs all its children: the army relies on us // *Ibid*. 5 Aug. P. 2 (in Armen.).

⁶A celebration in honor of the first Prime Minister of Armenia, Hovhannes Kajaznuni, and His Holiness Catholicos Khoren // *Ibid*. 17 Aug. P. 2 (in Armen.).

A. Aharonyan's statement, published on the eve of the war, sounds incredibly unrealistic from the distance of a century: «As I said, it depends on the wisdom of the Turkish leaders to avoid all the serious consequences that could be devastating for them by implementing the pact. <...> Contrary to the unspeakable atrocities that the Turks committed against the innocent Ar-

menian people, I believe that if the Turks will sincerely try to make us forget the injustices committed by them in a good neighbourly manner, the Armenian people will pursue fair and honest work, daily earnings. Thus, we will slowly accept that neighbourhood and should not think to respond to atrocities with blood»⁷.

The course of the war

The following was what «Yaraj» wrote about the start of the war: «On the night of 28 September, the Turks made a strong attack on the front of Peneak and Bardus. Our troops showed strong resistance and fortified themselves on the heights of Verishen. On the same day, 28 September, large Turkish forces launched an attack on Karaorgan, from where our troops withdrew to the Soghanlukh mountain range. Enemy forces were also seen in the Karakurt region. It has become clear that the immediate goal of the enemy is to cut the Sarighamish – Kars railway and deprive our troops and people of the Sarighamish and Kaghzvan regions of freedom»⁸. It is clear from the government message that after the start of large-scale operations, the Armenian command deported the population of Sarighamish and Kaghzvan in the night of 29 September, which, according to the statement, was done «in order to avoid casualties and to capture more convenient positions»⁹.

If «Yaraj» started publishing news about the war on 30 September, «Arev» of Alexandria reported the first news about it on 8 October¹⁰ and «Hayrenik» – on 10 October: «Kazim Karabekir Pasha marches through Armenia in the direction of Olti. The Armenian army is bravely resisting»¹¹.

From the beginning to the end of the war, the headline «To the Battlefield» appeared on the front page of «Yaraj». On the cover of the newspaper and in different sections of other pages, one can see various appeals aimed at confronting both external and internal enemies. Thus, since the 30 September issue on, we see the following appeals: «Our age-old enemy has risen again. He is knocking at our doors with red flags. His goal is to subdue Armenia and join the Bolsheviks», «Internal traitors are also waiting for them to come», «Get ready, Armenian people, the Turkish threat is coming», «Who is not with us... is our enemy», «Death to the internal foes, death to the enemy», «Let us strengthen the ranks, strengthen the front», «We suppressed the Bolshevik riots. We will defeat the bloody Turk»¹².

Hopes to liberate Western Armenia as a result of ongoing battles testify to an unrealistic assessment of the situation at the beginning of the war: «It is necessary to get thoroughly ready not only to expel our enemy out of our western borders, but also to strike him with such a final blow that he will no longer be able to resist us in Western Armenia at all. The battles in the direction of Sarighamish, Olti, and Igdir should be battles for Erzurum, Van, and Bitlis. According to that high goal, there should also be the momentum and magnitude of the blow to be stricken by us»¹³.

Newspapers represent the enthusiasm with which the population of Armenia voluntarily went to the front. For example, «Arev» wrote that people were going to Kars on foot, there were no men left on the streets, and everyone was going to join our army¹⁴.

Gradually, that enthusiasm changed to more sober assessments. Speaking about the failure of the offensive operations of the Armenian forces in the direction of Sarighamish and Merdenek on 14 October, the article (sent from Kars) concluded: «First, we saw that the enemy was not to be despised, so we had no right to look at him with too much self-confidence, he is strong enough, experienced, careful, and balanced in what he is doing»¹⁵.

In fact, for the first time since the beginning of the war, on the pages of «Yaraj» we see that the enemy was not underestimated, and calls appear for caution in the next operations, which had been absent in the previous weeks.

T. Pashalyan called on in his article at «Hayrenik» neither to worry too much about failures, nor to be too excited about positive news. He interpreted the retreat of the Armenian troops as a temporary tactical operation: «The reported Armenian retreat, then, was nothing but a temporary movement to stronger and unconquerable places»¹⁶.

On 10 November, in «Arev» we come across the analysis of one and a half months of the ongoing war, where it said that the Turks had achieved their first successes

⁷Aharonyan's statements // Hayrenik. 1920. 21 Sept. P. 1 (in Armen.).

⁸Government message (on September 30). To the citizens of Armenia // Yaraj. 1920. 1 Oct. P. 1 (in Armen.).

⁹Ibid.

¹⁰The new victory of the Armenian army // Arev. 1920. 8 Oct. P. 3 (in Armen.).

¹¹Kazim Karabekir attacks Armenia and sees the heroic resistance of the Armenian army (private telegram) // Hayrenik. 1920. 10 Oct. P. 3 (in Armen.).

¹²Yaraj. 1920. 9 Sept. P. 1 (in Armen.).

¹³Editorial. Towards a decisive blow, towards the final victory // Yaraj. 1920. 10 Oct. P. 2 (in Armen.).

¹⁴Enthusiasm in Armenia // Arev. 1920. 8 Oct. P. 2 (in Armen.).

¹⁵The value of the attempted attack on October 14 // Yaraj. 1920. 23 Oct. P. 2 (in Armen.).

¹⁶Pashlyan T. Military status, balance of forces, assumptions, and probabilities // Hayrenik. 1920. 19 Oct. P. 1 (in Armen.).

without facing any serious resistance. The first real battles took place in front of Kars and near Igdir, in which the Armenian army was victorious. After that, the Armenian army, using the time to prepare, gathering volunteers according to the latest telegrams, defeated the Turks near Sarighamish and Igdir, and the Armenians recaptured those cities¹⁷.

«Yaraj» also criticises Armenia's former allies: «...big and small allies have left the Armenians, their little ally, in the struggle of life and death in front of the enemies and are watching with demonic coldness and indifference how we are being killed, how the little Armenian people are slowly being annihilated»¹⁸. Particularly, France and Italy came under criticism: «While the Turkish troops, disregarding the Treaty of Sevres, advance on Armenia, the two representatives of European diplomacy – France and Italy – are trying to provide moral and material progress to the Turkish thugs who have been fighting alongside Germany for four years»¹⁹.

On 14 November, «Hayrenik» published the news of the fall of Kars, which it got from Paris on the previous day: «After a 4-day fierce battle, Kars was captured by the Turks on 31 October, who had received a significant number of auxiliary forces. Our troops have retreated to Alexandropol with fight»²⁰.

On 22 November, we again came across an article criticising the allies, in which it was mentioned that the defeat of Armenia in the war would be dishonorable for the allies²¹.

We find news about a forced cease-fire agreement with the Turks in the article published on 24 November, but dated 7 November. It said: «After the fall of Kars, under constant pressure from the enemy, our troops were forced to retreat step by step to Alexandropol. Yesterday, on 6 November, the enemy had already approached Alexandropol and threatened the city.

Taking into consideration the threat to the population on the one hand, on the other hand, the desire ex-

pressed by us, as well as by the Turkish government, to start negotiations in order to conclude the reconciliation agreement, the Armenian government turned to their government, offering to start negotiations. The place and time will be decided soon»²².

The resumption of hostilities after the cease-fire violation gave Armenians hope that the situation would change. The press made comparisons with the heroic battles of May 1918: «Let all our thoughts go back to the decisive battle of Sardarapat, where our today's heroes laid the foundation of Armenia's political and national independence with such great courage in May 1918»²³. It continues: «For those who have deep conviction and faith in the endurance of the Armenian race, all these events are just nothing»²⁴.

Faked news also appeared in the press. In particular, there were rumors that the Armenians had recaptured Kars²⁵.

It is interesting that if at the beginning of the war the strength of the Turkish troops was underestimated, then by the end of the war, the opposite attitude was the reason for the failures. A. Rshtuni wrote in Boston's ARF «Dashnaksutyun» organ: «Armenia, with its valiant army, unintentionally entered into a war against forces ten times bigger than itself»²⁶.

In addition to the notes on intermittent cease-fires, small border escalations, and troop movements, «Yaraj» also referred to the negotiations that had begun in Alexandropol in the last days of the war. However, due to the lack of true information, the newspaper was unable to provide details, but only tried to understand the situation and made predictions with some analyses. Information about the negotiations appeared on the pages of «Hayrenik» on 1 December²⁷.

Information about the signing of the Alexandropol Treaty was published in «Hayrenik» on 11 December²⁸. «Arev» mentioned the Alexandropol Treaty on 13 December²⁹ and its articles reviewed it only on 16 January³⁰.

About Turkish-Russian cooperation

Even on the eve of the war, there were reports of Turkish-Russian cooperation: «In the middle of this month, the Turkish troops, wanting to occupy the coal mines, appeared in the direction of the Olti region with

superior forces, forcing our military units to retreat. At the same time, a Soviet Russian military unit, which was located on the north-eastern border of the Ghazakh region, appeared and pushed back the Armenian military

¹⁷The Armenian front // Arev. 1920. 10 Novemb. P. 2 (in Armen.).

¹⁸Drsetsi. We and our allies // Yaraj. 1920. 17 Oct. P. 1 (in Armen.).

¹⁹Editorial. The war of the Armenian people and European diplomacy I // Hayrenik. 1920. 17 Oct. P. 2 (in Armen.).

²⁰Armistice conditions (private telegram) // Ibid. 14 Novemb. P. 1 (in Armen.).

²¹The pathetic condition of Armenia // Arev. 1920. 22 Novemb. P. 3 (in Armen.).

²²From the report of the Armenian government, how the Armistice was concluded // Ibid. 1920. 24 Novemb. P. 2 (in Armen.).

²³To Sardarapat // Hayrenik. 1920. 21 Novemb. P. 2 (in Armen.).

²⁴Let us keep our hearts strong // Ibid. 25 Novemb. P. 1 (in Armen.).

²⁵Armenian-Turkish War // Arev. 1920. 26 Novemb. P. 3 (in Armen.); The Turks ask for a cease-fire as the Armenian forces recaptured Kars (private telegram) // Hayrenik. 1920. 28 Novemb. P. 1 (in Armen.).

²⁶Rshtuni A. «Long live Garapekir» // Ibid. 1 Dec. P. 1 (in Armen.).

²⁷Reconciliation with the borders of the Brest-Litovsk Pact? // Ibid. P. 3 (in Armen.).

²⁸Peace concluded between Turkey and Armenia // Ibid. 11 Dec. P. 5 (in Armen.).

²⁹Agreement between Armenians and Kemalists // Arev. 1920. 13 Dec. P. 3 (in Armen.).

³⁰A copy of the shameful treaty of peace signed between Armenia and the Turks. New details // Ibid. 1921. 16 Jan. P. 2 (in Armen.).

group. Armenian troops resorted to a counter-offensive, drove the enemy from his occupied positions, and took back the Armenian land that the enemy had seized»³¹.

In «Hayrenik» on 14 October we read: «The attack on Armenia by the Turkish nationalists was dictated by the Bolsheviks»³². A day later, in the same newspaper, we read the strong criticism of N. N. Aghbalyan, one of the prominent figures of the ARF «Dashnaktsutyun», directed at Soviet Russia: «Soviet Russia, that poor country sense of mind, soul and essence, wants to support the progress of Ataturk's troops. The insidious and cruel Soviet Russia united with the Turks. It really resembles the old, regressive Russia. It allied with Turkey. This partnership is connected with red blood»³³.

According to «Yaraj», the cooperation between the Turkish and Bolshevik radio stations are the proof that «the immediate attack on Armenia was prepared and carried out with the awareness and support of the Bolsheviks»³⁴. Understandably, the Armenian Bolsheviks receive much more criticism: «Armenian Bolsheviks, tho-

se degenerate elements of our people, today are arming our ancient enemies, and even the blind can see that they are the open traitors of our motherland»³⁵.

«Hayrenik» also blamed the Armenian Bolsheviks: «The weak-minded followers of V. I. Lenin and L. D. Trotskii, who bear Armenian names but have Turkish and Tatar hearts, consider more important Enver and Talaat, the notable friends of their master – V. I. Lenin, than the Armenian national figures and statesmen. Here, we should not want to blame Russian Bolshevism as much as Armenian Bolshevism, which wants to establish contact with the Leninist movement at the cost of jeopardising the vital interests of the Armenian people»³⁶.

On 8 November, «Arev» published the information of a high-ranking official of the Ministry of Foreign Affairs of Great Britain, who had disclosed in the parliament that the Turkish nationalists had received weapons and munitions from the Bolsheviks via Trabzon and other ports on the Black Sea³⁷.

The reasons for the defeat

As one of the reasons for the defeat «Yaraj» considered the good preparation of the Turks and their good military school. The Turkish military command also possessed great skills, and the troops were more numerous at all fronts than the Armenian forces.

Talking about the reasons for the defeat already on 8 December, «Hayrenik» blamed Armenia's allies for failing to fulfill their obligations³⁸. That idea was developed later: «...with our blood and supreme sacrifice, we actually tested European diplomacy, which for many centuries was soaked in our innocent blood, but we believed that this time it would be somewhat fair and sincere towards us, at least to atone for its terrible sins of the past»³⁹.

«Hayrenik» considered that the government of the Republic of Armenia did all they best, so it should be out of criticism for the defeat: «Our government and army did what was humanly possible to protect the borders of the motherland. Every true Armenian must accept that no one in this world can do what is not really possible»⁴⁰. It also accused the oppositional parties and forces, who had tried to shift the blame of foreign countries to the ARF «Dashnaktsutyun»⁴¹. E. Sahakyan

considered the main reason for the defeat to be «Soviet Russia's invasion of Armenia»⁴².

The first analysis of the reasons for the defeat can be found in «Arev» on 10 December. It mentioned the underestimation of the enemy's forces as the number one reason⁴³. After the war, the hypothesis of betrayal was also discussed. Russian Armenians were blamed for the defeat: the Armenian-Russian anti-national spirit played an important role in the defeat.

The war showed that the Armenian army had no command. Before the fall of Kars, the enthusiasm of the Armenian army was very high, because rumors spread that Andranik would come to Trabzon with Greeks. Even though it was said that he had already landed in Batumi with 10 thsd Armenian volunteers. Armenians thought that the Turkish army was in a state of decay. For that purpose, 50 thsd people were conscripted, but after they had seen the power of the Turks, they became demoralised⁴⁴.

On 31 December, «Arev» published an abstract from «The Egyptian Gazette» (Egypt) that the war could have been avoided if the Treaty of Sevres had been abandoned in advance⁴⁵.

³¹The last hour // Mshak. 1920. 1 Oct. P. 2 (in Armen.).

³²The Turks and the Bolsheviks are working together against the Armenian army // Hayrenik. 1920. 14 Oct. P. 3 (in Armen.).

³³Aghbalyan N. N. Aghbalyan speaks // Ibid. 15 Oct. P. 1 (in Armen.).

³⁴Editorial. Turkish-Bolshevik conspiracy // Yaraj. 1920. 3 Oct. P. 2 (in Armen.).

³⁵Editorial. Solidarity // Ibid. 8 Oct. P. 2 (in Armen.).

³⁶The scum of Armenia // Hayrenik. 1920. 23 Oct. P. 2 (in Armen.).

³⁷Mustafa Kemal and the Bolsheviks // Arev. 1920. 8 Novemb. P. 3 (in Armen.).

³⁸Editorial for history // Hayrenik. 1920. 8 Dec. P. 2 (in Armen.).

³⁹Remarks III // Ibid. 12 Dec. P. 2 (in Armen.).

⁴⁰Editorial. Noisemakers on the case // Ibid. 15 Dec. P. 2 (in Armen.).

⁴¹Editorial. Stand by the people // Ibid. 18 Dec. P. 2 (in Armen.).

⁴²Sahakyan E. The new status. the essence of Russian politics // Ibid. 1921. 1 Jan. P. 1–2 (in Armen.).

⁴³Armenian illusions about the real power of the Turks // Arev. 1920. 10 Dec. P. 2 (in Armen.).

⁴⁴Around the Armenian-Turkish War. Statements, details // Ibid. 31 Dec. P. 2 (in Armen.).

⁴⁵Armenia had the right to be a Bolshevik (issue of 27 December 1920, «The Egyptian Gazette») // Ibid. P. 3 (in Armen.).

Two of S. Boroyan's soldiers, L. Ashchyan and Z. Zardaryan, explained the defeat with Russian-Armenian and Turkish-Armenian contradictions and a negative attitude towards the latter. In the «Arev» editorial office, they said there was a festive mood and a wedding in Kars during the fall. There was a very bad attitude towards the Armenian volunteers who came from Constantinople,

Cilicia. They did not give food or even weapons to the Western Armenian volunteers⁴⁶.

Furthermore, if people like P. Nubar, G. Noratunkyan, and H. Guyumjyan had been in power instead of the ARF «Dashnaksutyun», the result could have been different⁴⁷. Such claims were more indicative of the political struggle than a dispassionate analysis.

Conclusions

The reporting of the Turkish-Armenian War of 1920 in the Armenian press of that period was of key importance both in Armenia and in the Armenian diaspora. People obtained information about it from official state sources, testimonies of individual persons, and, in the case of periodicals published abroad, also from local and European media.

Optimism prevailed on the eve and at the initial phase of the war, which was based on the overestimation of Armenian's own forces and the simultaneous underestimation of the enemy. There were high hopes that the provisions of the Treaty of Sevres would be implemented concerning Armenia. Even sometimes, they were considered the minimum possible, and there were expectations that it would be possible to achieve the annexation of larger territories to Armenia.

During the first month of the war, the newspapers again showed optimism, emphasising the great enthusiasm of the population, the large number of volunteers. Often, an attempt was made to pick out individual facts and present them to the public, paying less attention to failures.

It gradually became obvious that the Armenian side was losing, and the fall of Kars had the effect of a cold shower. Therefore, it was no coincidence that even after that, misinformation that the Armenians allegedly re-

captured Kars took place. The press combined information about losses with its understanding of their causes. If the newspapers of the ARF «Dashnaksutyun» tended to see it as the Turkish-Russian cooperation primarily and the anti-state activities of the Armenian Bolsheviks, as well as the inactivity of the allies, then the periodicals with oppositional orientation, in addition to the above circumstances (or much more), accused the government of the Republic of Armenia of conducting a reckless policy. Often, that criticism based itself on unrealistic assessments, so the political authorities did not consider them as determined by just party interests according to circumstances.

The reporting of the 1920 Turkish-Armenian War in the Armenian press shows that at that time, social and political circles made judgments about the military-political events in accordance with their own ideas, but with no desire to establish justice or make correct assessments. That was also another reason: the fact that in 1920, Armenia faced enormous territorial and human losses. Although various analyses of the war have been made, the study of the mindsets of different layers of the society of that time helps us to form more complete understanding of the problem, and it also brings us better understanding of the logic of decisions made by the authorities.

References

1. Kevorkian R. *The Armenian genocide: a complete history*. London: I. B. Tauris; 2011. 1029 p.
2. Safrastyan R. *Mustafa Kemal. Struggle against the Republic of Armenia (1919–1921)*. Yerevan: Tir Publishing House; 2019. 140 p. Armenian.
3. Hovannisian RG. *The Republic of Armenia. Volume 4, Between crescent and sickle: partition and sovietisation*. Berkeley: University of California Press; 1996. 496 p.
4. Zohrabyan E. *The Turkish-Armenian War of 1920 and the powers*. Yerevan: Voskan Yerevantsi; 1997. 366 p. Armenian.
5. Artsruni V. *The Armenian-Turkish War*. Yerevan: Mughni; 2002. 456 p. Armenian.
6. Khurshudyan L. *The partition of Armenia in 1920*. Yerevan: Yerevan State University Press; 2002. 315 p. Armenian.
7. Hakobyan A. *The military-political situation of the Republic of Armenia in 1920*. Yerevan: Institute of History of the National Academy of Sciences of Republic of Armenia; 2022. 509 p. Armenian.
8. Kayali H. The struggle for independence. In: Kasaba R, editor. *The Cambridge history of Turke. Volume 4, Turkey in the modern world*. Cambridge: Cambridge University Press; 2008. p. 112–146.
9. Hakobyan A. *History of the periodical press of the Republic of Armenia (1918–1920)*. Yerevan: [s. n.]; 2005. 64 p. Armenian.

Received 25.04.2024 / accepted 12.06.2024.

⁴⁶Ashchyan L., Zardaryan Z. News from Armenia. How the Armenian army retreated after the surrender of Alexandropol. Turkish-Armenian volunteers. Who could save the situation // *Arev*. 1921. 21 Jan. P. 2 (in Armen.).

⁴⁷Expert. Discussions on the disaster in Armenia // *Ibid*. 9 Febr. P. 1 (in Armen.).

УДК 94(73)«1976/1980»

ИНИЦИАТИВА ПРЕЗИДЕНТА США ДЖ. КАРТЕРА ПО ВЫВОДУ АМЕРИКАНСКИХ ВОЙСК ИЗ ЮЖНОЙ КОРЕИ В 1976–1980 гг.: ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ

Д. А. САДАКОВ¹⁾

¹⁾Вятский государственный университет, ул. Московская, 36, 610000, г. Киров, Россия

Аннотация. Рассматривается процесс исполнения одного из важнейших пунктов предвыборной программы президента США Дж. Картера, касающийся постепенного вывода американских сухопутных войск и тактического ядерного оружия с территории Корейского полуострова. Данная инициатива во многом была обусловлена скандалами, связанными с деятельностью Корейского центрального разведывательного агентства в США, случаями подкупа американских конгрессменов южнокорейцами и негативным отношением американцев к авторитарному режиму президента Республики Корея Пак Чон Хи. Анализируется подготовленный администрацией президента план реализации предвыборных обещаний. Отмечается, что вывод войск с Корейского полуострова предполагалось осуществить пофазно в течение четырех или пяти лет. Он не должен был существенно изменить военный баланс в регионе. Указывается, что препятствием для реализации плана стала позиция конгресса США, который не соглашался с обсужденным с южнокорейцами пакетом компенсационных мер. Причиной сопротивления конгрессменов выступала как общая пассивность американской внешней политики, так и слабая внутривнутриполитическая подготовка резкого шага президентской администрации. Несмотря на это, Дж. Картер продолжил искать возможности для исполнения своих предвыборных обещаний. Делается вывод о том, что итогом данной инициативы стал лишь банальный обмен отказа от планов вывода американских войск с полуострова на ограниченное смягчение порядков южнокорейской диктатуры.

Ключевые слова: Республика Корея; Пак Чон Хи; Дж. Картер; США; права человека.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 22-78-10179; <https://rscf.ru/project/22-78-10179/>).

ІНІЦЫЯТЫВА ПРЭЗІДЭНТА ЗША ДЖ. КАРТЭРА ПА ВЫВАДУ АМЕРЫКАНСКІХ ВОЙСК З ЮЖНАЙ КАРЭІ Ў 1976–1980 гг.: ПРЫЧЫНЫ НЯЎДАЧЫ

Д. А. САДАКОЎ^{1*}

^{1*}Вяцкі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. Маскоўская, 36, 610000, г. Кіраў, Расія

Анотацыя. Разглядаецца працэс выканання аднаго з найважнейшых пунктаў перадвыбарнай праграмы прэзідэнта ЗША Дж. Картэра, які датычыцца паступовага вываду амерыканскіх сухапутных войск і тактычнай ядзернай зброі з тэрыторыі Карэйскага паўвострава. Дадзеная ініцыятыва шмат у чым была абумоўлена скандаламі, звязанымі з дзейнасцю Карэйскага цэнтральнага разведвальнага агенцтва ў ЗША, выпадкамі подкупу амерыканскіх кангрэсменаў паўднёвакарэйцамі і негатывным стаўленнем амерыканцаў да аўтарытарнага рэжыму прэзідэнта Рэспублікі Карэя

Образец цитирования:

Садаков ДА. Инициатива президента США Дж. Картера по выводу американских войск из Южной Кореи в 1976–1980 гг.: причины неудачи. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2024;3:49–55. EDN: TGOIHU

For citation:

Sadakov DA. USA president J. Carter's initiative to withdraw American troops from South Korea in 1976–1980: reasons for failure. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2024;3:49–55. Russian. EDN: TGOIHU

Автор:

Денис Андреевич Садаков – кандидат исторических наук; научный сотрудник кафедры истории и политических наук факультета истории, политических наук и культурологии.

Author:

Denis A. Sadakov, PhD (history); researcher at the department of history and political sciences, faculty of history, political sciences and cultural studies. rstk2005@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4308-7276>

Пак Чон Хи. Аналізуецца падрыхтаваны адміністрацыяй прэзідэнта план рэалізацыі перадвыбарных абяцанняў. Адзначаецца, што вывад войск з Карэйскага паўвострава меркавалася ажыццявіць пафазна на працягу чатырох ці пяці год. Ён не павінен быў істотна змяніць ваенны баланс у рэгіёне. Указваецца, што перашкодай для рэалізацыі плана стала пазіцыя кангрэса ЗША, які не згаджаўся з абмеркаваным з паўднёвакарэйцамі пакетам кампенсацыйных мер. Прычынай супраціўлення кангрэсменаў выступала як агульная пасіўнасць амерыканскай замежнай палітыкі, так і слабая ўнутрыпалітычная падрыхтоўка рэзкага кроку прэзідэнцкай адміністрацыі. Нягледзячы на гэта, Дж. Картэр працягнуў шукаць магчымасці для выканання сваіх перадвыбарных абяцанняў. Робіцца выснова аб тым, што вынікам гэтай ініцыятывы стаў толькі банальны размен адмовы ад планаў вываду амерыканскіх войск з паўвострава на абмежаванае змякчэнне парадкаў паўднёвакарэйскай дыктатуры.

Ключавыя словы: Рэспубліка Карэя; Пак Чон Хи; Дж. Картэр; ЗША; правы чалавека.

Падзяка. Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Расійскага навуковага фонду (грант № 22-78-10179; <https://rscf.ru/project/22-78-10179/>).

USA PRESIDENT J. CARTER'S INITIATIVE TO WITHDRAW AMERICAN TROOPS FROM SOUTH KOREA IN 1976–1980: REASONS FOR FAILURE

D. A. SADAKOV^a

^a*Vyatka State University, 36 Moskovskaya Street, Kirov 610000, Russia*

Abstract. The process of implementation of one of the most important points of the election programme of USA president J. Carter, concerning the gradual withdrawal of USA ground forces and tactical nuclear weapons from the territory of the Korean Peninsula, is considered. This initiative was largely due to scandals related to the activities of the Korean Central Intelligence Agency in the USA, cases of bribery of American congressmen by South Koreans, and the growing negative attitude of Americans towards the authoritarian regime of the President of the Republic of Korea, Park Chung Hee. The plan prepared by the presidential administration for the implementation of election promises is analysed. It is noted that the withdraw troops from the Korean Peninsula was supposed to be carried out in phases over four or five years. It was not supposed to significantly change the military balance in the region. It is indicated that an obstacle to the implementation of the plan was the position of the Congress of the USA, which did not approve the package of compensation measures agreed with the South Koreans. The reason for the resistance of congressmen was both the general inertia of American foreign policy and weak domestic political preparation for the sharp step of the presidential administration. Despite this, J. Carter continued to look for opportunities to fulfill his election promises. It is concluded that the result of this initiative was only a banal exchange of abandoning plans to withdraw American troops from the peninsula for a limited softening of the orders of the South Korean dictatorship.

Keywords: Republic of Korea; Park Chung Hee; J. Carter; USA; human rights.

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (grant No. 22-78-10179; <https://rscf.ru/project/22-78-10179/>).

Введение

Союз США и Республики Корея выступает одним из системообразующих элементов архитектуры безопасности в Северо-Восточной Азии. Американское военное присутствие на Корейском полуострове гарантирует США участие в решении политических вопросов Республики Корея, однако делает уязвимыми региональные позиции США. Во второй половине XX – начале XXI в. Вашингтон не раз оказывался на грани открытого участия в полномасштабном военном конфликте. Американцы неоднократно пытались ослабить или оборвать связь с Южной Кореей, однако им удалось это сделать лишь однажды, в конце 1940-х гг. (накануне корейской войны 1950–1953 гг.).

Для многих могущественных держав актуальность сохраняют проблемы, связанные с дислоци-

рованием постоянного военного контингента за рубежом в рамках союзнических обязательств. Примером попытки снижения уровня участия в делах союзника на фоне внутривнутриполитических и внешнеполитических изменений служат усилия президента США Дж. Картера по выводу американских войск из Южной Кореи во второй половине 1970-х гг.

Целями настоящей статьи выступают установление возможных причин отдаления американцев от ставших «токсичными» союзников и определение факторов пассивности американской внешней политики. Для достижения указанных целей были решены следующие задачи: уточнены подходы американского президента Дж. Картера к вопросу вывода американских войск из Южной Кореи, выявлены причины неудач в реализации этих планов.

Теоретические основы исследования

Анализ политики президента США Дж. Картера в отношении Республики Корея широко представлен в зарубежной историографии¹ [1]. Большой интерес в данном контексте вызывают работы исследователей Дж. Вуда² и К. Уорка [2]. В отечественной историографии указанная тема до сих пор является малоизученной.

Источниковую базу исследования составляют американские архивные документы, опубликованные в сборнике «The Carter chill: US – ROK – DPRK trilateral relations, 1976–1979», материалы Архива внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ) и Государственного архива Российской Федерации, а также ряд публикаций американской прессы.

Основная часть

Избранный в 1976 г. президент США Дж. Картер пришел к власти на фоне скандалов, связанных с деятельностью Корейского центрального разведывательного агентства в США, случаями подкупа американских конгрессменов южнокорейцами и негативным отношением к авторитарному режиму корейского лидера Пак Чон Хи со стороны американского общества. Предвыборная программа Дж. Картера включала положения о постепенном выводе сухопутных войск и тактического ядерного оружия США с территории Корейского полуострова, а также меры по усилению защиты прав человека в стране. Указанные идеи были публично озвучены в январе 1975 г.³ Их реализация была обоснована необходимостью значительного сокращения военных расходов (до 2 млрд долл. США в год). Учитывая последствия вьетнамской войны 1965–1973 гг., американское общественное мнение стало крайне чувствительным к военным обязательствам страны за рубежом. Южная Корея воспринималась как потенциальный источник нового, еще более серьезного конфликта в Азии, в который неизбежно придется вмешаться вооруженным силам США⁴ [3]. Характерно, что в сентябре того же года министр обороны США Дж. Шлезингер в ходе визита в Корею заверил Пак Чон Хи в том, что численность американских войск на полуострове не изменится в течение следующих пяти лет и американская армия немедленно вступит в конфликт в случае нападения КНДР на Республику Корея⁵.

Несмотря на всю серьезность намерений Дж. Картера по поводу вывода американских сухопутных войск с Корейского полуострова, перспективы воплощения этого решения в жизнь зависели от многих факторов. С одной стороны, для поддержания стабильности в регионе американцам необходимо было добиться согласия южнокорейцев на вывод войск. Аргументами для этого согласия являлись возможное снижение уровня напряженности на полуострове и выделение пакета военной помощи, компенсирующей уход армии США. С другой стороны, президенту Дж. Картеру требовалось получить одобрение конгресса США на неизбежные в таком случае расходы.

В январе – марте 1977 г. планы вывода американских войск были официально подтверждены и конкретизированы. Операция должна была пройти поэтапно в течение четырех или пяти лет. Длительность процесса вывода войск позволяла США сохранять контроль над действиями южнокорейской армии в течение всего указанного времени⁶. При этом возможность существенного изменения военного баланса сил на полуострове исключалась.

В феврале 1977 г. американцы сообщили южнокорейцам о намерении вывести войска, подсластив пилюлю заверениями в увеличении объема военной и экономической помощи⁷. Дипломатическая поддержка планов вывода войск включала в себя поиск новых политических инициатив в отношении Северной Кореи. В частности, одобрение США получила

¹Gady F.-S. How the «Deep State» stopped a US president from withdrawing US troops from Korea // The Diplomat : site. URL: <https://thediplomat.com/2018/06/how-the-deep-state-stopped-a-us-president-from-withdrawing-us-troops-from-korea/> (date of access: 12.04.2024).

²Wood J. Persuading a president: Jimmy Carter and American troops in Korea [Electronic resource] // The National Security Archive : site. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB431/docs/intell_ebb_002.PDF (date of access: 12.04.2024).

³Oberdorfer D. Carter's decision on Korea traced back to January, 1975 // The Washington Post : site. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1977/06/12/carters-decision-on-korea-traced-back-to-january-1975/d21ffe33-35ae-4ef9-bcac-25b8fc999559/> (date of access: 12.04.2024); Wood J. Persuading a president: Jimmy Carter and American troops in Korea. P. 97 [Electronic resource] // The National Security Archive : site. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB431/docs/intell_ebb_002.PDF (date of access: 12.04.2024).

⁴Gady F.-S. How the «Deep State» stopped a US president from withdrawing US troops from Korea // The Diplomat : site. URL: <https://thediplomat.com/2018/06/how-the-deep-state-stopped-a-us-president-from-withdrawing-us-troops-from-korea/> (date of access: 12.04.2024); АВП РФ. Ф. 102. Оп. 36. Папка 77. Д. 21. Л. 1–6.

⁵Memorandum from Thomas J. Barnes of the National Security Council Staff to the president's deputy assistant for National Security Affairs (Scowcroft), Washington, September 29, 1975 // Office of the Historian : site. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d273> (date of access: 12.04.2024).

⁶Policy Review Committee meeting, Korea, 21 April 1977 // Ostermann Ch. F., Person J., Kraus Ch. The Carter chill: US – ROK – DPRK trilateral relations, 1976–1979. Wash. : Woodrow Wilson Cent., 2013. P. 98.

⁷Gady F.-S. How the «Deep State» stopped a US president from withdrawing US troops from Korea // The Diplomat : site. URL: <https://thediplomat.com/2018/06/how-the-deep-state-stopped-a-us-president-from-withdrawing-us-troops-from-korea/> (date of access: 12.04.2024); АВП РФ. Ф. 102. Оп. 36. Папка 7. Д. 21. Л. 1–6; Letter from Jimmy Carter to Park Chung Hee, 15 February 1977 // Ostermann Ch. F., Person J., Kraus Ch. The Carter chill ... P. 53–54.

идея о заключении межкорейского пакта о ненападении, выдвинутая Пак Чон Хи в январе 1974 г.⁸ Кроме того, Вашингтон поддержал решение об одновременном вступлении КНДР и Республики Корея в ООН⁹, тем самым демонстрируя одобрение в отношении сложившегося порядка сосуществования корейских государств без стабилизирующего присутствия США в регионе.

Уже в начале реализации данного плана наблюдались определенные трудности. Исполнительным властям США пришлось разбираться с последствиями разразившегося в конце правления Дж. Форда Корейгейта¹⁰ и противостоять критическому отношению конгресса США к соблюдению прав человека южнокорейским режимом. Недовольные Сеулом американские конгрессмены выступали против выделения требуемых на компенсационные меры средств и опасались, что ликвидация прямого американского присутствия в стране развяжет Пак Чон Хи руки в борьбе с оппозицией¹¹. Одновременно с противоположного фланга в адрес Дж. Картера звучали обвинения в том, что он опережает события, переоценивает потенциал Южной Кореи и недооценивает военную мощь КНДР¹².

Критики планов Дж. Картера были и среди дипломатов. Еще в середине 1976 г. сотрудники посольства США в Южной Корее стали обращать внимание на архаичность концептуальных рамок американской политики в отношении республики. Вашингтон по-прежнему воспринимал ее как государство-клиента и игнорировал постепенное повышение международного статуса страны. Американской политике не хватало долговременного планирования, что не вселяло в южнокорейцев уверенность в будущем. Намерения президента США вывести войска выступали дополнительным негативным фактором. Американские дипломаты призывали тщательно оценить ситуацию, сформулировать долгосрочные политические цели и лишь затем принимать масштабные решения¹³.

Вашингтон волновало и то, как вывод американских войск с юга Корейского полуострова будет воспринят

региональными союзниками, в первую очередь Японией. Для того чтобы исключить возможные недопонимания, необходимо было провести двусторонние консультации. Помощник госсекретаря США по вопросам Восточной Азии и Тихоокеанского региона Р. Холбрук считал неправильным демонстрировать отказ США от обязательств в регионе, где американские интересы росли¹⁴.

Несмотря на сложности, Дж. Картер проявлял твердость намерений. В марте 1977 г. он писал советнику по национальной безопасности США З. Бжезинскому и госсекретарю США С. Вэнсу: «Пак должен понять. Американские войска будут выведены»¹⁵ (перевод наш. – Д. С.). В мае 1977 г. была утверждена директива Совета национальной безопасности США, предусматривавшая вывод одной американской бригады к концу 1978 г. Еще одна бригада должна была покинуть Южную Корею к середине 1980 г. Точную дату завершения процесса вывода войск планировалось согласовать позже¹⁶. В середине 1977 г. Вашингтон пришел к выводу о целесообразности выделения Сеулу 1,9 млрд долл. США в течение четырех лет. Эти деньги должны были поступить южнокорейцам в виде оборудования, а также в форме грантового финансирования и кредитов¹⁷. В Токио и Сеул направились эмиссары Дж. Картера, которые должны были разъяснить союзникам планы США¹⁸.

Дипломатическое сопровождение процесса вывода американских войск оказалось вполне успешным. Отправившись в Корею, Ф. Хабиб и председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Дж. Браун добились если не поддержки идеи о выводе войск (южнокорейский лидер демонстрировал, что по-прежнему не понимает решения США), то по крайней мере согласия принять план эвакуации американского контингента. Американским эмиссарам удалось убедить южнокорейского президента в том, что Южная Корея не будет брошена на произвол судьбы, а американо-южнокорейский договор о взаимной обороне является достаточно эффектив-

⁸The government stance on the proposal to conclude a South-North Korean mutual nonaggression pact, 18 January 1977 // *Ostermann Ch. F., Person J., Kraus Ch.* The Carter chill ... P. 31.

⁹Cable from US mission USUN to the Secretary of State, 19 February 1977 // *Ibid.* P. 55.

¹⁰Речь идет о политическом скандале в США, связанном с попыткой южнокорейцев получить влияние на десять американских конгрессменов при помощи взяток и оказания услуг. К участию в операции было привлечено Корейское центральное разведывательное агентство.

¹¹Memo to president Carter from Cong. Donald M. Fraser, U. S. policy toward Korea, 3 March 1977 // *Ostermann Ch. F., Person J., Kraus Ch.* The Carter chill ... P. 75.

¹²*Gady F.-S.* How the «Deep State» stopped a US president from withdrawing US troops from Korea // *The Diplomat* : site. URL: <https://thediplomat.com/2018/06/how-the-deep-state-stopped-a-us-president-from-withdrawing-us-troops-from-korea/> (date of access: 12.04.2024).

¹³US policy in Korea. Annual assessment // *WikiLeaks* : site. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1976SEOUL03891_b.html (date of access: 23.12.2023).

¹⁴*Wood J.* Persuading a president: Jimmy Carter and American troops in Korea. P. 101 [Electronic resource] // *The National Security Archive* : site. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB431/docs/intell_ebb_002.PDF (date of access: 12.04.2024).

¹⁵Handwritten note from Jimmy Carter for Zbigniew Brzezinski and Cyrus Vance, 5 March 1977 // *Ostermann Ch. F., Person J., Kraus Ch.* The Carter chill ... P. 77.

¹⁶Presidential directive/NSC-12, U. S. policy in Korea, 5 May 1977 // *Ibid.* P. 120.

¹⁷Memorandum for Jimmy Carter from Warren Christopher, U. S. policy in Korea: withdrawal of ground combat forces, 19 May 1977 // *Ibid.* P. 123.

¹⁸*Ibid.* P. 125.

ным, чтобы обеспечить безопасность государства. Немало усилий американские эмиссары приложили для того, чтобы компенсационные меры показались Сеулу приемлемыми¹⁹. После двусторонних консультаций программа вывода американских войск получила поддержку Токио²⁰, хотя в частных беседах японцы продолжали демонстрировать скептицизм в отношении идеи Дж. Картера²¹.

Гораздо сложнее обстояли дела на внутренней арене США. В 1975 и 1976 гг. разведывательное сообщество США пересмотрело прежние оценки военного потенциала КНДР с применением новых методов анализа. Итогом этой работы стало признание военного превосходства Северной Кореи над Южной Кореей. Данных о северокорейском военном потенциале, однако, не доставало. Кроме того, многие официальные лица американского истеблишмента считали, что разведывательная информация, препятствующая выводу американских войск с Корейского полуострова, будет неблагосклонно воспринята членами администрации президента²².

В 1977 г. критика идеи о выводе американских войск с Корейского полуострова усилилась. В условиях предполагаемого военного превосходства Северной Кореи над Южной Кореей разведка указывала на потенциальные сложности со сдерживанием КНДР, риск возобновления ядерной программы Южной Кореи, повышение беспокойства стран региона о безопасности и резкое снижение уровня контроля США над южнокорейскими войсками²³. К выводу об опасности военного потенциала КНДР пришли члены комитета по вооруженным силам палаты представителей конгресса США. Многие военные разделили

данную точку зрения²⁴. В 1977 г. начальник штаба войск ООН в Южной Корее генерал Дж. К. Синглауб раскритиковал в прессе решение о выводе войск, после чего его незамедлительно сняли с поста²⁵.

Министр обороны США Г. Браун 21 июля 1977 г. провел брифинг для лидеров конгресса США по выводу американских войск с Корейского полуострова и сопутствующим данной инициативе шагам. Реакция законодателей была очень холодной. Идею о выводе войск не поддержал никто из парламентариев²⁶. В таких условиях получить одобрение запланированных компенсационных мер было крайне трудно. З. Бжезинский указывал на то, что завладеть необходимой поддержкой можно лишь ценой очень больших усилий. Проведение намеченных на конец июля переговоров с южнокорейцами также существенно осложнялось. По рекомендации З. Бжезинского акцент в обсуждении компенсационных мер был максимально смещен на передачу южнокорейцам американского военного снаряжения²⁷, но даже подобная мера была под угрозой из-за продолжавшегося расследования обстоятельств Кореягейта²⁸. Вскоре, 25 июля 1977 г., состоялись переговоры Г. Брауна и Пак Чон Хи, в ходе которых президенту Южной Кореи стало известно о замедлении темпов вывода войск. Первые 6000 солдат должны были покинуть Южную Корею только в конце 1978 г. Пак Чон Хи был удовлетворен²⁹.

Позиция американских конгрессменов, которые не одобряли пакет компенсационных мер, продолжала служить серьезным препятствием для вывода войск³⁰. Весной 1978 г. администрации президента США удалось добиться того, чтобы Пак Тон Сун, один из фигурантов Кореягейта, после предоставления

¹⁹Cable from US Embassy in Seoul to the secretary of state, 25 May 1977 // *Ostermann Ch. F., Person J., Kraus Ch.* The Carter chill ... P. 137 ; Cable from US Embassy in Seoul to the secretary of state, 26 May 1977 // *Ibid.* P. 147, 153 ; Memorandum for Jimmy Carter from David Aaron, Brown/Habib report on Korea, 29 May 1977 // *Ibid.* P. 153.

²⁰Memorandum for Jimmy Carter from David Aaron ... P. 154.

²¹Wood J. Persuading a president: Jimmy Carter and American troops in Korea. P. 103 [Electronic resource] // The National Security Archive : site. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB431/docs/intell_ebb_002.PDF (date of access: 12.04.2024).

²²Wood J. Persuading a president: Jimmy Carter and American troops in Korea. P. 99–102 [Electronic resource] // The National Security Archive : site. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB431/docs/intell_ebb_002.PDF (date of access: 12.04.2024).

²³CIA and national intelligence reports on ground troop withdrawals, April – May 1977 // *Ostermann Ch. F., Person J., Kraus Ch.* The Carter chill ... P. 106 ; Memorandum for Zb. Brzezinski from R. Gates, 3 June 1977 // *Ibid.* P. 160.

²⁴Wood J. Persuading a president: Jimmy Carter and American troops in Korea. P. 104 [Electronic resource] // The National Security Archive : site. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB431/docs/intell_ebb_002.PDF (date of access: 12.04.2024).

²⁵Scott A. President fires gen. Singlaub as Korea staff chief // *The Washington Post* : site. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1977/05/22/president-fires-gen-singlaub-as-korea-staff-chief/c1f31161-a78e-4545-8955-a14a8e5e01f3/> (date of access: 23.12.2023).

²⁶Memorandum from the assistant secretary of state for East Asian and Pacific Affairs (Holbrooke), the deputy assistant secretary of defense for East Asian and Pacific Affairs (Abramowitz), and Michael Armacost and Michel Oksenberg of the National Security Council Staff to Secretary of State Vance, secretary of defense Brown, and the president's assistant for National Security Affairs (Brzezinski), 4 April 1978 // *Ostermann Ch. F., Person J., Kraus Ch.* The Carter chill ... P. 296–297 ; Memorandum for the president from Zbigniew Brzezinski, Summary of April 11, 1978, meeting on Korea, and China, 11 April 1978 // *Ibid.* P. 300, 301.

²⁷Memorandum for Jimmy Carter from Zbigniew Brzezinski, congressional reaction to our Korean policy, 21 July 1977 // *Ibid.* P. 193–194 ; Brown off on visit to South Korea // *The New York Times* : dly. newsp. 1977. 23 July. URL: <https://www.nytimes.com/1977/07/23/archives/brown-off-on-visit-to-south-korea.html> (date of access: 23.12.2023).

²⁸Memorandum from the assistant secretary ... P. 296–297 ; Memorandum for the president from Zbigniew Brzezinski ... P. 300, 301 ; Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4459. Оп. 43. Д. 20022. Л. 31.

²⁹Memorandum of conversation, president Park Chung Hee, secretary of defense Harold Brown, et al., July 25, 1977 (secret) // National Security Archive : site. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/22876-document-02-memorandum-conversation-president> (date of access: 12.04.2024).

³⁰Smith T. Carter cuts total of U. S. troops to leave South Korea this year // *The New York Times* : dly. newsp. 1978. 22 April. URL: <https://www.nytimes.com/1978/04/22/archives/carter-cuts-total-of-us-troops-to-leave-south-korea-this-year.html> (date of access: 12.04.2024).

персонального иммунитета от преследования дал показания перед конгрессом США. Во второй половине 1978 г. в письменном виде ответил на вопросы парламентариев бывший посол Республики Корея в Вашингтоне Ким Дон Чо⁵¹ [4, p. 25]. Эти события позволили продвинуться в урегулировании Кореягейта. К августу 1978 г. Дж. Картеру удалось сломить сопротивление конгресса США в отношении планов передачи американского вооружения южнокорейцам. Президент лично заверил парламентариев в том, что его администрация комплексно проанализирует последствия вывода американских войск из Южной Кореи⁵² [1, p. 1080].

Проведение данного анализа завершилось в октябре 1978 г. Его итоги были неутешительными для Дж. Картера. Команда аналитиков Министерства обороны США пришла к выводу о том, что в ходе предыдущих оценок численность личного состава Корейской народной армии была занижена примерно на треть, а количество имеющейся в ее распоряжении техники было приуменьшено в 1,8–2,0 раза. В условиях дефицита достоверной разведывательной информации из КНДР представленные выводы давали вские основания для критики позиции президента⁵³.

Президент США не придавал принципиального значения итогам данного исследования, однако они позволили противникам Дж. Картера существенно укрепить свои позиции. Процесс вывода войск откровенно буксовал (к концу 1978 г. было эвакуировано не более 4000 американских военнослужащих). На фоне других актуальных внешнеполитических вопросов, таких как грядущий разрыв отношений с Тайванем⁵⁴ и заключение договора между США и СССР об ограничении наступательных вооружений⁵⁵, тема вывода войск стала периферийной.

Значительное внимание в этот период американцы начали уделять поддержке властей Республики Корея и урегулированию проблемы соблюдения прав человека Сеулом. Значимым событием стало создание командования объединенных сил Республики Корея и США. Благодаря учреждению этого органа

корейцы получили больше возможностей для участия в управлении объединенными военными силами, при этом американцы сохранили оперативный контроль над южнокорейской армией⁵⁶. На фоне новой пропагандистской кампании, разоблачавшей агрессивные планы Северной Кореи, Дж. Картер 9 февраля 1979 г. принял решение о задержке дальнейшей эвакуации американского контингента. Исполнение первоначальных планов зависело от достижения баланса сил между КНДР и Республикой Корея или существенного снижения напряженности на Корейском полуострове⁵⁷.

Летом 1979 г. состоялся визит президента США в Сеул. Итоги напряженной встречи с Пак Чон Хи сыграли решающую роль в изменении намерений Дж. Картера по поводу вывода войск. Он вынужден был признать необходимость сохранения сухопутного присутствия США на Корейском полуострове. После встречи двух лидеров в Сеуле прошли консультации с конгрессом США и военными. В результате Вашингтон официально объявил о прекращении процесса вывода войск и высказал намерение вернуться к обсуждению этих планов в 1981 г. В обмен южнокорейский лидер выразил готовность увеличить военные расходы своей страны и освободить часть политических заключенных. Тогда же Дж. Картер предложил провести трехсторонние переговоры между США, КНДР и Республикой Корея. Пак Чон Хи согласился. Однако с приостановкой процесса вывода войск это предложение было отвергнуто северокорейцами⁵⁸ [5, p. 785].

В октябре 1979 г. Пак Чон Хи был убит. В декабре 1979 г. генерал Чон Ду Хван совершил военный переворот. В сентябре 1980 г. он одержал победу на президентских выборах. Практически одновременно с этим событием, в начале ноября 1980 г., Дж. Картер потерпел поражение на президентских выборах, уступив Р. Рейгану. Новая администрация не стала возвращаться к обсуждению идеи вывода американских войск из Кореи. При этом первым визитом иностранного лидера в период правления Р. Рейгана стал приезд нового южнокорейского президента.

⁵¹Ayres B. D. Jr. Ethics unit to accept testimony of Korean ex-envoy in writing // The New York Times : dly. newsp. 1978. 4 Aug. URL: <https://www.nytimes.com/1978/08/04/archives/ethics-unit-to-accept-testimony-of-korean-exenvoy-in-writing.html> (date of access: 12.04.2024) ; Babcock Ch. R. Koreagate: bringing forth a mouse, but an honest one // The Washington Post : site. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1978/10/09/koreagate-bringing-forth-a-mouse-but-an-honest-one/3329ce7e-095f-4bb3-9cd1-f909a158183a/> (date of access: 12.04.2024).

⁵²Letter from the president J. Carter to the speaker of the House of the Representatives t O'Neill, 20 July 1978 // Ostermann Ch. F., Person J., Kraus Ch. The Carter chill ... P. 385.

⁵³Wood J. Persuading a president: Jimmy Carter and American troops in Korea. P. 99–100, 105, 108 [Electronic resource] // The National Security Archive : site. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB431/docs/intell_ebb_002.PDF (date of access: 12.04.2024).

⁵⁴Отношения США и Китайской Республики были формально прекращены в 1979 г. в пользу расширения официальных контактов США с КНР.

⁵⁵Договор между СССР и США был подписан летом 1979 г.

⁵⁶Not a sovereignty issue: understanding the transition of military operational control between the United States and South Korea // Institute for Security and Development Policy : site. URL: <https://isdip.eu/publication/not-a-sovereignty-issue-understanding-the-transition-of-military-operational-control-between-the-united-states-and-south-korea/> (date of access: 23.12.2023) ; Memorandum for Jimmy Carter from Warren Christopher ... P. 124.

⁵⁷Approved 1979 U. S. goals and objectives for Korea // WikiLeaks : site. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1979STATE040887_e.html (date of access: 23.12.2023) ; АВП РФ. Ф. 102. Оп. 39. Папка 87. Д. 24. Л. 1, 19.

⁵⁸How do you solve a problem like (South) Korea? // National Security Archive : site. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/korea/2017-06-01/how-do-you-solve-problem-south-korea> (date of access: 12.04.2024).

Заклучение

Попытка президента США Дж. Картера сократить связанные с существованием американо-южнокорейского альянса издержки закончилась крахом. Причиной неудачи стала как общая пассивность американской внешней политики, так и слабая внутривластная подготовка к такому резкому шагу. Дж. Картер, столкнувшись с сопротивлением американского истеблишмента, включая часть его ближайших соратников, продолжил искать возможности для выполнения своих предвыборных обещаний. Однако итогом этих усилий стал лишь банальный обмен отказа от планов вывода американских войск с полуострова на ограниченное смягчение южнокорейской диктатуры.

Политика Дж. Картера должна была стать логическим завершением процесса постепенного ослабления роли США в корейской политике, который был начат в 1953 г., и существенно изменить архитектуру региональной системы безопасности США. В этих условиях неудача Дж. Картера имела большое значение для дальнейшего курса Вашингтона в отношении полуострова. Президент США Р. Рейган использовал сохранившиеся со времен корейской войны элементы архитектуры безопасности для реализации новой концепции политики, касающейся Южной Кореи, а военное присутствие США в республике сохраняется до сих пор.

Библиографические ссылки / References

1. Han Sungjoo. South Korea and the United States: the alliance survives. *Asian Survey*. 1980;20(11):1075–1086.
2. Work C. *A fly in amber: Carter's Korea troop withdrawal & the recasting of U. S. hegemony and Korean agency* [dissertation]. Seattle: University of Washington; 2019. 581 p.
3. Sadakov DA. Development of the USA responses to North Korean attempts to conduct a hybrid war in 1966–1976. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2023;1:58–68. Russian.
4. Shelley Lee. The party's over: sex, gender, and orientalism in the Koreagate scandal of the 1970s. *Frontiers: A Journal of Women Studies*. 2018;39(3):1–28. DOI: 10.5250/fronjwomestud.39.3.0001.
5. Cumings B. Ending the cold war in Korea. *World Policy Journal*. 1984;1(4):769–791.

Получена 30.04.2024 / исправлена 23.05.2024 / принята 29.05.2024.
Received 30.04.2024 / revised 23.05.2024 / accepted 29.05.2024.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

АНАТАЦЫІ ДЭПАНІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 94(476)“1941/1945”:378.147.091.313(082)

Вспомним всех: студенты Белорусского государственного университета о Великой Отечественной войне (к 80-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков) [Электронный ресурс] / БГУ ; [редкол.: В. В. Сергеевкова (отв. ред.), О. А. Яновский (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 284 с. : фот. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/311734>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 30.04.2024, № 007930042024.

В издании представлены материалы, подготовленные студентами 1–4-х курсов исторического, военного и юридического факультетов БГУ во время освоения учебных дисциплин «История Великой Отечественной войны советского народа (в контексте Второй мировой войны)» и «История белорусской государственности». Большинство из материалов отражают восприятие современной молодежью подвига советского народа в борьбе с фашизмом. Тема раскрывается через описание семейных историй авторов публикаций и отражение судьбы населенных пунктов Беларуси в годы суровых испытаний. Показаны геноцид белорусского народа и ужасы холокоста на территории нашей страны. Молодые авторы только приобщаются к подготовке научных текстов, но все материалы пронизаны любовью к Родине, пониманием того, что история – это то, что нас объединяет.

УДК 94(470)(075.8) + 94(477)(075.8)

История России и Украины [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0222-01 «История», профилизации «Отечественная и всеобщая история» / БГУ ; сост.: В. И. Меньковский [и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 195 с. Библиогр.: с. 194–195. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/313420>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 11.06.2024, № 009211062024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 6-05-0222-01 «История». Содержание ЭУМК предполагает изучение различных этапов истории России и Украины с 1905 г. по настоящее время и выработку целостной системы знаний по данной теме. Курс имеет единую концепцию, а также принципы отбора и преподавания материала. В основу курса положено объективное изучение исторического процесса в России и Украине.

УДК 327(075.8)

Паддубская А. Ф. Міжнародныя і рэгіянальныя арганізацыі [Электронны рэсурс] : электрон. вучэб.-метадыч. комплекс для спец. 1-21 03 02 «Рэгіёназнаўства» / А. Ф. Паддубская ; БДУ. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2024. 64 с. Бібліягр.: с. 57–61. Рэжым доступу: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/313422>. Загал. з экрана. Дэп. у БДУ 11.06.2024, № 009411062024.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс (ЭВМК) па вучэбнай дысцыпліне «Міжнародныя і рэгіянальныя арганізацыі» прызначаны для падрыхтоўкі студэнтаў першай ступені атрымання адукацыі гістарычнага факультэта спецыяльнасці 1-21 03 02 «Рэгіёназнаўства». У ЭВМК змяшчаюцца базавыя навучальныя матэрыялы: заданні для кантралюемай аўдыторнай работы, заданні для семінарскіх заняткаў, тэматыка рэфератаў, вучэбная праграма і спіс рэкамендаванай літаратуры. Адрасуецца студэнтам гістарычнага факультэта, а таксама ўсім, хто цікавіцца пытаннямі гісторыі міжнародных арганізацый.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

<i>Елизаров С. А.</i> Местные Советы народных депутатов БССР в период советской перестройки (1985–1991): кризис роста	5
<i>Короневский В. И.</i> Отражение культа святого Гавриила Слуцкого в нарративах рубежа XIX–XX вв.	15

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Хроленок Е. В.</i> Стародубщина: теоретико-методологический аспект изучения пограничного региона в период раннего Нового времени (вторая половина XVI – XVIII в.)	25
<i>Холматов Т. К.</i> Научно-организационная деятельность советских исследователей по подготовке исторического атласа СССР в 1960-х – начале 1980-х гг.	33
<i>Минасян Э. Г., Меньковский В. И., Габриелян М. Р., Мхоян А. Х., Ганалаян Т. А.</i> Освещение турецко-армянской войны 1920 г. в армянской прессе	41
<i>Садаков Д. А.</i> Инициатива президента США Дж. Картера по выводу американских войск из Южной Кореи в 1976–1980 гг.: причины неудачи	49
Аннотации депонированных в БГУ работ	56

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

<i>Елізараў С. А.</i> Мясцовыя Саветы народных дэпутатаў БССР у перыяд савецкай перабудовы (1985–1991): крызіс росту	5
<i>Каранеўскі В. І.</i> Адлюстраванне культуры святога Гаўрыіла Слуцкага ў наратывах мяжы XIX–XX стст. ...	15

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

<i>Хралянок Я. В.</i> Старадубшчына: тэарэтычна-метадалагічны аспект вывучэння памежнага рэгіёна ў перыяд ранняга Новага часу (другая палова XVI – XVIII ст.)	25
<i>Халматаў Т. К.</i> Навукова-арганізацыйная дзейнасць савецкіх даследчыкаў па падрыхтоўцы гіс- тарычнага атласа СССР у 1960-я – пачатку 1980-х гг.	33
<i>Мінасян Э. Г., Менькоўскі В. І., Габрыелян М. Р., Мхаян А. Х., Ганалаян Т. А.</i> Асвятленне турэцка- армянскай вайны 1920 г. у армянскай прэсе	41
<i>Садакоў Д. А.</i> Ініцыятыва прэзідэнта ЗША Дж. Картэра па вываду амерыканскіх войск з Южнай Карэі ў 1976–1980 гг.: прычыны няўдачы	49
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац	56

CONTENTS

BELARUSIAN HISTORY

<i>Elizarov S. A.</i> Local Soviets of People's Deputies of the BSSR during the Soviet perestroika (1985–1991): the crisis of growth	5
<i>Koronevskii V. I.</i> The cult of Saint Gabriel of Slutsk and its reflection in the narratives of the turn of the 19 th –20 th centuries.....	15

WORLD HISTORY

<i>Khrolenok E. V.</i> Starodubshchina: theoretical and methodological aspect of studying the border region in the early Modern period (second half of the 16 th – 18 th centuries)	25
<i>Kholmatov T. K.</i> Scientific and organisational activity of Soviet researchers for the preparation of the historical atlas of the USSR in the 1960s – early 1980s.....	33
<i>Minasyan E. G., Menkouski V. I., Gabrielyan M. R., Mkhoyan H. Kh., Ghanalanyan T. H.</i> Reporting of the 1920 Turkish-Armenian War in the Armenian press	41
<i>Sadakov D. A.</i> USA president J. Carter's initiative to withdraw American troops from South Korea in 1976–1980: reasons for failure	49
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	56

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в наукометрические базы данных научных публикаций Scopus и РИНЦ.

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 3. 2024**

**Часопіс Беларускага
дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.
№ 3. 2024**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jhistory@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редактор *Е. В. Жерносек*
Технические редакторы *Н. Ю. Окуневец, М. М. Баулина*
Корректор *М. Д. Баранова*

Подписано в печать 29.07.2024.
Тираж 45 экз. Заказ 692.

Республиканское унитарное предприятие
«СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2024

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 3. 2024**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jhistory@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editor *E. V. Zhernosek*
Technical editors *N. Yu. Okunevets, M. M. Baulina*
Proofreader *M. D. Baranova*

Signed print 29.07.2024.
Edition 45 copies. Order number 692.

Republic Unitary Enterprise
«StroiMediaProekt».
License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.
13/61 V. Haruzhaj Str.,
Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2024